

НОВЫЙ

Российский писатель

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

№ 4/2023

Вначале было слово!

Союз российских писателей

**Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии
Основан в 2022 году**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Александр МИШЕНКОВ –
член Союза российских писателей

Николай АЛЕШКОВ –
член Союза российских писателей

Галина БУЛАТОВА –
член Союза российских писателей

Владимир ПЛОТНИКОВ –
член Союза писателей России

Вячеслав ХАРИТОНОВ –
член Союза писателей России

Ирина ЕВДОКИМОВА –
ответственный секретарь

Рукописи принимаются документом
Word (шрифт – Times New Roman,
кегель 14, межстрочный интервал – 1)
на e-mail: ag.mishenkov@gmail.com

Файл называть своей фамилией,
в начале текста – краткие сведения об авторе,
электронный адрес, фото автора.
Решение о публикации принимается
редакционным советом альманаха.

В НОМЕРЕ:
Колонка редактора

Вначале было слово	4
Курсом на высокий уровень!	5

Ветераны снова в строю

Николай ОВЧИННИКОВ. <i>Рассказы</i>	6
Вячеслав РОМАСЕВИЧ. <i>Стихи</i>	17
Юрий УСИНЦЕВ. <i>Стихи</i>	20
Юрий СТЕПАНЕЦ. <i>Стихи</i>	12

Писатели Тольяттинского СРП

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ. <i>Рассказы</i>	31
Любовь БЕССОНОВА. <i>Стихи</i>	45
Галина БУЛАТОВА. <i>Стихи</i>	58
Игорь МЕЛЬНИКОВ. <i>Стихи</i>	71
Елена КАРЕВА. <i>Стихи</i>	77
Борис СКОТНЕВСКИЙ. <i>Стихи</i>	81
Александр СЛЕСАРЕВ. <i>Стихи</i>	86
Вячеслав СМИРНОВ. <i>Стихи</i>	91
Виктор СТРЕЛЕЦ. <i>Стихи</i>	99
Александр МИШЕНКОВ. <i>Рассказы</i> ...	109

Наши дебютанты

Борис ЗОРЬКИН. <i>Стихи</i>	112
Иван БУРАКОВ. <i>Рассказ</i>	123
Дмитрий РАДИОНОВ. <i>Стихи</i>	128
Ольга ТАРАКАНОВА. <i>Стихи</i>	136
Теране ОРУДЖЕВА. <i>Стихи</i>	142

Крымские литераторы

Вячеслав КИЛЕСА. <i>Рассказы</i>	158
Елена ДАНИЛОВА. <i>Стихи</i>	172
Ирина ЗВЯГИНА. <i>Рассказ</i>	174
Марина ТРУСЕВИЧ. <i>Стихи</i>	179
Елена ЛЕНЖЕТОВА. <i>Стихи</i>	183
Людмила КУЛИК-КУРАКОВА. <i>Рассказ</i>	187

Верные друзья альманаха

Александр ПАЙДУЛОВ. <i>Стихи</i>	191
Вячеслав КОВАЛЬКОВ. <i>Рассказ</i>	199
Игорь МИШЕНКОВ. <i>Стихи</i>	207
Андрей ПУЧКОВ. <i>Рассказ</i>	214
Анфиса ТРЕТЬЯКОВА. <i>Стихи</i>	236
Сергей БЕЛАЯР. <i>Рассказ</i>	242
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. <i>Стихи</i>	254
Олег Корниенко. <i>Рассказ</i>	266

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО!

Уважаемые авторы и читатели! Главной причиной создания нашего альманаха стало, прежде всего, желание помочь как начинающим, так и маститым талантливым поэтам и прозаикам, независимо от их причастности к творческим союзам, публиковать свои произведения. Сейчас многие журналы и периодические издания, чтобы остаться на плаву, переходят на коммерческие рельсы и за каждую страницу литературного текста авторам приходится платить. Наш альманах потому и задуман в электронном варианте, что совершенно безвозмездно дает литераторам возможность доносить свое творчество до широкой аудитории любителей русской словесности. Надеемся, что вместе с вами мы сделаем наш альманах «Новый российский писатель» интересным, полезным и востребованным.

КУРСОМ НА ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ

Вот и закончились весенние майские праздники, которые принесли не только радость и короткую передышку от всех забот и дел, но и внутреннюю удовлетворенность от работы над завершением третьего номера альманаха.

За окном еще цветут яблони, но лето уже вступило в свои права: на ветках деревьев весело порхают птицы, голуби небольшими группами слетают на дорожки в поисках хлебных крошек, которые бросают им сердобольные старушки, а солнечные лучи, лаская соскучившиеся по загару лица, ослепительно светят в глаза, вызывая у людей счастливые улыбки.

С утра сажусь за рабочий стол, запускаю компьютер, и в глазах рябит от множества сообщений, поступивших за праздничные дни на электронный адрес.

Нельзя сказать, что я не ждал откликов в адрес редакционного совета на выход в свет нашего электронного издания, но их количество порадовало тем, что мы с коллегами затеяли большое, нужное дело.

Авторы альманаха выражали искренние благодарности за публикацию своих произведений, которые по разным причинам отклоняли другие издания, и присылали новые подборки стихотворений и прозы. Но особенно приятно было читать сообщения начинающих свой путь в литературу авторов, которые не состоят пока ни в каких писательских союзах и которым намного труднее заявить о себе как о писателях. Их благодарности и просьбы о продолжении нашего сотрудничества тронули до глубины души. Конечно же, дорогие друзья, уважаемые коллеги, присылайте свои произведения – мы их обязательно напечатаем. Наш альманах будет выходить каждый квартал и сейчас уже редакционный совет начал формирование следующего пятого номера.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность редакции журнала «Аргамак» и лично его главному редактору и создателю Николаю Петровичу Алешкову за поддержку и рекламную статью о нашем электронном литературно-художественном альманахе прозы и поэзии «Новый российский писатель».

А в заключение хочется пояснить, почему мы отошли от традиционных рамок качества подачи стихотворного материала: не всё, что написано в столбик, можно считать стихами, и не всякий текст можно считать художественной прозой...

Итак, дорогие друзья, 2023-й литературный год набрал свои обороты и вместе с вами мы поспособствуем более высокому уровню духовного развития нашей литературы!

Александр МИШЕНКОВ

ОВЧИННИКОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился 15 декабря 1920 года в городе Сызрани в семье рабочего-железнодорожника. Долгое время жил на Дальнем Востоке, работал токарем в паровозном депо Амурской железной дороги. Затем, вернувшись в Сызрань в 1939 г., - мотористом на промысле треста “Сызраньнефть”, скульптором-модельщиком на небольшом заводе “Строитель”. В 1940 г. был призван на действительную службу и с 22 июня 1941 г. по 8 мая 1945 г. находился в действующей армии в составе войск Западного, Волховского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского и 1-го Украинского фронтов. В военные годы на страницах фронтовых газет появляются его первые стихи и очерки. В 1948 году Н.М. Овчинников демобилизуется и возвращается в родной город. После окончания Сызранского учительского и Куйбышевского педагогического институтов по специальности “история” работает директором школы в селе Большая Романовка Кошкинского района, затем завучем и директором в средних школах №№ 22, 23, учителем в СШ № 3 города Сызрани. Отличник народного просвещения. В это время на страницах газет “Красный Октябрь” (“Волжские вести”), “Красное Приволжье”, “Волжская коммуна”, “Волжский комсомолец” публикуются рассказы и очерки Н.М. Овчинникова. В Куйбышевском книжном издательстве выходят его книги: в 1966 году – сборник рассказов “Деревья стали большими”, в 1969 г., повесть – “Обычный учебный год”. Его произведения публиковались в антологии “Писатели Средней Волги”, альманахе “Волга”, коллективных сборниках. В 1994 г. издается новая книга писателя, первое художественное произведение о нашем городе – “Сызранская бывальщина”. Николай Михайлович лауреат Всероссийской литературной премии имени Алексея Толстого. 10 лет возглавлял Сызранское городское литературное объединение. Почетный Гражданин г. Сызрани. Член Союза писателей России.

ЧАС СИЕСТЫ

...Кирилл бежал зигзагами, стараясь как можно быстрее скрыться за невысокими холмами, поросшими редкими пыльными деревьями. Автоматные очереди подстёгивали его, как удары бича. Он несколько раз падал, вскакивал и бежал опять. Кирилл бросил сумку с гранатами, но автомат зажал заостреннейшей рукой намертво.

Перед самыми деревьями пуля ударила ему в левое плечо. Он упал и то ли от страха, то ли от большого физического напряжения потерял сознание.

Очнулся он оттого, что на лицо ему лили воду. Кирилла подобрала солдаты второго взвода. Перевязали рану, и он на своих двоих доковылял до ротной медсанчасти.

Рана была пушечная. Пуля по касательной задела мякоть плеча. При таком ранении медсанбат не требовался, и Кирилл остался в строю.

Он ещё ходил на перевязку, когда боевые действия закончились. Вскоре Кирилл Четвёркин, рядовой мотострелковой роты, был уволен в запас

вместе со сверстниками, выслужившими свой срок. С войны он принёс, кроме пулевой раны, медаль «За отвагу».

А Пётр Юсов, Петька, дружок и земляк, с которым они вместе напоролись на засаду, в часть не вернулся. Кирилл умолчал о том, что Петька, бежавший следом, отстреливался, что после взрыва гранаты он звал Кирилла.

Петьку посчитали пропавшим без вести, только Кирилл был уверен, что Петька погиб. И осталась в памяти бойцов роты песня, которую пел Пётр Юсов под гитару:

*...Взвод идёт по шоссе,
Развернув боковые дозоры,
Головная застава зорко смотрит вперёд.
И не знают солдаты,
Вчерашние наши мальчишки,
Что за тем поворотом
Смерть солдатские жизни на выбор возьмёт...*

А в памяти Кирилла Четвёркина осталась ещё и вина перед Петькой. Звал Петька его в тот памятный день, на помощь звал, наверняка раненый. И не по себе становилось Кириллу, и стыдно, и больно за свою трусость. А ведь он, Петька Юсов, последним делился с Кириллом.

С увольнением на «гражданку» возникли новые проблемы, и Петька Юсов стал забываться. И боль душевная, тайная, стала слабеть, а потом и совсем пропала.

В последний раз Кирилл вспомнил Петра на свадьбе. После криков «горько!» он произнёс тост.

Толпа родственников и гостей притихла, увидев помрачневшего Кирилла с бокалом в руке.

– За Петра Юсова, у которого я в неоплатном долгу. И не чокаться! Погиб Петро, вечная ему память.

Все молча выпили, только дядя Эдуард обронил: «Пиши долг на забор, забор упадёт и долг пропадёт...»

Стал Кирилл шоферить в автокомбинате. И шоферил бы до пенсии, если бы не дядя Эдуард, материн брат.

Дядя Эдуард по метрикам был вовсе не Эдуард, а Ефим. Мать рассказывала: «Смолоду Ефимка был непутёвым. Жилка в нём была торгашеская. Бывало, проводит его мама в школу, а он по магазинам, по толчкам-базарам шастает. Чай, все цены знал, что почём...»

В автокомбинате Кирилл зарабатывал неплохо. Копил на машину. Жена Катя работала в школе, математиком. От комбината квартиру получили. Обстановкой обходились скромной. Детей не заводили: «Вот купим машину, тогда...»

И тут, как гром среди ясного неба: ваучеризация, приватизация. Полновесные рубли превратились в копейки. Было отчего опустить руки. Растерялся Кирилл. Растерялась предусмотрительная и расчётливая Катя. Разводили руками родители-пенсионеры.

Не растерялся дядя Эдуард-Ефим. Пришёл его звёздный час. Пригодились его широкие знакомства.

Бывало, проводится месячник по безопасности движения – Эдуард на виду. Конференция учителей – Эдуард в активе, с обществом охраны природы – на короткой ноге.

То статейку тиснет в газете, то по городскому радио выступит. И всё – в поддержку!

«Городской комитет КПСС и лично первый секретарь давно указывали на недостатки и приняли продуманное решение...» Или: «... Посетившая выставку секретарь горкома Анна Петровна Люлина благодарила художников и дала весьма ценные указания о направлении дальнейшей творческой работы...»

Заметный человек в городе был Эдуард Балалаев. И должностишку получил в жилищно-коммунальном секторе. неброская, да прибыльная.

В год-два дядя Эдуард из скромного горисполкомовского служащего превратился в «делового человека», как на первых порах называли оборотистых, обходящих закон людей.

Советская власть рухнула. Но её руководящие товарищи возглавили акционерные общества, торговые дома, вошли в советы работодателей. В обращениях друг с другом путались. По-старинке назовут «товарищем», а если хотят досадить – «господином». Закрымзенские сложили частушку:

*Был Гаврила секретарь –
Власть Советов прославлял,
Стал Гаврила господин
И у власти стал один...*

Совсем пали духом Кирилл и Катя. Вот тут и порадел родному человечку дядя Эдуард. В один из майских дней дядя заявился в гости к Кириллу. Он вальяжно расположился за столом с нехитрым угощением. Выпил стопку водки, лениво поковырял вилкой в салате – Катя полкило свежих помидоров купила. Привозных. Не хотела ударить лицом в грязь. От второй стопки дядя отказался:

– Кроме сухого «рислинга», не употребляю. Печень берегу.

Скучающим взглядом осмотрел обстановку, спросил:

– Ты всё в комбинате шоферишь? Там на кусок хлеба дадут. Но – без масла!

Ещё раз оглядел комнату: ситцевая занавеска на дверях в спальню, комод с тусклыми железными ручками на ящиках – приданое Кати,

трельяж с облупившейся амальгамой на краях стёкол. Широко зевнул. Раздумчиво проговорил:

– Увольнения в вашем автокомбинате намечаются. Перевозки сократились. Машины старые, раздёрганные... Торговые фирмы своим транспортом обзаводятся. Смекаешь, Кирилл, конкурировать с иномарками вы не сможете. И, без видимой связи с предыдущим, спросил:

– Зарплату в последний раз когда получил?

– В феврале.

– Значит, на Катерину зарплату существуете.

Кирилл молча пожал плечами. Катя опустила голову.

– Помочь хочу вам. Ты, Кирюха, мне не чужой, родная кровь. Переходи ко мне. В месяц будешь получать...

Он назвал сумму, которую Кирилл не смог бы заработать и за полгода.

– ...Будешь моим личным шофёром.

И, считая вопрос решённым, дядя Эдуард добавил:

– На кого, как не на племянника, можно положиться? А это – аванс.

Он положил на стол увесистую пачку денег. Кирилл и Катя были настолько поражены, что не могли вымолвить ни слова. А дядя Эдуард, надевая шляпу, распорядился:

– Пошли, Кирилл.

У подъезда стояла машина цвета морской волны. «Тойота», – определил Кирилл.

Дядю Эдуарда встретил и предусмотрительно открыл дверцу шофёр. Был он худ и нескладен. Сиреневый пиджак и рубашка с полосатым галстуком казались с чужого плеча, так они не вязались с испытанным лицом и сивыми вислыми усами.

– Мирон, – сказал шофёру дядя Эдуард, – ты у меня больше не служишь. А ты, Кирилл, садись за баранку.

И шофёр Мирон, и Кирилл окаменели от неожиданности. Лицо Мирона пошло красными пятнами. А дядя Эдуард, неторопливо, по-хозяйски умащиваясь на заднем сиденье, приказал:

– Едем в офис. Садись, Кирилл.

– Не могу, – насколько мог, твёрдо сказал Кирилл. – Хоть и немного, но я выпивши. Да и документы надо оформить... случись что, любой гаишник...

– Плевал я на гаишников, – перебил дядя, – но ты прав, за рулём, Кирилл, будь абсолютно трезвым. Мирон – в офис!..

Служба у дяди Эдуарда стала первой ступенькой бизнес-карьеры Кирилла Четвёркина.

И пошло-поехало. Кирилл – личный шофёр. Кирилл – телохранитель. Кирилл – доверенное лицо хозяина в бизнесе. Кирилл – младший партнёр дяди Эдуарда, управляющий одним из городских рынков.

Он раздобыл, Кирилл Четвёркин, потерял армейскую стройность, отрастил брюшко. Уже не он возил хозяина в модной иномарке, а его, возил личный шофёр. Барские нотки появились в разговоре с подчинёнными, и к нему, заискивая, обращалась за спонсорской помощью спортивная, клубная и журналистская шушера.

Вместе с дядей Эдуардом побывал Кирилл и на модном испанском курорте, «где небо южное так синее, где женщины, как на картине». Был на корриде. Смотрел знаменитые испанские танцы – «Сарабанду» и «Арагонскую хоту», отбивая ладони от восхищения. Оттуда, из Испании, он вывез и завёл в личном офисе «час сиесты», час полуденного отдыха, час, запрещающий кому бы то ни было беспокоить его, Кирилла Четвёркина.

Говорят, занятие определяет понятие. Рынок, базар, которым владел Кирилл, многому его научил.

Работая на автокомбинате, Кирилл свято чтит неписанный шофёрский закон: помощи товарищу в беде.

Помнится, ехал он с грузом из Кузнецка. Зима. Под вечер на трассе – ни души. Оно и понятно, люди к ночи стремились домой, в тепло. И он гнал домой, усталый и озябший. А тут – грузовик на обочине. И шофёр, мальчишка совсем, стоит, руками машет.

Остановился, вышел из кабины. Парнишка чуть не плачет: «Помоги». У автомобиля полетел кардан. «Две машины останавливались, да у обоих шофёров троса буксировочного не было. Дотяни до города, до стоянки...» Приволок Кирилл его машину к своему двору, парня отогрел, накормил, ночевать оставил.

Теперь Кирилл нагляделся на рынке всякого. В лицо узнавал перекупщиков. Закрывал глаза на бритоголовых «крутых», собирающих дань рэкетиров-вымогателей. На базаре можно было «купить девочку» хоть на час, хоть на ночь – имелись торговцы и этим товаром.

Кирилла уже не удивляло обилие нищих, он просто не замечал их. Но однажды...

Однажды, проходя в офис мимо торговых рядов, он услышал негромкий рокот гитары и песню. Он остановился, нашёл глазами исполнителя.

Нет, это не был нищий. Это был торговец, такой же, какими были все эти женщины и мужчины с рыбой и конфетами. С бутылками разноцветного иностранного пойла, с кроссовками и куртками, разложенными и развешенными в торговых рядах.

Товар его, правда, был необычным. Маленькие, величиной со спичечную коробку головы известных деятелей, карикатурно-шаржированные. Здесь криво усмехался московский мэр Лужков в неизменной кепочке. Фельдфебельски набычился генерал Лебедь. Злобный бородач Басаев и луноликий Егор Гайдар в паре с Чубайсом, гордо

вздернувшим остроносое лицо. Президент Ельцин соседствовал с вислощёким Колем и узколобым Клинтоном. Рядом с пятнистой головой Горбачёва притулилась мордастая толстогубая голова Новодворской. Головы из обожжённой глины были раскрашены масляными красками. Здесь же стояла синяя пластмассовая миска, в которой блестели монеты.

И кому было какое дело до того, что вот этот гражданин, занимающийся своим мелким бизнесом, играет на гитаре и поёт? Может, ему весело? Может, он поёт от полноты чувств и радости жизни? А то, что в миску бросают монеты, – это частное дело каждого. Человек не христарадничает, он поёт:

*...И не знают солдаты,
Вчерашние наши мальчишки,
Что за тем поворотом
Смерть солдатские жизни на выбор возьмёт...*

Кирилл остолбенел: Петькина песня! Продравшись через толпу зевак, он увидел, нет, не Петра Юсова. На гитаре играл старик в серой неопрятной бороде и синих очках. Жидкие седые волосы вылезали из-под армейского берета, старенького, с выцветшими полосками российского вымпела. Ни лицом, ни одеждой человек не напоминал Петра Юсова. Но вот голос...

Кирилл стоял, слушал, и ознобная волна поднималась по спине. Голос был Петькин. Петькины были придыхания и звенящая грусть. Ещё там, в казарме, послушав Петьку, хохол ротный, который знал толк в песнях, сказал: «Гарна песня. Но ты, Юсов, поёшь так, будто с невестой прощаешься»

*...Горы, горы кругом,
Молчаливые дикие горы,
Из ущелий ползёт на дорогу туман.
Этот мир и покой,
Приглядись, так коварно обманчив:
Командир хмурит бровь,
Командир хмурит бровь,
В чьих руках перевал?..*

В толпе негромко переговаривались.

– Старик, а голос-то молодой.

– Да не старик он вовсе, хоть и с бородой. Вон их сколько шляется, молодых да бородатых!

– Чай, борода-то сивая.

– Говорят, из плена пришёл, то ли из Афгана, то ли из Чечни.

– Худющий.

– В плену – не у тёщи на блинах: и похудеешь, и поседеешь...

...Снайпер выберет цель,

*Пулемёт захохочет над жертвой,
Сокрушив БТР, гулко мина рванёт,
А в родимом краю
Задрожит русской матери сердце, –
Больше станет в России,*

Больше станет в России и вдов, и сирот...

– У Анны-то, у Рассоленковой, двое ребятишек остались. Муж-то вертолётчик в Чечне сгинул.

– А у Гришиных? Забрали Володьку, через месяц похоронка пришла... Пацан совсем.

– Говорят, энтот в плен раненый попал, товарищ вроде бы его бросил, убёг...

– Того не может быть! Сам погибай, а товарища выручай! Мы в сорок втором...

Кирилл выбрался из толпы и заторопился в офис. Солнце уже сильно припекало, и то ли от начинающейся жары, то ли от волнения горло его пересохло. «Петька или не Петька?» – мучался сомнением Кирилл, входя в свои апартаменты.

Девушка-секретарь, оберегая шефа, стояла насмерть. Попасть к Четвёркину домогались трое.

Один, тощий, с оловянными глазами, вертлявый господин назвался журналистом, работником местной газеты.

– У нас с Кириллом Владимировичем очень доверительные отношения, – внушал он. – Он сам мне назначил встречу в половине первого.

– Вы знаете, – вежливо, но твёрдо парировала девушка, – шеф пунктуален. Час с двенадцати до тринадцати недоступен. В этот час ни сотрудников, ни, тем более, посетителей он не принимает.

Второй посетитель, розовощёкий крепыш, этакая гора мяса, обтянутая белым полотном, мягко улыбаясь, без видимого усилия отодвинул секретаря от двери и дёрнул за ручку. Но дверь не поддавалась. Он дёрнул ещё.

Опомнившаяся секретарь заверещала пронзительно, как базарная торговка:

– Закрыто! Закрыто же! Куда вы ломитесь, как...

Она не сказала, с кем можно было сравнить этого монолитного мужчину, и, почти успокоившись, села к столу.

К ней подошёл третий посетитель, поскрипывая протезом. Головной убор – берет армейского образца – он держал в руке. Настенное зеркало приёмной отразило пряди седых волос и синие очки.

– Девушка, – сказал он, – позвоните Кириллу. Скажите, что к нему пришёл Пётр Юсов. Товарищ он мой, однополчанин.

Он неловко переступил, поправляя за спиной гитару на широком ремне.

– Поймите меня, – взмолилась девушка, – он меня выгонит с работы, если я нарушу его запрет. Этот час для него священен, час сиесты. Ну подождите, ведь осталось-то ждать всего десять минут.

А за окном разливалась жара. Ни вентилятор под потолком, ни вентилятор напольный, перемешивая лопастями жаркий воздух, прохлады не давали.

– На днях кондиционер поставят, – ни к кому не обращаясь, сказала секретарь, – Кирилл Владимирович распорядился.

Она посмотрела на часы:

– Через три минуты он откроет.

Кирилл, навалившись грудью на стол, дышал редко и тяжело. С ним такого ещё не случалось, хотя стакан коньяка стал для него нормой в час сиесты. Он прилежно следовал совету дяди Эдуарда-Ефима, который уверял, что, «приняв» аква виты, «у Христа и у Иуды расширяются сосуды». И вдруг...

Вдруг стены офиса, лепной потолок с люстрой, окна с закрытыми жалюзи стали медленно вращаться. Кирилл ухватился за край стола, потом навалился на него, силясь дотянуться до кнопки звонка. Дневной свет стало затягивать кроваво-красной мутью, исходящей от косматого яростного солнца. Кирилл почуял калёный запах пустыни и услышал сухой треск автоматных очередей.

...Нарвавшись на засаду, они бежали вместе с Петькой Юсовым. Петька что-то кричал ему, указывая на завал из каменных глыб, но он продолжал бежать, по-заячьи петляя, к чахлым деревьям на выжженных солнцем холмах, подгоняемый диким страхом. Он бежал и твердил, не вдумываясь в смысл: «Господи, помоги... Господи, сыне Божий, да святится имя твоё... Господи...», – твердил всё, что когда-то слышал божественное, к чему относился равнодушно, походя забывая. Вот, вот они, спасительные холмы, скорее к ним, под пыльные деревья...

Яркая вспышка, как от взрыва фугаса, ослепила Кирилла. Ему вдруг стало покойно и тихо, он глубоко вздохнул и обмяк.

– Девушка, пора. Кончился час сиесты Кирилла Владимировича, – канючил журналист, – он ведь сам время назначил...

«Гора мяса» в белом решительно направился к двери, но секретарь пояснила:

– Кирилл Владимирович открывает дверь сам.

Часы в приёмной пробили час.

Секретарь, поправив причёску, направилась к двери. Она робко потянула за бронзовую ручку. Дверь была на запоре, а в кабинете стояла тишина.

Растерянно пожав плечами, девушка подняла трубку телефона:

– Кирилл Владимирович... Алло, Кирилл Владимирович...

Пётр Юсов, поскрипывая протезом, подошёл к двери и громко постучал в неё кулаком.

В приёмную вкатился человек без пиджака. Розовые подтяжки придерживали широкие брюки.

– Наденька, позвоните нашему юристу, чтобы срочно к шефу... одна нога там, другая здесь – из налоговой инспекции пожаловали.

Улыбаясь, он дёрнул дверь.

– Яков Абрамыч, – затараторила секретарь, – Кирилл Владимирович не открывают. Я звонила... стучали... Уж не случилось ли чего!

– Охрану, быстро! – крикнул тот, кого секретарь назвала Яковом Абрамычем. Ворвавшимся через минуту людям в камуфляже скомандовал: – Дверь! Взломайте дверь!

Под дружным натиском здоровенных мужиков дверь с треском распахнулась, вырвав часть косяка.

Пётр Юсов стоял в стороне от охватившей офис суматохи. Среди белых халатов мелькали люди в милицейской форме. Девушка-секретарь плакала, и по её лицу тёмными струйками стекала краска макияжа.

Странное чувство испытывал Пётр. Вначале было какое-то удовлетворение. Торжество справедливости. Судьба покарала того, по чьей вине он, Пётр Юсов, перенёс годы страданий. Он никогда не забывал того дня, когда в одиночку отбивался от группы боевиков. Засев среди каменных глыб, Петр прицельно, с какой-то холодной яростью, расстреливал чернобородых. Их было немного, человек шесть-семь. Четверо из них попали под его огонь, остальные, беспорядочно отстреливаясь, стали отходить, ударив напоследок гранатой в каменный завал. Осколок от неё попал Петру в ногу.

Если бы Кирилл был рядом!.. Но Кирилл убежал, а он, Пётр Юсов, лежал среди раскалённых камней, то приходя в сознание, то теряя его.

Боевики взяли его в полдень. Непонятно, почему не пристрелили сразу. А дальше – плен. Год за годом, год за годом...

Носилки, накрытые простынёй, пронесли в санитарную машину. Галдящие сотрудники и толпа зевак стали расходиться.

Пётр Юсов, припадая на ногу с протезом, шёл по базарной площади. Невысказанная обида уступила место горькому размышлению. Ему даже стало жаль Кирилла.

Достиг человек богатства, власти. А счастлив ли? Спит ли спокойно? Или по-прежнему рвёт сердце постоянным стремлением хватать, грести под себя, унижая и обездоливая других? А финал? Вот он, финал. Овдовела жена. Детей у Кирилла не осталось. Ради чего же прожита жизнь?

Подходя к автобусной остановке, Пётр замедлил шаги, а потом и совсем остановился. Взгляд его потеплел: обеспокоенная его отсутствием, навстречу бежала Шурка, его жена.

БЕЛЫЕ ГОЛУБИ

В пасхальные дни Борису Петровичу приснился необычный сон. Такой сон мог бы присниться 30–40-летнему, а не мужчине, разменявшему шестой десяток. Во сне он целовал девушку. Обнимал её хрупкие дрожащие плечи и руки его тонули в мягких волосах, рассыпавшихся по спине. Руки девушки обнимали его шею, притягивали к жарким губам. Проснувшись, Борис Петрович некоторое время лежал, не открывая глаз, всё ещё пребывая в чудесном состоянии молодости и любви. Потом на него навалилась тоска.

Он весь день ходил, как потерянный, в одной тапочке, вместо сахара всыпал соль в стакан утреннего чая. Не закончил уборку комнаты – кучки мусора и брошенный рядом с телевизором веник были забыты.

Только к вечеру Борис Петрович немного успокоился. Привёл себя и комнату в порядок и занялся любимым делом, надеясь, что оно поможет восстановить душевное равновесие.

Борис Петрович любил раскрашивать пасхальные яйца. Цветными фломастерами он наносил на белую поверхность прямые и ломаные линии, кружки и точки, трапеции и эллипсы. В результате, из рук мастера выходили корзиночка с цветами или лукавая рожица гнома с сивой бородой и по-детски ясными глазами, а то и Снегурочка в голубой шубке и красных сапожках.

Овдовел Борис Петрович лет десять назад. На поясном портрете в багетовой рамке Шура улыбалась полными губами. Он же, Борис, в есенински вьющихся русых волосах, смотрел чуть прищуренными глазами, как бы говоря: «Вот он я, весь, какой есть!»

Постепенно странный сон из головы ушёл. Но откуда-то из тёмного далёка тридцатых годов возникла песенка, которую певал родитель, покойный Пётр Иванович, лётчик-штурмовик в минувшей войне. Он пел эту грустно-шутливую песенку, когда что-нибудь не ладилось. Пел негромко, как бы между прочим, оставаясь наедине со своими сокровенными думами:

*Пой, гитара, грусти потихонечку,
Расскажи, в чём успеха секрет?
Я люблю одну славную Тонечку,
А она меня, кажется, нет...*

Покойную жену Шуру Борис Петрович любил без сюсюканья и телячьей восторженности. Он считал, что муж есть защитник и добытчик, а жена – хозяйка семейного гнезда и кормилица. Своё прагматическое отношение к

женщине Борис Петрович обосновывал теоретически. Он считал, что всё многообразие взаимоотношений мужчины и женщины сводится к сексуальности, в конце концов. Испанские серенады и итальянские канцоны, славословия прозаиков и поэтов, всевластие раскормленных царей и бесправие перебивающихся с хлеба на квас работяг – всё сводится к одному, к обладанию женщиной.

Века и тысячелетия это стремление обрастало то запретами, то разрешениями, обычаями-правилами. Правители и правительства сочиняли законы. Шаманы, колдуны, жрецы и служители мировых религий и малых сект одинаково присвоили право разрешать или запрещать естественное стремление мужчин и женщин слиться в единое целое. Нет, Борис Петрович не был анахоретом. Он сходился с женщинами по взаимному согласию и влечению. Дарил цветы. Помогал, если в житейской повседневности требовались мужская сила и сноровка.

К Тосе Ромашкиной, вдове, недавно вышедшей на пенсию, он пришёл христосоваться на второй день Пасхи. За окном бушевала весна. На вершинах тополей скандалили грачи, деля прошлогодние гнёзда. На крышах орали обезумевшие коты.

Тося была дома одна. Цветастый халатик облегал её высокую грудь и по-девичьи тонкую талию.

Сказав положенные слова, Борис Петрович протянул Тосе яичко, над которым трудился полный день. На фоне утренней зари мастер изобразил двух целующихся белых голубей.

– Спасибо! Какая прелесть! – глаза Тоси засияли. Борис Петрович нахмурился: – А поцеловать? Троекратно?

– Конечно же, – спохватилась Тося. Она протянула руки и встала на цыпочки. Борис Петрович привлек её мягкие плечи, ощутил упругость груди.

Первый поцелуй получился каким-то казённо-торопливым. Так целуются с начальством, демонстрируя показную преданность шефу, во власти которого казнить и миловать.

Второй поцелуй был похож на цветок-подснежник, который робко раскрыл нежные лепестки первому лучу солнца.

Третий поцелуй был сравним с арией оперного певца, у которого слились воедино красота голоса и потрясающая власть чувства.

Тосю охватил жар, поднявшийся от щиколоток до заалевших щёк. Неведомая сила повлекла её в бездну, полыхавшую розовым и золотым. Она задыхалась, ей не хватало воздуха и в то же время не хотелось остановиться в этом фантастическом полёте. Наконец она с трудом повернула лицо и, прижавшись к широкой груди Бориса Петровича, прошептала:

– С праздником, дорогой...

РОМАСЕВИЧ ВЯЧЕСЛАВ

Родился в 1926 году на Украине. В 1940 году поступил в Сталинградскую спецшколу Военно-воздушных сил. Участник обороны Сталинграда и Парада Победы в Москве. В 1950 году с золотой медалью окончил Военно-воздушную академию им. Жуковского. Полковник, кандидат технических наук, автор трех учебников по аэродинамике и динамике полета вертолетов. До 1980 года был начальником кафедры аэродинамики в Сызранском Высшем Военном училище летчиков. Стихи публиковались в газете «Красное Приволжье» Сызранского района Куйбышевской области.

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

Они заслонили Россию
И, павши под ливнем свинца,
Победе отдали все силы,
Исполнив свой долг до конца.

Их души витают незримо,
От нас покаяния ждут
И памяти павших во имя
Покончить с войной не дают.

Их списки на обелисках
Рубцами жестокой войны
Навек обрели прописку
На тихих погостах страны.

И те, совершившие подвиг,
Что с нами поныне живут,
С такою же честью уходят.
Осталось немного... уйдут.

И станут в строй войска святого,
Как искони заведено,
Средь ратников князя Донского
И воинов Бородино.

Как их легендарные деды,
Разбившие в прах воронье,
Бессмертны солдаты Победы
И вечная слава её.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ МАЯ

*Выпускникам Сталинградской
спецшколы ВВС 1941-43 г.г.*

Мы в воздух палили, как дети,
Узнав о кончине войны!
Девятого, на рассвете,
Пришел первый день тишины...

Все звезды счастливого цвета
Сияли в солдатских глазах
И гордое слово: ПОБЕДА!
Гремело на всех языках.

О павших на время забыли,
Упрятав в сердечную даль.
Так солнце Победы светило,
Что вмиг исчезала печаль.

Победа, друзья, Перемога!
Вселенский ликующий крик...
Кто думал тогда, что дорога
Потом приведет нас в тупик?!

Расколоты братья-славяне
На три «незалежных» страны
И только войны ветераны
Той дружбе солдатской верны!

Чудес не бывает на свете.
Однако уверен народ,
Что скоро «осколочки» эти
Россия опять соберет.

И вечно, девятого Мая
Пусть яблони снежно цветут,
Пусть будет пальба удалая,
Как в первый Победный салют!

ДВЕСТИ СТРОК В ПАРКЕ ПОБЕДЫ

Участникам Парада Победы

Величайшей войне был венец:
В бронзе лиц и сиянье наград,

Звезд кремлевских, отважных сердец –
Величайшей Победы Парад.

Пусть потомки запомнят в стихах:
Среди сводных парадных полков
Шли, железно печатая шаг,
До двухсот самарян-земляков.

Они названы все поименно
И, чтоб след не терялся в веках,
Отчеканен состав батальона
На титановой стали листах

И глядят, понимают живые,
Пряча светлые слезы в глазах:
Люди были щитами России!
Ныне их имена - на щитах.

ПУТЬ СОЛДАТА

Танкисту Л.И. Бурматнову

От Днепра до Волги и обратно –
С перерывами на медсанбат –
Побывал он в списках невозвратных,
Трижды похороненный солдат.

В просоленной потом гимнастерке
Сотни верст нещадно гнал врагов.
И броня его «тридцатьчетверки»
Крепла в адском пламени боев.

Хлещут по броне болванки Круппа.
Чуть левой – и экипаж в раю...
Шли в прорыв танкисты, стиснув зубы,
Ставя на кон молодость свою!

Зной, дожди и вновь пурга лихая -
Вот весна Победы, наконец,
Сумасшедший день девятый мая
И Парад Победы, как венец

Всем, кто пал, и кто прорвался в бойне.
Он предстал шеренгами солдат,

Где достойнейшие из достойных,
Бронза лиц и золото наград.

Им в строю казалось: это чудо
Иль счастливый, несказанный сон...
А у стен Кремля копилась гряда
Вражеских поверженных знамен.

УСИНЦЕВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ

Родился в 1931 году в селе Балашейка Сызранского района Куйбышевской области. Перед окончанием войны был принят воспитанником военного оркестра танкового училища, служил в оркестрах Саратова и Казани, потом в военном оркестре Сызранского Высшего военного авиационного училища летчиков. Военный пенсионер, ветеран военной службы. Печатался в окружной газете Приволжского Военного Округа «За Родину», в городских и районных газетах, в коллективных сборниках «Серебряные родники», «У старого окопа» и «По законам военного времени (Сызрань фронту)». Лауреат Сызранской городской премии «Наш город» 1999 года и призер конкурса частушек. Проживал в городе Сызрань.

«ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ...»

Это песнь моё сердце пронзила.
В ней звучали призыв и мольба.
Эту песнь вся страна подхватила.
С ней решалась Отчизны судьба.

Стала песня и гимном, и маршем.
Её голос гремел, как набат.
И бежали по телу мурашки
Уходящих на запад солдат.

Благородная ярость кипела
Океанской огромной волной.
Это Родина наша запела
Песнь, что звали «Священной войной».

СТАРЫЙ МАРШ

Вспоминаются годы войны.
На заснеженном полустанке
Разрывали покров тишины
Звуки марша «Прощанье славянки».

В снегопаде качался перрон.
И толпа на перроне бурлила.
И солдат прибывал на вагон
Гордый лозунг «Дойдем до Берлина!»

Скоро скроются в сонме пурги.
Ждите писем, мамаша и Маша.
Но похожи на плач и на гимн
Звуки этого старого марша.

И старухи крестили тайком
Новобранцев и медные трубы.
А в сторонке шептали с тоской
О любви пересохшие губы.

А состав уж в метели исчез.
Стало пусто на полустанке.
Лишь гремел запоздало оркестр
Старым маршем «Прощанье славянки».

АВГУСТ 45-го

Гул вселенский на перроне,
Топот тысячи сапог,
Запад гонит эшелоны
Через Сызрань на восток.

Лязг вагонов, звон медалей –
Все смешалось в шуме том.
Кто с весельем, кто с печалью,
Кто с вином, кто с кипятком.

Котелок, тогда хороший,
Коль заполнен, хоть на треть.
И спешит солдат обросший
Чем-то душу обогреть.

Кубовая на перроне
Всех снабжает кипятком,
А старшины люд вагонный
Загружают продпайком.

Вот один солдатик ловкий
Поменял табак-саксон,
А другой – часы-штамповку
На крепчайший самогон.

- Сколько вас? Куда вас гонят? –
Кто-то в ужасе изрёк.
Воин на аккордеоне
Вальс выводит, как намёк

О седых манчжурских сопках
У далёких берегов.
И печалются молодки,
Глядя вслед из-под платков.

* * *

Ветеран войны минувшей
На одну из славных дат
Выступал. Его я слушал
В перекур в кругу солдат.

И беседу эту вкратце
Излагаю как конспект,
Ведь она для нас, как святцы,
Как в бою боекомплект.

- Котелок, винтовка, ложка,
Каска, парочка обойм
Да махорочки немножко –
Вот что ценно нам с тобой.

Немудренное хозяйство,
Но – запомни это, брат, -
Ты без этого богатства –
Разгильдяй, а не солдат.

Ведь в бою и самый ловкий
И отчаянный храбрец
Устоит ли без винтовки?..
Без неё он – не боец!

И ещё совет, ребята,
Вы навек возьмите в толк –
В обороне и в атаке
Берегите котелок.

На привале после боя,
Коль остался жив-здоров,
Доставай кисет с махрою,
Ложку тоже приготовь.

Если кухня не отстала,
Расторопный старшина
Тут же выдаст для начала
Сотку белого вина.

Не обидит кашей повар –
Подставляй лишь котелок.
Впрочем, что вести тут говор?
Ты уж сам смекай, браток!

Дорога к обеду ложка.
Если варит котелок,
Будет легкой путь-дорожка
И совет мой будет впрок.

ПЕХОТА

Ах, ты матушка-пехота!
Пыль да грязь из-под сапог.
Сколько вёрст, мокра от пота,
Ты прошла, не чуя ног!

Перелески, перекаты –
Все осталось позади.
Но не ведают солдаты,
Что еще ждет впереди.

Бесконечные дороги –
Им ни края, ни конца.
До того они убоги –
В гроб загонят без свинца.

На ногах по пуду глины.
Двигать ими тяжело.
Сапоги наполовину
Заполняет H₂O...

Так вот шёл четыре года
Пехотинец рядовой.
И вела его дорога
Не на отдых, а на бой!

* * *

Ах, жемковская картошка,
До чего же хороша!
И красива, как матрёшка,
И вкуснее беляша.

Хороша в любом наряде –
Как в мундире, так и без.
Словом, при любом раскладе
Это чудо из чудес.

Сколько помню я Жемковку
(От её иду корней),
Угощают там картошкой
Неприменно всех гостей.

Как поставят с пылу – с жару
Блюдо полное, с горой,
Всё окутанное паром, -
Не дотронуться рукой.

Обжигаю я ладошку,
Но поёт моя душа.
Ах, жемковская картошка,
До чего ж ты хороша!

СТЕПАНЕЦ ЮРИЙ ЕГОРОВИЧ

Родился в 1941 году в Донецкой области. Окончил военное училище и Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. 31 год прослужил в разных гарнизонах – частях от Мурманска до Владивостока. В том числе 14 лет – в СВВАУЛ. Полковник запаса. Трудился в СГПТУ. Награждён десятью медалями и нагрудным знаком Министерства высшего образования СССР «За отличные успехи в работе». Публиковался в центральных, республиканских, окружных и местных изданиях, в коллективных сборниках «У старого окопа», «По законам военного времени (Сызрань – фронту)», «Славные дочери Сызрани», антологии «Сызрань литературная». Автор поэтических сборников: «Живу и помню» (1998), «Душе покоя нет» (2002), «Рождение стиха» (2004), «Призвание» (2005) и «Дорога длиною в жизнь» (2009 г.). Член Союза профессиональных литераторов России.

МЕНЯ ЗАВОРОЖИЛА ПЕСНЬ РУЧЬЯ

ЧАСТИЧКА

Я частичка страны. И, как в капле воды,
Отражён во мне путь её славный.
Знали радость побед мы и горечь беды.
И в труде, и в бою нет нам равных!

Я – народа частичка – простой человек,
И особых заслуг не имею.
Но с Россией душой породнился навек.
И об этом ничуть не жалею.

СИМВОЛ РОССИИ

Я не постигну таинства реки
И не открою всех её секретов.
Порой мои раздумья нележки,
Но благодарен Волге я за это.

Могу часами на неё смотреть
Вне времени почти и вне пространства.
Река дарует жизнь, порою – смерть,
Она, как храм, не терпит святотатства.

Она как символ Родины моей,
Где б ни был я, – к ней возвращаюсь снова.
Ей буду верен до последних дней
И кану в вечность, воплотившись в слово.

ВОЛГА

Прихожу я к тебе вновь и вновь
Пообщаться, умом пораскинуть.
Ты – отрада моя и любовь,
Не даёшь преждевременно согнуть.

Полной грудью вдыхаю я бриз,
Тело холодной водой обмываю.
Даже солнце спускается вниз,
Я же душу с тобой возвышаю.

Расставаться с тобой не хочу,
Ухожу, чтобы снова вернуться.
Я часами стою и молчу,
Чтоб душою к тебе прикоснуться.

Ну а ты словно вечность течёшь,
Покоряя пространство и время.
Жизнь щедра на проблемы. Так что ж?
Я тебе, словно матери, верю.

ТАЙГА

Уйдя с дороги в глушь лесную,
Бродил частенько я с ружьём
И видел красоту такую,
Что забывал порой о нём.

Не знал и впрямь такого вовсе,
Прожив на свете столько лет!
Здесь не враги зима и осень,
Весна и лето, тень и свет.

от пламя ягод на рябине
Ещё с той осени горит.
Здесь скуки нету и в помине:
Душа с природой говорит.

Какие тишь, покой, свобода!
Ни стрессов нет, ни суеты.
Спасибо, матушка природа,
За то, что счастье даришь ты!

РУЧЕЙ

Меня заморозила песнь ручья.
Он холодам и вьюгам не сдаётся:
Вода как кровь от бега горяча.
В ней лето на зимовку остаётся.

Подолгу молча у ручья стою,
Душой его воспринимаю песню.
С ним, вспоминая молодость свою,
Как будто в сказку убегаю вместе.

Вокруг снега, но чудятся мне вновь
Луга, цветы, дурмящие травы...
И возрождается в душе любовь.
В ней – жизни суть. Кто верит в это – правы!

* * *

Воздух весенний пьянит ароматом.
Птички щебечут задорные песни.
Я же грущу. В этом ты виновата:
Мир без тебя неуютен и тесен.

Не с кем делиться мечтами своими
И любоваться весенней красою.
Словно молитву, твержу твоё имя.
Мне тяжело без тебя, я не скрою.

Ты далеко, но не ты виновата,
Что не росу, а слезу утираю.
Видно, такая судьба у солдата:
Я ни минуты покоя не знаю.

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Солнце греет сильнее: апрель.
На пригорках снега потемнели.
И звенит уже в полдень капель,
Обессилели злые метели.

И всё ярче небес синева,
И всё чаще улыбки на лицах:
Где-то рядышком бродит весна,
И влюблённым подолгу не спится.

Южный ветер пьянит, как вино.
Воробьи расчирикались дружно.
Счастье жить нам на свете дано.
Жаль, порой мы живём не как нужно.

СОСТРАДАНИЕ

Каждый шаг – как по минному полю.
Я не вижу дорогу почти.
И ведь вовсе не пьян, просто болен.
Ты в глазах моих это прочти.

Извини меня, встречный прохожий,
Коль задену тебя невзначай.
Сострадание денег дороже.
Ты меня не брани, выручай.

Помоги мне и словом, и делом.
В личном горе я так одинок!
Мне беспомощность так надоела!
Но креплюсь, как могу, видит Бог.

Не сдаюсь ни душою, ни телом.
Что судьба мне ещё принесёт?
Я свой выбор давно уже сделал.
Ради жизни прощаю ей всё!

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТОРОВ

ТОЛЬЯТТИНСКОГО СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Литературный город Тольятти

Инициатором создания Тольяттинской писательской организации был заведующий литературной частью драматического театра «Колесо» Эдуард Иванович Пашнев. Будучи состоявшимся писателем, Эдуард Пашнев обладал еще и большим организаторским опытом: в 1980-е годы он возглавлял Воронежскую писательскую организацию – одну из крупнейших в России.

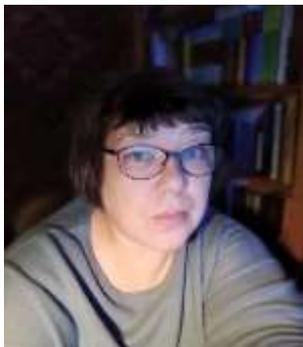
Волею судеб, оказавшись в Тольятти в длительной командировке, растянувшейся на добрый десяток лет, Пашнев стал знакомиться с местным писательским сообществом. К тому времени в городе существовало множество литературных объединений: «Лада», «Лира», «Домик Репина» и т.д. В 1991 году Эдуард Пашнев стал членом координационного совета только что возникшей организации, учрежденной в Москве – Союз российских писателей. После чего занялся созданием в Тольятти отделения СРП.

К лету 1992 года в Тольятти начал складываться приблизительный костяк будущей организации. Ее начальную, еще зарождающуюся версию возглавил прозаик, выпускник Литературного института Виктор Громыко: так 3 октября 1992 года было принято решение об учреждении Тольяттинской писательской организации Союза российских писателей, а 10 октября был принят проект Устава. Этот день считается датой создания организации. А юридическим лицом Тольяттинская писательская организация стала 17 марта 1993 года, когда была зарегистрирована и открыла собственный банковский счёт.

Самыми первыми руководителями писательской организации поочередно были Любовь Бессонова и прозаик Виктор Громыко.

С обретением организацией юридического статуса в её ряды стали вступать новые люди, и возникла необходимость даже не в смене, а в трансформации руководства. Пашнев предложил возглавить писательскую организацию поэту Борису Абрамовичу Скотневскому, который по настоящее время является её председателем, а его заместителем стал Вячеслав Смирнов.

С тех пор профессиональная деятельность Тольяттинской писательской организации перешла на качественно новый уровень, который поддерживается и поныне. Доказательство тому – множество мероприятий, в которых непременно участвуют Тольяттинские писатели, а также литературный журнал «Город» (главный редактор Владимир Мисюк), отображающий текущий литературный процесс в течение первой четверти XXI века, и множество написанных и изданных книг, принадлежащих перу тольяттинских писателей.

ГОГОЛЕВИЧ (Смирнова) ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА
Родилась в 1962 году в г. Тольятти. Окончила Куйбышевский медицинский институт, интернатуру по психиатрии на базе областной психиатрической больницы, аспирантуру на кафедре психотерапии Российской медицинской Академии последипломного образования. С семит лет пишет стихи и чуть позднее начала писать прозу. Автор книги рассказов «Мой остров» (2009), книги стихотворений «Алые яблони» (в серии «Библиотека журнала «Город») и книги путевых заметок «Средняя Азия. Взгляд против солнца» (2017). Лауреат премии журнала «Юность» за 2012 г. им. В. Катаева. Лауреат Международного литературного Чеховского конкурса в номинации «Моя жизнь» за рассказ «Рождество» (2013). Член Союза российских писателей. Живет в городе Тольятти.

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

*Деревья наполнены запахом птиц
Ночные озера наполнены запахом скал.*

П. Элюар

Дорога туда шла мимо невысоких песчаных обрывов со стрижами и ласточками-береговушками, особенно много было ласточек; мимо старой мельницы у основания косы, летом порядком выступающей над водой – и так далее, километра три с половиной – четыре. Рельеф берега значительно отличался от теперешнего, мельницу потом и вовсе перенесли туда, где раньше стояли палатки, сделали из нее кафе, а тогда от турбазы до нее было не слишком близко, и она, возможно, еще была настоящей. Мне в тот год исполнилось восемь, а моему отцу – шестьдесят, но позднее.

Разгорался июль. Мы жили на турбазе в трюме старого корабля-дебаркадера, в каюте с иллюминатором, выходящим на далекий противоположный берег – лучшее решение: верхние палубы к полудню раскалялись так, что можно было обжечься о железо. Конечно, когда штормило, приходилось задраивать иллюминатор, иначе каюту заливало волнами. С дебаркадера на берег вел длинный трап, а на берегу стояли те самые брезентовые палатки, лежали байдарки и обычные деревянные лодки, полускрывались в соснах столовая и танцплощадка – все это вместе с дебаркадером было турбазой «Волна». С трех сторон ее огораживала сетка, через которую легко перелазил дошкольник, с четвертой – многокилометровое полотно реки; неглубокий песчаный пляж прерывался котлованом для дебаркадера, окруженным сигнальными поплавками. Внутри турбазы встречались заборы покрепче и на них, не бросаясь в глаза, висели рыбацкие сети сотрудников турбазы. За турбазой начинался лес с земляничными полянами.

Подняться по трапу, спуститься в трюм, дойти до каюты занимало время, которое мой отец экономил, собирая при этом толпу зрителей.

Когда мы возвращались из столовой днем, он раздевался у трапа, оставлял одежду маме и нырял под дебаркадер, выныривая возле нашего иллюминатора. Как бы не спешили мы обычным путем, он ждал нас в каюте. Папины коллеги по НИИ, взявшие путевки на эту же турбазу, и просто любители посмотреть, как папа выныривает, бежали на верхние палубы. Однажды он заставил нас поволноваться: внезапно, как у нас бывает, налетел ветер, папу под водой толкнуло днищем дебаркадера, и от этого он перепутал иллюминаторы.

Таким образом, с одной из сторон турбаза почти целиком представляла собой пляж, где загорали и купались все, кроме меня. Полтора месяцами раньше мои родители уезжали, оставив меня няне; от няни я сбежала домой, где больше недели провела при минимальном присмотре, скрашивая себе жизнь доступными средствами. Не последнее место среди них занимали бродячие кошки: мы с друзьями ловили их и приносили в мою пустующую квартиру. По городу тогда ездила машина, подбиравшая бездомных кошек и собак, собаки убежали от нее за город, а кошки остались и были легкой добычей. В принципе мы задумали что-то вроде кошачьей коммуны для всех бездомных кошек, но для начала решили одомашнить пойманных. В конце того же месяца я познакомилась с серно-салициловой мазью и линиями Лангера – картины с человечками в этих линиях висели в коридорах дерматологической поликлиники, а доктор, бравший у меня соскобы, показывал споры стригущего лишая под микроскопом и тоже рассказывал о линиях, которые выбирает именно этот лишай.

Поэтому на турбазу, хотя очередной соскоб плохого уже не показал, мы привезли свои постельное белье и полотенца, и мама каждый день мыла каюту с хлоркой, а мне нельзя было купаться и заводить дружбу с другими детьми до следующего, контрольного. Нельзя было и опираться руками, на которых еще оставались пятна, на поручни палуб, а в столовой у нас был отдельный столик. Доктор и папины приятели, расспрашивающие о неудавшемся плане спасения кошек, уверяли, что стригущим лишаем хотя бы однажды болели все нормальные люди, и я бы отнеслась ко всему этому спокойно, если бы не запрет на купание.

Но, должно быть, оттого я острее, чем когда-либо, ощущала Волгу – и ранним утром, когда над неподвижной шелковой водой и берегом тянулся пар, и солнечным днем, когда все пропитывалось ею, и как много ее за стенками каюты. Я чувствовала дневных рыб, проплывающих за стенкой борта и больших тяжелых сомов, норовящих забраться под дебаркадер ночью. По вечерам, перед тем, как зажигались красный и зеленый габаритные огни, Волга жутковато тяжелела. Глубже ночью она делалась сладко бесконечной, как сама ночь, а под утро принималась стучать о корабль. Собственно, каждую ночь ближе к рассвету дул ветер, волны

бились в борт и качали дебаркадер, и брызгами заплескивало папину кровать, тоже стоявшую под окном. На рассвете вода снова становилась тихой и легкой, а солнца, светившего в наше маленькое круглое окно, оказывалось даже слишком много.

В то лето я полюбила одиночество. Оно не тяготило меня ни в первые дни, в прохладе каюты с играющими на потолке волнами и очередной книжкой – какая-то бесконечная сказка про робота, ни потом, когда уходили на ласточковые обрывы. Собственно, из турбазы остались вечерние костры на берегу, далеко разносившееся по воде брэнчание гитары,, одинокие огоньки плывущих по течению плотов и разноцветное сияние идущих в обе стороны теплоходов, гудевших нашему дебаркадеру. Бронзовые от загара взрослые в плавках и купальниках, только в глубоких сумерках набрасывавшие на себя что-то еще, хотя комары в тех местах водились невероятные; совсем темнокожие босые рыбаки в рубашках с длинными рукавами и брюках, напротив, раздевающиеся, только когда нужно было зайти в воду, но коричневые и под одеждой тоже... на рассвете они заплывали на лодках далеко за дебаркадер и поднимали сети, а ставили они их, должно быть, ночью. Под навесом на столике у столовой лежали свежие газеты, их читали и делали из них шляпы: вся турбаза ходила в таких. Эти шляпы можно было пускать корабликами по воде, а самолетики и змеи из газет от дождя до дождя висели на всех турбазных соснах.

Помню саму себя ранним утром, когда спали все, кроме рыбаков, в платье с открытыми руками и босиком, как рыбаки, выходящую по трапу на берег. Утренним прибоем на песок выбрасывало маленькие раковины, в завитках и плоские, кремово-коричневые и розовато-серые, обрывки сетей, кусочки коры; случалось, и оторвавшиеся от плота целые бревна. Утром не нужно было закрывать руки с пятнами; рыбаков я не стеснялась. Я садилась на корточки и протягивала ладони к воде. Невесомая, похожая на большое прозрачное покрывало, она касалась кончиков моих пальцев, откатывалась и снова касалась. В те годы она еще не цвела так, как потом, зеленые шарики появлялись позднее, к концу июля и казались безобидными.

Иногда к нашему дебаркадеру приставали катера, и даже прогулочные корабли. Однажды на таком приплыли итальянцы, строившие автомобильный завод. Мы смотрели с палубы, как они – белозубые, улыбчивые, в белых и голубых джинсах клешем, белых рубашках – идут по трапу, переброшенному с корабля на корабль. Почти все они были мужчины и все улыбались, а один, ступив на пристань, показав на себя, произнес: «Чиполино» – и протянул мне руку. Я не решилась сказать ему, что до меня еще нельзя дотрагиваться и тоже протянула руку, хотя и не

сразу, и он пожал ее и засмеялся. Смеясь, он несколько раз произнес одно и то же слово и что-то еще, отдельно мне и моим родителям, и вдруг схватил меня за плечи, крепко сжал их и поцеловал в висок, и снова что-то сказал моим родителям. Мои родители не помешали ему сделать это; потом они объяснили мне, что у итальянского специалиста есть дочка, похожая на меня.

Мне нравилось, какие они и как улыбаются, но было непонятно, что они станут делать на турбазе – а делали они то же, что все: мастерили из наших советских газет шляпы, кораблики и змеев, плавали на байдарках, ужинали в столовой, вечером у костра пели «Белла чао». Они уплыли ночью и забрали свои газетные шляпы, и кто-то бегал за оставленной на берег и полтурбазы ее искало, а в следующий раз привезли с собой женщин и детей. Мужчин снова было больше, а женщины немного походили на мою маму, которая обычно ни на кого не походила.

Песчаные обрывы начинались в полукилометре от турбазы. Мы, должно быть, начали ходить туда, чтобы я не залеживалась в каюте. Перед полдником, когда солнце немного теряло жар, в еще пустой столовой папа наливал в термос три стакана горячего чая и брал прилегающее к нему, а возвращались мы к концу ужина.

В то время почти весь пригородный берег обрывался в воду земляными стенами, чаще песчаными, более обычными для левого волжского берега, иногда глинистыми, но всегда с травяным верхом. Песчаные скалы – так мы их называли, потому что в тех местах был именно песок, а сами утесы действительно походили на скалы, особенно сбоку и с воды, затейливой хрупкостью вертикальных линий. Они были разной высоты – от полутора до доброй сотни метров.

Названные именами запомнились травы и луговые: клевер, вязель, герань, горошек, вьюнок, молочай, васильки, и пришедшие к обрыву из близкого леса гвоздики, колокольчики и дрема. А также белые полянки ромашек, голубые – цикория, розовые – мальвы. Еще были желтые, а поодаль от края поднимал ало-розовые свечи иван-чай, и все смешивалось в пахучий, колеблющийся ковер.

Стояло счастливое время, когда первые цветы, да и вторые, уже отошли, и хотя лес, все еще немного пахнувший земляникой, высох и поскущел, бесконечное как жизнь лето длилось, и все в природе ощущало это, и ласточки второй раз выводили птенцов. Они вили гнезда в полутора-двух метрах над водой, под самой травной верхушкой. Папа стелил на краю обрыва плащ-палатку и поверху покрывало, я падала на них со своими книгами, альбомами и карандашами. Травы вставляли по краям плащ-палатки, прозрачные голубые поденки окружали края, стрекотали кузнечики. Большеглазые ласточки, круглоголовые, белощекие,

белогрудые, стремительные, похожие в полете на маленькие молнии, становились спокойными и толстенькими, когда садились. Порой они чиркали так близко, что на моей голове взвивались волосы, и я ощущала лицом и голой рукой, какие они теплые.

К полудню Волга раскалывалась на миллиарды лучей, и, наверное, каждому в это время казалось, что тысячи сияний вливаются в него: будто сам становишься как свет, еще чуть-чуть – и полетишь над водой и лесом. Ближе к вечеру вода делалась прозрачной, в ней прорисовывались рыбы. Они подплывали к подножию песчаных утесов. Над рыбами и мной вились ласточки, а я оказывалась между ласточками и рыбами, в одном подвижном ворохе трав, поденок, кузнечиков.

Я ложилась на спину и смотрела на синеву и облака, или подползала к краю обрыва и смотрела на рыб. Река пахла песком, ласточками, рыбой, мокрыми сосновыми бревнами, луговыми цветами: это были запахи счастья. И звуки: плеск воды, шум ветра в траве, свист воздуха от пролетевший мимо птицы, тоненькое «чирр» – были счастьем.

Иногда мой отец куда-то уходил один, а мама устраивалась возле меня и рассказывала, что из Африки и Индии из нескольких тысяч ласточек к нам долетает не больше десятка, и потому пары у ласточек не вечные, не как у лебедей. Но каждое лето – как жизнь...

Там иногда казалось, что ничего другого никогда не было – ни турбазы, ни моих родителей, ни меня – только песчаные обрывы, травы, небо и вода, ласточки и рыбы. Хотя, конечно же, ничто не вечно на волжских берегах, тогда не прошло и пятнадцати лет, как Ставрополь скрылся под водой и новые берега появились там, где прежде был склон горы, неровный и полудикий. Он долго еще таким и оставался – кроме немногих мест, где намыли песок. От Ставрополя сохранились земская больница, мельница и старое кладбище. Река часто выходила из берегов, и потому значимые объекты размещались высоко и надежно. Когда город затопили, мельница и больница не пострадали, но кладбище тоже частью ушло под воду.

Пескари жили прямо под песчаными откосами: зеленовато-бурые, пятнистые, усатые. Узкие в воде, на ладони они походили на маленьких сомов. Пока у меня не было удочки, я кормила рыб кашами из столовой. Рыбы ели все, что готовила наша столовая, но каш получалось больше всего, особенно пшенной. На пшенку приплывала серебряная красноглазая плотва, иногда подходил осторожный горбатый лещ, принюхивался к каше, прежде чем схватить кусок и исчезнуть, замутив воду.

На кормление рыб заглядывали и папины товарищи. Скорее всего, складная бамбуковая удочка приобреталась под рассуждения о том, как

хорошо клюет в прикормленном пространстве. Удочкой особенно ловились те же пескари, доверчиво заглатывающие дождевых червей, приготовленных для окуней и плотвы. Я отпускала пескарей, если крючок не слишком травмировал им губы. Плотва будила во мне охотничий инстинкт. Она считается пугливой рыбой, но та хватала все подряд: дождевых червей, маленьких сухих кузнечиков, поденок, стрекоз. Окуни и лещи осторожно снимали с крючка наживку и удалялись, но когда они нападали на крючок с пескарем, их можно было вытаскивать не спеша.

Иногда родители оставляли меня на берегу одну или с кем-то из папиных сотрудников. Когда я оставалась одна, на меня, случалось, накатывала печаль. Мне до слез становилось жалко пескарей с порванными губами и оставшихся в городе бездомных кошек, которых никто не лечил от лишая. Возможно, их уже отловили и усыпили. И кузнечиков тоже, и я отпускала их на волю, а однажды даже закопала обратно в землю дождевых червей. Но потом у меня снова чесались руки кого-нибудь поймать.

Вообще же рыбы набиралось так много, что вечерами варили уху на костре.

Однажды папа взял меня с собой. Он спросил, пойду ли я с ним, но не сказал, куда мы идем. Мы пошли по тропе вдоль края откоса, по кромке воды там, где берег становился плоским, мимо немногих тогда баз отдыха и пионерлагерей со стороны воды, а иногда поднимались к соснам и шли лесными тропами.

Когда пришли на кладбище, я не сразу поняла, где мы. Оно выходило из леса и справа, если встать к Волге спиной, ложилось языком на утес, который обрывался резко и высоко, а левее спускалось по пологому, широкому оврагу почти к самой воде. Но сначала был утес. Он стоял на песке, отступив от воды – это место можно было обойти по берегу снизу и ничего о нем не узнать.

Цепляясь за корни сосен, мы взобрались по песчаному откосу перед обрывом, а потом из леса зашли на утес. Выше в лесу стояли кресты, и левее по берегу их тоже было несколько – кладбище угадывалось в отдалении, а там, куда мы пришли, его будто бы не было. Ни крестов, ни памятников, только плиты – и у края обрыва стоял довольно свежий крест, но не у могилы, а сам по себе.

Не было и оград. Между плит росла трава, почти скрывавшая их, мягкая и гибкая, из нее поднимались обсыпанные ягодами земляничные кустики, а под ветвями шиповника и небольших одичавших роз, кремовых и красных, и просто в траве лежали птичьи гнезда с бурыми и голубыми маленькими яйцами. Еще больше было уже пустых гнезд и осколков

разноцветной скорлупы. Все выглядело как обычная лесная опушка с бузиной, черемухой, красноталом поверху, только маленькие розовые кусты были в нем необычны, и то, что так много гнезд, и земляника. Она уже везде отошла, а там ее было очень много.

Папа велел смотреть под ноги, чтобы не наступать на гнезда. Встревоженные птицы беспокоились недолго – они будто бы не боялись нас, скорее предупреждали.

Мы остановились у одной из плит, и я сама ее увидела. Она почти не отличалась от тех, что ее окружали, разве что была немного светлее, и земляника буквально обступала ее. На светло-сером песчанике едва проступали буквы. Папа нагнулся к кустарнику рядом, осторожно достал небольшой кисет, из него бархотку и протер ею камень. Отчетливы стали фамилия и имя.

– Смотри, – сказала я папе, – фамилия как у меня.

– И как у меня, – отозвался папа.

Трещина проходила по дате рождения, а дата смерти приходилась на июль 1919 года. Пятьдесят один год отделял день, когда она умерла и наш июльский день, и таким огромным казалось это расстояние тогда, что я не связала надгробную плиту с собой. Папа не сказал мне, что под плитой моя бабушка, и мне будто бы просто понравилось то место с земляникой, птичьими гнездами, розами. Я словно всегда о нем знала.

Не было страшно. Впрочем, меня не брали на кладбища прежде и на похороны тоже – еще никто не умирал в моей жизни. Все же все было необычно, и я спросила, можно ли нам остаться здесь.

– Да, – сказал папа, – так долго, как захочешь.

Но сначала мы прошли дальше, к мягкому отвесному обрыву, где стоял крест. На кресте что-то было написано: фраза, не имя. И даты.

Примерно там был похоронен мой дед, но при создании города поднявшаяся вода смыла могилу.

Про деда папа сказал прямо:

– В тот год я еще был на Дальнем Востоке.

– А почему крест? – спросила я.

– Он был верующим.

– А ты?

– И я, – ответил папа не сразу, – но мы одно и то же называли разными словами.

– А почему крест без имени?

– Потому, что просто ориентир для тех, кто знает.

– Это страшно? – спросила я, представляя себе воду, размывающую берег с могилами.

– Нет, – ответил папа, – страшно было, когда он умирал от туберкулеза.

С обрыва открывался синий простор и еще сильнее, чем где бы то ни было, казалось, что не существует ничего, кроме неба, воды и кусочка берега, где мы сидели. Потом я вернулась туда, откуда мы пришли – к камням в траве, птичьим гнездам, землянике. Папа тоже пришел, постелил свою летнюю куртку возле той плиты из песчаника, и я спросила его, можно ли в этом месте собирать землянику, а он сказал, что можно. Я отламывала кустики снизу, скоро набрался большой букет. Я пришла с ним к папе на край обрыва, и он вымыл букет из бутылки с водой, но не взял ни ягодки.

– Посиди теперь со мной, – попросил.

– Тебе нравится здесь?

– Да.

Мне действительно все там нравилось. Мне было так хорошо, словно у нас был дом или сад, о котором я не знала раньше, и вот мы пришли туда.

– Имя старое, – сказала я об имени на плите.

– Старое, – подтвердил папа, – пришло в Россию из Византии. Его носили русские царицы.

– А ты знал ее?

– Знал, – сказал папа, не удивившись вопросу. Она была самая красивая в своей семье и сама добрая.

– У нее были пепельные волосы, – продолжал он, когда мы уже возвращались, – не русые, а серебрино-серые, как пепел или волжская вода, и глаза цвета морской или, может быть, летней волжской волны.

Обратно мы шли краем берега, разувшись, и папа, идущий ближе к воде, нес в руках нашу обувь, а я большой букет земляники – хотела отнести ее маме, но папа сказал, что она только моя. Волны набегали на песок, касались наших ног, я откусывала ягоды, а папа рассказывал. Он так и не сказал: это твоя бабушка, запомни – он вообще никогда не просил меня что-либо запоминать.

Мой отец был старшим. После его рождения бабушка прожила еще восемь лет и семь неполных месяцев. Вслед за папой шла сестра, за нею два мальчика. До гражданской войны дожило трое. В девятнадцатом мой дед без вести пропал на Гражданской – прошло два года, прежде чем он вернулся на родину, а бабушка осталась одна с тремя детьми в уездном городе, недалеко от богатого волжского села, где жили ее родные. Но в девятнадцатом никто ей не помог. Она умерла от голода, сохранив жизнь своим детям. На следующий день после похорон мой отец взял за руки младших сестру и брата и отвел их в детский дом.

Папа рассказывал эту историю не от первого лица, но о моем ровеснике, восьмилетнем мальчике, которому в девятнадцатом исполнилось девять - не летом, а позднее, в декабре. В детском доме не давали умереть с голоду, но кормили недосыта. Младший брат был совсем малыш, и все время плакал, звал мать и просил хлеба. И однажды старший брат, работая на

кухне, отломил кусок поджаренной хлебной корочки и сунул себе за пазуху, чтобы отнести младшему: когда мама пекла хлеб, она так же отламывала корочку младшему.

Старшего брата поймали с этой корочкой, корочку отняли, а мальчика заперли в чулан-карцер на целый день. Вечером пришла нянечка, отперла карцер, принесла хлеба и воды. Мальчик ушел на берег Волги, сидел, смотрел на воду. Когда совсем стемнело, спустился к пристани, сел на проходившую мимо баржу и доплыл до Самары, а там сел на поезд, чтобы уехать к двоюродному дяде в Бугуруслан, но перепутал поезда и, оказавшись в Москве, два года провел в компании бродяг.

Мама ждала нас на берегу там, где я обычно сидела с удочкой. На ней был венок, который очень шел ей. Она соединяла жесткие и нежные травы в несколько косичек так, как плетут ремни, изнанка получалась твердой, плоской и травяной, а с лица венок плотно покрывали цветы – ромашки, цикорий, гвоздики, мальвы, живокость, колокольчики. Его можно было надевать на голову или на пояс. Венок поменьше лежал рядом. Я надела его, и мы пошли на турбазу, и люди останавливались, чтобы посмотреть на нас. Мама тогда уже остригла косы, но ее прическа еще не была короткой, густые черно-каштановые волны спускались до плеч.

В то лето мы ходили на кладбище вдвоем еще несколько раз – до августовских дождей. Закончилась земляника, птицы вывели птенцов, травы наполнились семенами, и только розы цвели, а осколки скорлупы и пустые гнезда напоминали о том, что были и птицы. Само кладбище было осколком, островком – я хорошо ощущала это и тогда, хотя в восемь лет не смогла бы подобрать к чувству верного слова.

Когда-то городское кладбище было особой землей. При переносе городской черты менялись границы действующего, но прежние, закрытые, не трогали. Их не передавали в частную собственность, не отдавали под пашни и ничего не строили в таких местах. Для перезахоронения требовалось сложное разрешение города и церкви. Это касалось и вековой давности татарских и калмыцких кладбищ и того, где хоронили нищих и странников.

Кладбище, где лежали мои бабушка и дед, было первым, которое разрешили переносить. Его перевозили спешно, вместе с городскими домами. Когда все это начиналось, мой отец – сопоставляю даты – еще, наверное, служил в Китае. Но потом у него была очевидная возможность перенести бабушкин прах на новое городское кладбище. Он тогда имел все: время, положение в обществе, связи, средства – то есть, возможность выбора лучшего места. Но он не отнял у нее возможности остаться на краю простора, в который ушел мой дед.

Отец мой был старшим из оставшихся – последнее слово осталось за ним. А он, горный инженер по невоенной специальности – хороший

горный инженер! – не мог не понимать, что берег однажды (и скоро) подмоет водой.

Так и случилось весной, когда мне исполнилось тринадцать: в наводнение Волга унесла уступ с бабушкиной могилой. Отец в те дни много времени провел на Волге, отпрашивался с работы, и я хорошо помню его лицо. Только тогда плита из песчаника и розовые кусты связалась для меня в одно с лицом из зеленого бархатного альбома.

Возможно, не последнее тут дело имело то, что дед мой женился второй раз. Словом, папа, с почтением относившийся ко второй жене своего отца, находящейся в то время в полном здравии, сделал то, что сделал. Он дал моей бабушке уплыть к деду, а папину мачеху впоследствии похоронили на новом городском кладбище.

Но это было потом, а тогда лето длилось, длилось, и все было радостью и домом, и даже то, что вызывало слезы. Потом мы часто меняли дома, но в тот год наша квартира еще была первой, неотделимой от двора и дома вообще, хотя он был многоэтажным как последующие, от города, от леса и Волги. Она запросто продлялась на другие пространства.

Может быть, я и оттого так хорошо помню то лето, что предыдущее – один весенний месяц и почти три летних – провела в больнице, и жизнь неспешно возвращалась ко мне, развернувшись и окрепнув к моему восьмому лету. Ничто не могло его испортить по-настоящему. Как же насквозь легки были дни!

Давно и фотографии нет в альбоме (ясные, удивленные глаза, прическа короной, платье из шерстяной ткани со сложной отделкой – складки, зашпы, косой воротник по моде начала прошлого века) – а лето продолжается, ласточки выются возле песчаных скал, и рыбы похожи на птиц, а птицы – на рыб. Кошки бродят по берегу, все как одна без лишаев, розы цветут на старом кладбище и дочка итальянца навсегда похожа на меня, и волны качаются, как маятник и их удары, если закрыть глаза, похожи на шаги человека, поднимающегося по лестнице – всегда вверх, вверх.

Июль – декабрь 2022

ЗЕРКАЛО, ОТРАЖАЮЩЕЕ СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Вспоминая то лето, я кажусь себе совсем маленькой, четырехлетней, хотя мне, наверное, шел шестой: в пять сшили сарафан с высоким лифом и юбкой покроя солнце, а к нему болеро, как у взрослых. Наряд был еще немного велик, и в этом все дело: под другим платьем я не смогла бы принести зеркало незаметно.

Почему четыре? помню себя главным образом с четырех – а сознанию почему-то удобно поставить эту историю с самого начала.

Но мне было пять, потому что были уже и дача, и дорожки с разноцветной галькой, и небольшие, с меня ростом, деревья, и цветы, и трава, и грядки, на которых как по волшебству из крошечных семечек вырастали овощи и пряные травы, и я уже помнила о цветах, еще не распустившихся.

Наш сад был у леса; он, наверное, был самым лучшим в том дачном поселке, с домиком немного больше других, потому что папе удалось оформить разрешенную к постройке веранду под одной крышей с комнатой – но лучшим не потому. Когда уже дачи забросили, бродяги, выбирая дом для ночевки, выбирали наш, и, застигнутые нами, говорили про особенную ауру; и там действительно была особенная аура, ощущаемая даже тогда, когда дом разобрали, чтобы сделать из него беседку на другой даче.

Однако мы о времени, еще не имеющего прошлого.

Той весной ко мне впервые пришли тема жизни и смерти и тема бесконечности – они и отделили меня от игр, и перемешались с ними. Я ломала голову над тем, откуда я взялась и где была, когда меня не было. Мой разум не вмещал бесконечность Вселенной и времени, о чем мне рассказали, и я измучивала взрослых вопросами, что начинается там, где бесконечность заканчивается. Примерно с такой же сосредоточенностью я подолгу сидела на корточках у грядок, на которых сажали морковь, укроп и петрушку и салаты, расспрашивая, что вырастет из того или другого семечка. И я бы удовлетворилась объяснениями, что в семечке спрятана информация о будущем растении, если бы не оставалась загадкой сила, пробуждающая ее к жизни.

Кончилось все это тем, что папа купил мне маленькие грабельки и лопату, вскопал пару небольших грядок с северной стороны дачи, где было пусто, и дал семена моркови и укропа. Я сама взрыхлила грядки грабельками, и совсем так, как взрослые, сделала борозды на грядках, и на одну посадила шероховатые, бороздчатые семена морковки, а на другую – плоские укропные.

Я поливала свои грядки из небольшой лейки и волновалась о них, когда мы уходили с дачи. Я думала о них все время и представляла себе, как растет под землей морковь – ее было легче представить. А как я радовалась всходам! Они были одинаковыми – тоненькие травинки, но я знала, что потом они окрепнут и станут разными.

Однако время шло, морковь и укроп уже немного различались, но оставались слабыми и бледными. Они очень сильно отличались от моркови и укропа, посаженных родителями. Я выпытывала, что нужно растениям для того, чтобы расти, и утаскивала для них удобрение: золу

костра. Я завела специальную коробку для золы, на случай, если она кончится в яме для костра. Но мои посадки все равно росли плохо.

Однажды мама сказала мне, что они и не будут расти хорошо, потому что растут в тени. Им не хватает солнечного света.

Я задумалась и додумалась до того, что, если бы на даче было зеркало, можно было бы дать впитать ему солнечный свет, а потом направить на грядки. Не так, как пускают зайчики. В тот период моих вообще непростых отношений с зеркалами я была уверена, что пойманные зеркалом предметы остаются в нем жить, но, когда их не видят, выходят на поверхность. У нас дома было большое зеркало с подзеркальной тумбочкой. Я боялась смотреть в него, когда оставалась одна – мне казалось, что оно может похитить меня, поглотить. Иногда, сбоку, я подглядывала за ним – не выйдет ли из него что-нибудь. О, я многое могла бы рассказать вам о предметах, оставшихся в зеркале. К слову, я была уверена, что в зеркале жизнью, отличающейся от моей, живет мой двойник.

Мама не любила трюмо, и потому на подзеркальной тумбочке большого зеркала, возле мраморной пудреницы и флаконов – вполне сказочного «Опиума» и менее интересной, на тот мой взгляд, «Шанели» – стояло небольшое в позолоченной раме. Если маме нужно было посмотреть на себя со стороны, она брала в руки маленькое зеркало и поворачивалась с ним спиной к большому. Этого, маленького, шириной с меня, в чем я тем летом убедилась, я почему-то не боялась. Может быть, потому что рамой оно походило на висевшие у нас картины.

Тем летом мама сказала, что это маленькое зеркало – наше с ней общее. И вот его я решила принести на дачу.

Я продумала целый план! Сначала нужно было получить разрешение. Это оказалось не самым сложным. Я спросила маму, можно ли мне *иногда брать* наше общее зеркало. Можно, сказала мама, - только держи его крепко, обеими руками. Она, наверное, подумала, что я буду брать его в комнату, где были мои игрушки – что я и делала, старательно показывая куклам их отражения, пока мама была неподалеку. Я не любила кукол, но, кажется, эта тайна осталась при мне.

Затем нужно было принести зеркало на дачу. Мы ходили на дачу пешком, через весь город. Я взяла из шкафа один из тонких белых платков, которым мне приматывали компрессы, когда я болела (получалось, что он тоже мой) – чтобы привязать зеркало к себе и так принести его. Я тренировалась: привязывала зеркало и ходила с ним по дому, прежде чем поняла, как это нужно сделать. Оно было в размер моего туловища от подмышек и почти до ног, и только немного выступало по бокам. Платка оказалось недостаточно, но я придумала укрепить его лентой внизу. Самое главное – оно было незаметно на мне только под одной одеждой: новым

сарафаном с болеро. Однако мне разрешили надеть их: ведь мы шли через весь город.

Словом, все начиналось хорошо. Но я не учла силы тяжести и того, что в движении зеркало будет скользить по мне. Мы не дошли и до середины дороги, когда узел на платке развязался.

В юбке были карманы, и, собственно, задолго до того, как узел развязался совсем, я опустила в них руки и ухватила нижний край зеркала. Когда мы дошли до дачи, мои пальцы онемели и дрожали, предплечья сводило судорогой, а зеркало казалось мне таким тяжелым, как если бы, например, я несла холодильник.

На даче все снова сложилось хорошо. Мои родители занялись чем-то своим и не слишком следили за мной. Я нашла место для зеркала позади домика на высоком верстаке. Прислоненные к верстаку доски образовывали как бы специально огороженный уголок. Я соорудила лесенку из своих детских, обитавших на даче стула и табурета, затащила зеркало на верстак и устроила его так, чтобы оно видело только солнце и, может быть, еще немного неба. Если бы я могла, я бы осталась там, рядом с зеркалом, но меня поймали возле верстака и попросили играть в другом месте.

Прошло полдня. Зеркало смотрело в небо, я думала о нем и сама смотрела вверх, чтобы понять, что оно видит, и мне нравились и небо, и солнце: были они такие яркие, что, наверное, стерли в зеркале все другое.

Дальше были обед и тихий час, и перед тихим часом я опять же вполне удачно стащила зеркало вниз и поставила его возле грядки с морковкой. Решила: пусть она будет первая. Потом я уснула, а когда проснулась, родители за северной стеной домика разговаривали – негромко, но я поняла, что речь обо мне. Я выскочила наружу, и, прижавшись к углу дома, невидимая ими, слушала, что они говорят. К тому времени они уже догадались о том, кто принес зеркало и даже о том, как – мама нашла возле моей одежды смятый платок.

Я и сама хотела рассказать им, для чего оно, но позднее, когда растения на моих грядках вырастут и удивят их. Я уже поняла, что носить зеркало на дачу – тяжелый труд, но решила, что как-нибудь разберусь.

– Но что это? – спрашивала мама так, как спрашивала, когда хотела спросить – что это все означает.

– Я, кажется, сообразил, – сказал папа, – это – зеркало, отражающее солнечный свет.

И пояснил: зеркало, видимо, накапливает свет, а потом отдает его растениям. Сказал: ему показалось – что-то блестело на верстаке, но его отвлекли, а когда дошли руки, там уже ничего не лежало.

Потом они заговорили о том, что по дороге я могла споткнуться и порезаться. Тут я осторожно высунулась, чтобы посмотреть на них. Они стояли возле зеркала, направленное в сторону морковки, и не трогали его. Папа перекатывал во рту какую-то веточку. Он бросил курить папиросы еще до моего рождения, но у него оставалась привычка что-то пожевывать. Он носил с собой небольшой нож, и когда мы ходили в лес, срезал с деревьев веточки, очищал кору и жевал их часами.

Они не ругали меня, только смотрели немного странно. Я подошла к ним.

– Ну что, - сказал папа, – морковка уже достаточно зарядилась, теперь направим на укроп?

– Его не нужно заряжать еще? – спросила я, имея в виду зеркало.

Родители уверили меня, что не нужно: день был солнечный, солнца хватит и на укроп.

В тот день мы забрали зеркало домой, чтобы оно не впитывало в себя ночь, а вскоре папа взял большую лопату, обкапал грядки и перенес их на солнечное место в самую середину сада, потому что ему срочно потребовалось перенести на прежнее место грядок верстак.

Я по-прежнему поливала свои грядки, хотя иногда заставляла и папу за этим же занятием. На моих грядках выросли крупная морковка и высокий укроп. Укроп оставался свежим и пушистым и тогда, когда на других грядках пожелтел и встал зонтиками, и я полагаю теперь, что папа все лето подсыпал на мою грядку свежих семян. Потом мы собрали урожай моркови, и папа выложил ее на большое блюдо, и моя оказалась самой крупной. Впрочем, я и тогда подозревала, что папа подменил ее морковкой с других грядок, потому что иногда подкапывала свою морковь, чтобы посмотреть, как она растет.

Я сказала ему об этом, а он объяснил мне, что и я не всю морковь подкапывала, и он мог нечаянно ошибиться, конечно. Тем же летом в папиных сказках, которые он сочинял для меня, появилась сказка про девочку, посадившую волшебную капусту, – он рассказывал эту сказку длинной серией до моих 12-лет, но это уже другая история.

Зеркало же вскоре унесли на дачу совсем и повесили в прихожей – так называли угол у входной двери, примерно 35 на 40 см, вряд ли больше – там помещались только пара обуви, крошечная полочка для расчески, рожок вешалки и зеркало. Оно висело перпендикулярно двери, ликом к югу, и в нем отражались предполуденные лучи, лунный свет, лица моих родителей, мое лицо и лица моих друзей, яблоневые лепестки и лепестки растущих у крыльца пионов, цветные осенние листья, осенние туманы, снежинки и все, что приносило на веранду ветром. Оно, наверное, помнило и лица тех, кто приходил на дачи пожить – на те дачи часто лазили, и лица бродяг.

Потом исчезло и само зеркало, незадолго до того, как не стало и дачи.

Недавно оно мне приснилось: его несла в руке странно знакомая женщина; она шла, отвернув от меня лицо, и все же мне казалось, что еще немного – и узнаю ее. Она несла в руке зеркало так, как несут картину или книгу.

Я сидела в траве. Травы в этом году высоки и свежи. А она шла мимо, зеркалом ко мне, и в нем можно было разглядеть облака и травы - не эти, другие, над которыми поскрипывали нездешние деревья, и все неувядшие цветы, и лица тех, кого не помнила давно, и счастье, счастье – может быть, только оно и вечно.

1-4 июля 2022.

ЛЮБОВЬ БЕССОНОВА

Тольятти

Бессонова Любовь Валентиновна родилась 8 июля 1958 года в пос. Дубовая Марийской АССР. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза российских писателей. Работала комплектовщицей на заводе, корреспондентом многотиражной газеты «Химик», культработником в СКП ВАЗа, в городском Доме культуры. Была первым председателем правления Тольяттинской писательской организации. В 1989 году по итогам IX Всесоюзного совещания молодых писателей в числе десяти авторов получила годовую творческую стипендию Литфонда.

Публиковалась в отечественной и зарубежной периодике. Автор книг стихотворений «Снегопад», «В зеркале дождя», «Депрессия» (в серии «Библиотека журнала «Город»).

РАССВЕТ

Ночь обрывается так круто.
Так быстро, будто бы назло,
бегут последние минуты
на звёздном гаснущем табло.

Мы штор раздвинуть не хотели –
нам тьмы весёлой было жаль...
Но утро проникало в щели,
как надоевшая мораль.

Тела скрывает одеянье,
а души сами прячем мы.

О! Будет ли переизданье
такой неотразимой тьмы?!

* * *

Современник, собрат, собеседник,
бессребреник и книгочей,
приглашаю тебя в заповедник
старомодной печали моей...

Обозначит года радиола –
трёх пластинок довольно вполне! –
и эпохи дизайна крамола –
Фотокарточки на стене.

О, великий закон сохранения!
Каноническая сырость –
упрощение есть укрощенье –
не устанет напоминать.

Дух барачный, галдёж коридорный,
дверь пестрит от фанерных заплат...
Здесь бродил домовой безпризорный,
чистокровный пролетариат!

Кинозвёзды с глазами газелей
украшали убогий наш быт.
Почему же так часто мы пели,
даже если рыдали навзрыд?!

Даже если почти разметало
избы, маковки да купола...
В царстве кованого металла
медоносная липа цвела,

протекала река голубая,
зеленела бездумно трава...
О! Земля моя, песня живая!
Ты лежишь – ни жива, ни мертва!

Так спойте! спойте! спойте!
Шире круг, дорогие мои!

...То ли зарево на горизонте,
то ль кровавые слёзы Земли.

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Поэт, и торжествуя, – тужит,
и раболепствуя, – царит...
Но души, мелкие, как лужи,
глубинным светом озарит.

Свети, поэт, источник света!
И – привыкай, что тыщи лет
поэт жалеет непоэта,
а непоэт поэта – нет.

Зато поэт имеет право
на свет, рассеянный в веках,
что в русских сказочках лукаво
просвечивает в дураках...

Поэту дудка скоморошья
и скрипка нежная нужны.
Поэту остается площадь
за гранью вечной тишины.

* * *

Всё понятней становится позже –
Не тогда, когда сердце болит.
Не тогда, когда дрожью и ложью
Всё отравит и всё опалит.
Не тогда, когда плачешь и злишься,
И грозишься в эфир кулачком,
И бескрылой беспомощной птицей
Ударяешься оземь ничком.
И обугленной смуглою кожей
Прижимаешься к чёрной земле...
Всё понятней становится позже,
Но – когда бесполезно уже.

БОГЕМА

Беседа закипает, словно чайник.
Слова слетают пузырьками с губ.

Здесь все равны – молчальник, беспечальник.
В обнимку – альтруист и душегуб.
Здесь все стихи почти что гениальны.
И женщины тщеславны по-мужски.
Здесь ходит рюмка бабкой повивальной,
Развязывая резво языки.
Рассвет глаза тенями обозначит.
На улице – то снег, то листопад.
Печаль больною девочкой маячит.
Её не гонят, но уже бранят.
Глаголют дружно эрудит с невеждой –
То самобичевание, то спесь.
Изношена надежда, как одежда,
И межсезонье поселилось здесь.

* * *

Души взмывает окаянство
На небо – облаком живым.
И разрывается пространство
Её разрядом грозovým.

И вот колеблется сознание,
Мерцая слабо, как во сне.
Жизнь убывает, как дыхание
На замерзающем окне.

Она на две неравных части
Распалась, – кто ей запретит?
Одна – всё время убывает.
Другая – всё летит, летит...

* * *

Ещё я ожидала чуда,
Ещё я чуда ожидала...
Но веет холодом оттуда,
Где пламя душу целовало.

Так – в мёртвом выстуженном доме.
Так – в доме мёртвом и пустом...
Глазницы окон смотрят – вдовьи, –
И ставни сдерживают стон...

Так вырубленный сад чернеет,
И только пнями полон сад...
Молчи. Молчи! Никто не смеет
Ступить назад.

МОНОЛОГ ЖЕНЩИНЫ

Ни для кого во мне упрёка нет –
Я сквозь ресницы вижу белый свет.
Но люди лгут. Лгут книги, зеркала...
Понять так трудно мужние дела!

Моё призванье – кухня, церковь, дети.
Но я живу! Живу на этом свете.
А этот свет безжалостно велик.
Он навязал мне собственный язык.

И я кручусь локатором в дыму,
Призывов ваших смутных не пойму.
Детей у нас воруют – мы звереем.
Мужчины нас ревнуют – мы смелеем.

Мелеем, как речушки, как ручьи.
Мы – сами по себе. Совсем ничьи.
Сиротство ваших женщин и детей –
От ваших заболтавшихся страстей.

Где сильные развёрнутые плечи?
Одни слова! Одни и те же речи!
Я не хочу быть умной – мне не надо
Почтения – пузырьками лимонада.
Мне скучно – знать.
Мне сладко – целовать.
Живое сердце – мёртвому отдать...

* * *

Не быть бы мне женой царя,
Не быть бы мне сестрой царя,
Не быть бы дочерью царя,
Ни прихотью царёвой...

А просто вечной глиной быть,
В руках гончарных глиной быть –

Простые души веселить
Свистулькою рублёвой.

Не надо вовсе мне дворца,
Во слуги-друзи хитреца,
Не надо даже мудреца,
Ханжу и доброхота.

Мне зваться попросту – жена,
Сидеть мне с прялкой у окна,
И видеть прямо из окна,
Как ты идёшь с работы.

Не плыть мне птицей в небесах,
Не рыскать рысью во лесах,
Охоты царской во лесах
Не забавлять оленем,

Ни серым волком, ни агнцом,
А пред Богом и Отцом
Бледнеть обыденным лицом
И падать на колени.

* * *

Ни денег, ни зрелищ, ни хлеба
Давно у судьбы не прошу.
Под осени бледное небо
Печали свои выношу.
От стылого неба дневного
Я вся – как чужая страна.
Ищу сокровенного слова,
Звучащего, словно струна,
Которое (даже в молчанье)
Не с голоса – с сердца звенит,
Вернёт мне живое дыханье
И с миром опять породнит.

НОЧНОЙ АВГУСТ

Выходишь ночью в мокрый сад
и шаришь мокрыми руками,
а ветви гладят плавниками
остекленевшее лицо.

И в глубине ночного сада,
где равнодушная прохлада, —
слабей железное кольцо
тобой же созданного ада...
И замирает звездопад.
...И веришь, небо в каждый дом
глядит глазами исполина.
...И вносишь в дом лицо с дождём
в летучих звёздочках жасмина.

ЛЕТНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Весь июль занимались любовью
(огородничеством и садоводством),
И на грядках с кудрявой морковью
святотатством и сумасбродством.
И в крови лавой солнце горело
от хмельного кипящего плена.
И раздавленным яблоком тлела
истомлённая летом Селена.
Наготовили в зиму варенья.
Позабыли на время глаголы:
Август. Звёзды. Паденье. Успенье...
И тела, как янтарные смолы.
Прикасанья, грозящие током,
и ресниц просмолённые шпалы
не поднять. Но дурманящим соком
между бёдер луна истекала.
.....
Мы зимою варенье откроем
и вдохнём заклеимлённое чудо...
загудит и помчится по крови
отголосок июльского блуда.

* * *

Душа обязана трудиться...

Н. Заболоцкий

Душе работать неохота.

Она идёт на изворот,
хитро рассчитывая: что-то
само собой произойдёт...

Произойдёт...

Добычей жадной
её возьмут, распотрошат...

И побредёт овцою стадной
твоя бессмертная душа.

КОНЕЦ МАЯ

Сирени сыпались к босым ногам
и щекотали загорелые колени.
На небе – кружевами птичий гам.
Я утопала в тёплой майской лени.
Какая радость детская – Весна! –
в ладонях растирать душистые травинки,
с устатку припадать к холодной кринке
и сеять неумело семена.
...Как жаль, что поздно воротиться к вам, –
и яблони, и вишенник, и грядки!..
(Смеясь и жмурясь, жмутся по углам,
как злые дети, духи беспорядка).
Душе ещё понежиться дано,
младенчества легенды наблюдая.
...Уколет нежное веретено,
скупое милосердые соблюдая.

* * *

....Опять – на юг деревья улетели –
те, разрумяненные, праздничные, те...
а нам остались – траурные ели,
и пятна гнезд в черничной пустоте...

ЭЛЬЗА

Голуби, синицы, воробьи –
были соглядатаи мои.
Вы – моя летучая семья,
невзначай вас прикормила я.
Не сплету крапивных вам рубах –
милые, витайте в облаках –
станет льдом текучая вода.
С вами улечу я навсегда.

* * *

Понапрасну таишься и мечешься
в лабиринте, душа – минотавр.
Выхода нет.
Но – блеск полумесяца!

И бежишь на мелькнувший свет.
Лапы могучий след –
лужи лукавое зеркальце,
Мина для самолюбия –
только не надо смотреть –
там миража голова отрубленная –
приглашенье на смерть.

* * *

...Когда ещё манил разгул страстей,
и тихий комфортабельный уют –
огнь обжигающий и – глубина колодца, –
я привечала ветреных гостей,
неблагодарный беспокойный люд, –
(они в колодцы чистые плюют)
.....
Но души их, безропотные овцы,
к высокогорным пастбищам бредут.

* * *

Голой желтизной луна, –
круг от выбитого дна –
глаз бездонной бочки.
Как болотные огни,
в небе светятся они –
искорки и точки.
Там медведица и дочка
лов ведут по одиночке...
И на утренней заре
пьют из лунной бочки.

МЕМОРЕ

...на свет родиться в никогдании,
и жить в таинственной нигдении,
рядиться в серое рядно,
и быть со всеми заодно.
Судьбу ничтожную и жалкую
железной стружкой просолить,
столочь бетонную мешалкою,
по гнутым мискам разложить...
И с дантовым путеводителем,
прижатым к впадине груди,

сменить убожество обители
на тёплый запах впереди,
где ни погоста, ни страны.
Все одиночества равны,
где горе, как позор, не прячется.
И в списках имя обозначится.

СЛОВО – СЕРЕБРО

Словесный поток современный
переполняет эфир,
словно ток переменный
пе-ре-заряжает мир.
Но серебром фамильным
из глубины сознания –
слабого делает сильным
речи естество – знание.
В слякотном беге буден
сленга грохочет телега.
Русское слово пребудет
свежестью чистого снега.
Трудится языкознание –
наука и ремесло,
чтобы божье дыханье
в каждую душу вошло.

* * *

В эти камни впиталась вода –
миллионы струящихся лет,
и из них проросли города,
как птенцы, пробиваясь на свет.
Известковая скорлупа
осыпалась с реликтовых гор,
и вилась за тропюю тропа,
выводя на равнинный простор.
Припадая к холмам Жигулей,
крутоскулый крещёный калмык,
как кумыс материнских степей
пил и впитывал русский язык.

ПУТЬ

По бесснежью, по жнивью,
по бессонному приволью

замороженной болью...
ночь несёт печаль мою.
По заветному маршруту
к долгожданному приюту,
к предпоследнему жилью...
ночь несёт печаль мою.

.....
Слову верное служенье,
дружбы список послужной,
звёзд согласное движенье –
свет небесный, свет земной, –
и любовь тяжёлой каплей
раскалённого свинца –
в сердце будут до конца.

ПРИЗРАК ЛЕТА

В хлебнице холодные котлеты
лист кленовый бережно накрыл –
это уходящий призрак лета
жёлтую салфетку обронил.
Воскресенье пало на Успенье.
Мы гулять пошли на волнолом.
Под сурдинку длилось обручение
августа с лукавым сентябрём.
Звон гитарный ввечеру носился.
Пили терпкий золотой крюшон,
и на плечи ласково ложился
сумерек прохладный капюшон.
На гирлянду заперта калитка.
Осыпь звёзд спалила водоём.
Снова – бесполезная попытка
лето прочитать со словарём.
На веранде зябнут пятна света,
пол дощатый потемнел слегка.
Дремлет заплутавший призрак лета
в лужице парного молока.

ПРОЩЁНОЕ...

...Опять целительный покров
раскинулся над городищем, –
врачует звон колоколов... –
Как отдалённый звон подков

даёт надежду пепелищам.
Не страшен ловкий крысолов, –
ни вой волков, ни гнев царёв,
ни искушенья грешных снов,
ни оккупанта сапожищи, –
в руках зажат молитвослов!..
Лиловым облаком любовь
благоволит вора и нищим.

* * *

Теперь никому не нужны,
навеяны детскими снами...
Звались – чудеса старины.
А ныне – зовутся стихами.
Мучительство языка,
его благодатное пенье.
Спасибо, Россия, страна
поэзии и долготерпенья.

* * *

На это кладбищенское побережье,
безденежья сглатывая слюну,
я принесу своё безнадёжье.
Приду и кассандрою прокляну
эти рабские пирамиды,
призраки вырубленных садов,
а на песке оставляют мидии
духи затопленных городов.
Это обугленные ладошки,
сложенные в беззвучной мольбе,
бегло прочерченные дорожки, –
горькая память о древней божбе.

* * *

По ломаным линиям побережья,
где в ноги бросались услуги медвежьи,
где город раскинулся, словно пасьянс,
а мы, не попав на последний сеанс,
пропали под ливнем обломков.
Где к небу пустой возносился трамвай,
а «скорая» мчала в загруженный рай,
гудком раздвигая потёмки.

Когда же наркоза рассеялся мрак,
поднялся таинственный полог.
И мокрый, как бог, пил янтарный коньяк,
из фляжки седой травматолог.
И снова мы выжили в этом бою.
Воинственной хлоркою пахнет в палатах.
Хранителей-ангелов я узнаю
по нимбам и бейджикам на халатах.

* * *

А ведь жили в великой стране –
соучастники и очевидцы.
Я листаю в горячечном сне
кровью выступившие страницы.
Или голос дрожал на ветру,
или ветром его относило,
потому что жила на юру,
как юродивая голосила...
У дубовых топталась дверей, –
не хватало уверенной силы.
Знать, текли в реках крови моей
симпатические чернила.
Неужели развеюсь как дым
самозваную серую птицей.
И неузнанным словом своим
ни по голосу, ни со страницы.
В догорающем сумраке дня
сожалеть о мерцающем даре...
И никто не приветил меня
на пустеющем птичьем базаре.

БУЛАТОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА

Родилась в г. Горьком 13 мая 1964 года. В Тольятти с 1974 года. В 1986 году окончила Куйбышевский институт культуры. С 2011 по 2021 годы жила на два города – Тольятти и Казань. Автор книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня» (2017), сборника стихов и прозы «Я, Бог, любовь и око» (2019). Член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан. Член редколлегии журнала «Аргатак. Татарстан». Два года – с 2018 по 2019 годы – работала литературным редактором в молодежном журнале «Идель» (г. Казань). Редактор-составитель нескольких десятков изданий. Организатор литературных проектов, в т.ч. учредитель премии «ДИАС», посвящённой казанскому писателю и философу Диасу Валееву, организатор Всероссийских поэтических конкурсов «Отцовский след», «Библиотечная муза», «VOЗрождение Родины» и др. Публикации в журналах «Звезда», «День и ночь», «Юность», «Плавучий мост», «Перископ», «Сетевая словесность», «Зарубежные задворки», «Аргатак. Татарстан», «Казанский альманах», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Город». Лауреат литературных премий им. Игоря Царёва (Москва, 2015), им. Салиха Гуртуева (Махачкала, 2019), им. Сажида Сулеймановой (Альметьевск, 2021), премии журнала «Аргатак. Татарстан» (Казань, 2021); III место во Всероссийском конкурсе переводчиков им. Эффенди Капиева (Махачкала, 2021); лауреат Международного конкурса современной духовной литературы «Молитва» (2022); дипломант VI Всероссийского конкурса одного стихотворения гражданской лирики (2022); 2 место в Международном фестивале литературы и культуры «ЛитКузница-2022» в номинации «Поэзия»; победитель и призёр ряда конкурсов поэтического перевода. Живет в городе Тольятти.

ВОЛГА, ВЯТКА, ОКА И КАМА

Волга, Вятка, Ока и Кама – вот четыре родных сестры.
Между этими берегами пращур мой разжигал костры.
Волховал, приготовясь к севу, и поглаживал оберег,
Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек.
Чтобы бьющийся слева бакен направлял бы уключин скрип,
И горел бы огонь прабабкин и прадедов на спинах рыб.

...Начинала цвести ясколка, разливался в лугах апрель,
Лучше няньки качала Волга лодку – мамину колыбель.
Знали слово «война» с пелёнок, но хранил беззащитных Бог,
И от «воронов» да воронок он судёнышко уберёг, –
Только омуты да стремнины, но недаром родня ждала:
Скоро доктором станет Нина, будет новая жизнь светла.

...Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:
Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов.
Здесь грозила судьба расстрелом в сорок первом за колоски...
По сестрёнке, навеки в белом, плакал Ванечка у реки...

И остались они живые, целых пятеро, мал мала...
Славный врач из Ивана выйдет, будет новая жизнь светла.

...Первый скальпель, уколы, грелки и родительский непокой:
Это я родилась на Стрелке, между Волгою и Окой.
Если есть у свободы запах, это запах родной реки.
Напиши-ка, смеялся папа: *наши с Вятки-де вы с Оки.*
Вслед за мамою *ехал Грека через реку, а в реке рак,*
И молочными были реки, и кисельными берега...

Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,
В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли,
Натянув тетиву рассвета на Самарской Луки изгиб, –
Это красное пламя ветры зажигают на спинах рыб,
Это посвист далёкой Стрелки, что почувствовал печенег
По вибрации крупных, мелких – всех впадающих в Каму рек.

«Ты – река! И теперь ты – Кама!» – крикнут белые берега.
Может, это такая карма? Может, это одна река?
Может, это игра течений? Может быть, по воде круги –
Многоточия изречений той одной, родовой реки?
...Волга, Вятка, Ока и Кама, – и щепотью ведомый перст
На груди четырьмя штрихами, как судьбину, выводит крест.

УЛИЦА КОМЗИНА В ТОЛЬЯТТИ

В прибрежном обществе осин,
Подобен парусу на нефе,
Иван Васильевич Комзин
Увековечен в барельефе.
Он заслужил его вполне –
Масштабом, а не скорбной датой.
...Война утихла, по стране
Катился год пятидесятый.
Ещё в чернилах был закон,
Но сборы выдались недолги,
И самый мирный батальон
Пошёл на штурм раздольной Волги.
Шагал по улице Комзин,
Красавец стати двухметровой –
От восхищенья Катъ и Зин
Светился окнами Портовый.

Иван Васильевич Комзин
Громаден был не только ростом.
Те девять лет и девять зим
Дались ему совсем непросто.
Великий кормчий вёл вперёд,
Не ослабляя портупей:
«Имей в виду, что Запад ждёт
Провала нашей эпопеи».
Пусть были жёстки времена
И строги будни ради блага,
Но всё ж любили Комзина
Рабочие Кунеевлага.
Да, он умел людей беречь,
Ему служили все законы,
И генеральские погоны
Честней не видывали плеч.

В науке строить нет чудес,
Она умеет много гитик...
Гудят турбины Волжской ГЭС,
Ждёт Асуанская в Египте.
Он помнил, как был редок дождь,
Но капля каждая хранила
Всю бриллиантовую мощь
Награды Голубого Нила.
И в орденах родной страны
Стучало сердце человека,
Чьей дерзостью возведены,
Считай, полсотни строек века.
Закон суров – оправдан риск:
Не уместив матёрых пальцев,
Мятежный телефонный диск
Будил кремлёвских постояльцев.

Он потирал высокий лоб
В предвосхищении успеха,
И не случилось без него б
Тольяттинского политеха.
Труду – учение не вздор,
А суть полезное знакомство.
Он мыслил: время вить гнездо
Для инженерного потомства.

Провидец, сеятель добра,
Ведь дотянулись эти руки
До биостанции – ядра
Экологической науки.
Пред нею Ставрополь предстал,
Как сам Комзин, сенсационен...
Здесь лектор Любищев читал,
И здесь же был он захоронен...

Под шум автобусных резин,
Летящих, будто жизнь земная,
Иван Васильевич Комзин
О чём-то главном вспоминает.
О том ли времени своём,
Когда в кунеевских карьерах
Дымились сапоги на нём
Неимоверного размера?
О тех ли днях могучих дел,
Когда, показывая норы,
Он над собою не терпел
Партийных разных ревизоров?
О планах с нового листа?
Ведь между гидро-рубежами
Так и осталась чертежами
Переволокская мечта...

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН

В Жигулёвских горах атаманят ветра,
А лесную тропу сторожит мошकारа.

Но ведут на вершину чабрец и полынь –
И в глаза не вмещается волжская синь.

О пристанище-вольница буйным богам!
Дай примерить твой шлем, Молодецкий курган!

Эту гордую реку ты выгнул дугой,
Эти камни под Стенькиной были ногой.

Эти русские волны, послушно дружны,
По-персидски расшили накидку княжны...

Там, где Волге в подмогу впадает Уса,
Поднимают утёсы свои паруса.

Города и деревни поют вдалеке
О великой реке, о Самарской Луке.

Только Девья гора не поднимет лица –
Уронила чело на плечо Молодца.

И впечатаетшь в память гряды за грядой,
И Лепёшку запьёшь родниковой водой.

И, не вытерев капель с горячей губы,
Обернёшься на зов Жигулёвской Трубы.

** Молодецкий курган, Девья гора, Лепёшка –
названия гор в Жигулях; Жигулёвская Труба –
залив и одноимённый овраг*

* * *

Ты знаешь, Нижний стоит мессы,
как возвращения – гнездовье.
Я полюбила эту местность,
как птица, первую любовью.

Я отыскала первослово
у стен макарьевского храма,
я полюбила этот говор
(он до сих пор остался с мамой).

Там бродит время тихой сапой,
и молоко в подойник брызжет,
там живы дедушка и папа,
и тётя настя с дядей гришей.

Они идут из комнат, с лестниц,
глядят с портретов, не мигая,
они поют, и в этой песне
ланцов из замка убегает.

Глухою керженской тропою
они уходят без оглядки,
оставив мне нести с собою

их вздохи, письма и тетрадки.
Всё глубже след и тень длиннее,
пишу в анкетах: *город Горький*
и не могу уйти с линейки
у обелиска на пригорке.

СЫЗРАНЬ

Сызрань – сыздавна, сызмала, сызнова...

Деревянное кружево крыш...
Кисть берёзы окошки забрызгала,
У которых с восторгом стоишь –

Человечишко перед вершинами –
Лепотою высокой объят.
Бирюзовая арка с кувшинами,
Где былое, как вина, хранят.

Сызрань – сызнова... Бросит украдкою
В Крымзу солнце – сверкают круги –
И протянет с кремлёвской печаткою
Пятиречье, как пальцы руки.

Сызрань – сыздавна, сызмала, сызнова
Белой птицей уходит в полёт
И, мелодию вечности вызная,
На земле в красном камне поёт.

То светло, виновато печалится,
Не скрывая морщин на челе.
И берёза в окошке качается:
Удержись, утерпи, уцелей!..

Жив лишь только молитвами деревца
И, быть может, отвагой своей,
Там балкон до последнего держится
С благородством купецких кровей.

ЙОШКАР-ОЛА

Шатры йошкар-олинских площадей,
Скользящих за бортами у ладей,
Качает венценосная Кокшага.
О, здесь такая плотность красоты,

Что сделать от креста и до звезды
Нельзя без удивления ни шага.

Взойди на полукружия мостов:
Фламандии повсюду слышен зов.
И красный город – в каждом сердце мара.
Забудь о вечном, помни о тщете.
А белый лось в лазоревом щите
Несёт золоторогую тиару.

Жива царь-пушка сытостью ядра,
А Пушкин – царским росчерком пера, –
Бери всё царство, скромный писатель!
Смотри на мир с курантовых высот,
Где ослик Богородицу везёт
И, может, не одну её спасает.

И всё же кто вы, жертвенный народ? –
Чавайн устами вашими поёт,
Потомки первобытных землекопов,
Хранящие в застенчивой крови
Священный свет природы и любви,
Последние язычники Европы.

СИМБИРСК

Сим-сим, откройся!
Ларцом Владимирского сада
с его златоволосой нимфой
в неспешном шелесте фонтана.

Води мостами, как смычками,
звучи виолончелью Волги!
Вчера ли в кружеве ранетка
с тобой стояла под Венцом?

Катись, свияжское колечко,
тори причудливое русло,
вдевай – мостам на удивленье –
фату тончайших облаков.

Весь день бродить по разноцветным
половичкам сплетённых улиц,
ах, загляжусь – коньки резные
летят под дугами крылец!

Симбирск, откройся!
Щеколдой двери деревянной,
ключом, оброненным Маришкой,
скользящим в лоно подземелья...

И честной карамзинской музой,
и русской мыслью Гончарова,
и одному тебе присущей
мемориальностью имён.

Но сколько света и надежды
у птицы Спасо-Вознесенья,
у пьющих небо голубое
золотоклювых куполов!

ПРИБАЛТИКА

Я помню, поезд плыл морозной ночью...
Студенческая братия Самары,
точнее, Куйбышева, сессию окончив,
вперёд состав весёлый разгоняла.
В Москве мы день гуляли по Арбату
(и где ты ныне, фантик эскимо?),
да так, что от сапог ушла подошва –
я новые себе купила в ГУМе.

Куратор, седовласая еврейка,
везла своих девчонок поклониться
святыням Минска, Бреста и Хатыни –
остались в памяти обугленные стены,
и колокол, и каменные слёзы...

Но нас ждала Прибалтика – кусочек
другого мира, странного немного,
звучащего нелепо, но прекрасно,
как узких улочек готический мотив.
И Каунас, и Клайпеда, и Рига
сплелись в моём сознании, подобно

трём стрелкам потревоженных часов,
когда заходишь в лавку антиквара.
Казалось бы – уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе.

Два белых лебедя, похожих на скульптуры,
царящих в тёмных водах зазеркалья
в короне белоснежных берегов.
Музей Чюрлёниса, и музыка, и волны,
симфония воздушных пузырьков,
зелёное, слоистое, чудное...

Другой музей – название я помню,
но называть не хочется, поскольку
просила мама словом не играть,
а дедушка подшучивал над ними
и рисовал, бывало, на газете
их морды, и копыта, и рога...

Летающие высокие ворота
(за петушком ли золотым на шпиле?) –
и Домский ригорический собор,
где я орган услышала впервые,
держась за восхищённые колонны...

...И узких улочек готический мотив...

Ветрами просолённая Паланга,
следящая холодными глазами
за Эгле, королевою ужей.
Так ветрено, что бронзовое платье
готово улететь из рук её...

Балтийский берег Куршского залива –
заснеженное тусклое светило
боится, видно, выпустить лучи:
не разбудить бы море ненароком.
На берегу напрасно мы искали
осколки золотого янтаря –
конечно, он давно уже разобран
неисчислимым полчищем туристов...
Зато мы увозили в пухлых сумках

чудесный прибалтийский трикотаж
и посвящённых после узнавали
по их жакетам, юбкам и платкам...

Но был ещё и старый добрый Вильнюс,
ведь только здесь могла бы я увидеть
величественный маятник Фуко,
непогрешимодвигающий в лузы
тяжёлый шар, сияющий, как солнце
над мраморным песочным циферблатом.

...Легко и точно двигаются стрелки
старинных потревоженных часов.
Казалось бы – уже ушло их время,
но шестерёнки крутятся в тебе...

ГДЕ-ТО НА ОЗЕРЕ ХАНКА

Радость отметилась кратко –
Другая гостя вошла:
Мантию с конфедераткой
Армейский сменил бушлат.

Снимок на фоне танка –
И воин чуть-чуть суров –
Где-то на озере Ханка,
За семь часовых поясов.

Берцы уже не тугие –
Крещён через кровь пацан...
А были войска другие –
По клетчатым шли плацам.

Пока приморские дали
Из ниточек вяжут жгут,
Шахматные медали
Владельца по струнке ждут.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

А вы на празднике бывали –
Литературном фестивале?
Музей Аксёнова, Казань.
Московский гость в рубашке белой –

Чигрин – из книги свежеспелой
Стихами щедро сыплет в зал

(Его акустика прекрасна),
И слово мастеру подвластно,
Что хочет он творит с душой.
Выходят и волнуют фибры
Поэты разного калибра.
Аншлаг в музее. Хорошо!

Седую взмахивая гривой
И оседлав рояль игриво,
Гремит Трескин – душа, дрожи!
Пока с Казанью спорит Прага
За голос оперного мага,
Высокий дух искусства жив!

Достать его хватило б роста.
За дверью – порция морозца.
Трусцой спешит по делу кот.
И вечер высветляет лица,
И снег – как чистая страница,
И близок новый Новый год.

ЕЛАБУГА

*Рахиму Гайсину
Эдуарду Учарову
Евгению Морозову*

В Елабуге сердце ищет
Сокровища древних лет...
Над Чёртовым городищем
Звезда прочертила след.
Безжалостный день вчерашний
Под корень крошит века,
Но крепкою пломбой башня
Стоит на горе пока.
А всадник на лобном месте
Поводья зажал в горсти.
Над Камою полумесяц
Подковой в ночи блестит.

Елабуга, ты запала
В меня белизной берёз.
Часовня Петра и Павла
Ослепла от долгих слёз.
На серых камнях дорожек
Рябиновый бьётся след.
Приводит сюда прохожих
Марины нетленный свет.
Отцовыми именами
Сроднились навек с тобой.
Позволишь ли между нами
Тебя называть сестрой?..

Елабуга, муза марта,
Пролеска грядущих дней,
Высокая песня барда
Летит из груди твоей
За дверь университета
И выше кирпичных стен –
Туда, где кричат поэты
На вымученном листе,
Где Шишкин кистями сосен
Расписывает пейзаж...
Елабуга, сколько вёсен
Возьмёшь ты на карандаш?..

ЧИСТОПОЛЬ

В этих мальвах – отголоски
Колоколен давних пор.
Но опять собор Никольский
Водит с Камой разговор.

Друг за дружкой ходят скверы
Вдоль купеческих домов.
От тюрьмы, считай, до веры –
Три слезы и пять шагов.

Красный дом. Диванчик узкий.
И – торжественность перил.
Здесь Шекспир на чистом русском
При свече заговорил.

Здесь восток шлифует время,
А оно – твои слова.
Всё до буковки в поэме
Перемелют жернова.

День бросается листками
И рябиною дождит.
Пастернак не отпускает,
Возвращайся, говорит.

БАЙКАЛ

Байкал баюкал и буянил,
бухтел, бурханил, барабанил,
многоголосый удэге.
Спускались горы мыть подошвы,
а чайки хлопали в ладоши,
смеясь на нашем языке.

Небесный омуль плыл высоко,
вращая умным жёлтым оком
у переносицы горы.
И триста рек несли дары –
доволен батюшка оброком:
готов калым для Ангары.

Пока шаманил с бубном кто-то,
открыв Ольхонские ворота,
дожди впечатались в гранит.
И мы карабкались по склону
непостижимого Ольхона
до запредельных пирамид.

Я, месяц мучась со спиною,
ступила в море ледяное,
сомкнув его над головой
три раза, как тому пристало,
и трижды море цвет меняло –
зелёный, серый, голубой.

Не разыгравшиеся нервы –
а разыгравшиеся нерпы

чудно крутились на волне.
И был весь мир потом в нирване:

туман валил, как пар из бани,
и я – забыла о спине.

Забыть ли этих дней течение,
любовь камней и трав, свечение
прозрачных донельзя глубин?
О месте силы древней веры
друг с другом так и спорят ветры –
сарма, култук и баргузин.

МЕЛЬНИКОВ ИГОРЬ ГЛЕБОВИЧ

(1961-2011г.г.) Родился в городе Уфа. В 1968 году вместе с семьей переехал в город Тольятти, здесь же началась и прошла его творческая жизнь. Хотя в жизни Игорю приходилось нелегко (инвалид с детства, ДЦП), он работал в технической библиотеке ВАЗа и активно участвовал в деятельности Тольяттинской писательской организации. Член Союза российских писателей. Автор нескольких книг, журнально-газетных и сетевых публикаций. Игорю более всего была близка русская классическая лирическая поэзия. Он был уверен, что данное литературное направление вовсе не исчерпало себя, что здесь ещё возможно сказать своё слово, способное тронуть сердце современного читателя, очаровать своей чистой мелодией.

ЭДГАР ПО

Пустынный двор. Карета возле дома.
В провалах туч скользящая луна.
В гигантском вихре звездного Мальстрема
Судьба Земли давно предрешена.

Когда опять смотрел в ночной простор он
На пламя свеч, на блики в складках штор,
Всезнающий и равнодушный ворон
Ему угрюмо каркнул: «Невермор».

Холодный ветер шевельнул страницу
С отметкой торопливого пера –

Как будто звал пославший эту птицу
Не ждать в бесплодных думах до утра.
Метнулось пламя. И затихло снова.
Тень человека вышла за порог.
Остались строчки. Но значение слова
Еще никто перевести не смог.

* * *

В плену у цветущей сирени
Уже не сумею пропасть я
От яркого неба и тени,
И плеска бездонного счастья.

Там солнце стояло углами
От стен отраженного света
И пчелы летали послами
Еще предстоящего лета.

Но было немного тревожно
От тайного, смертного знанья, —
Что выполнить им невозможно
Глухие свои обещанья.

И все, что они обещали,
Когда-то, не зная сомнений,
Сегодня я вспомню едва ли
В плену у печальной сирени.

* * *

Спасибо вам за чувство дали,
Мои земные облака.
Вы ничего не обещали,
А просто шли издалека.

У зарастающей дороги
Склонялась в колеи трава.
Вы плыли медленно, как боги,
Без горечи и торжества.

За ваше вечное сиянье,
За ваш мерцающий покой,

Я видел, машет на прощанье
Вам с ветки слабый лист сухой.

Но вы его не замечали.
И он, сгорающий в огне,
Рванулся молча в ваши дали.
И полетел под ноги мне.

Скользнула холодком по коже
Его мгновенная печаль.
И был он мне в тот миг дороже,
Чем вы, открывшие мне даль.

* * *

Над спящим городом, от звездного тумана,
Неуловимый свет, неуловимый зов, –
Как будто брызги волн и пена океана,
И шум его далеких голосов.

Открыты настежь полночи ворота.
Но знанья нет, и веры нет давно.
Привычный мир... Возможная свобода...
Что выбирать? Не все ли нам равно.

Мы не свободны, даже выбирая...
И в бледной дымке, льющейся к ногам,
Блестит дорога зыбкая, сырая,
Ведущая к летучим берегам.

САЛЮТ

...И все же бывает минута
Среди незаметных минут, –
Когда городского салюта
Над крышами рощи цветут.

Тогда, ускользя от взгляда
В летучий светящийся дым,
Аллеи небесного сада
Сливаются с парком земным.

Там кто-то смеется и даже
Торгуют мороженым там.

И даль за плакатами та же.
И тени скользят по зонтам.

Там соки и сладкая вата,
Воздушных шаров пузыри.
И все, кто ушли без возврата,
Гуляют всю ночь до зари.

Там музыка кружится где-то
И слышится вечное в ней...
Как жаль, что сгорает все это
И падает ливнем огней.

СУГРОБ

Сугроб, на скамейке забытый,
Всю зиму провел в полусне.
Как грязный бродяга небритый
Совсем разболелся к весне.

А тут еще солнце пригрело,
Грозь неизвестной бедой,
И грузное, рыхлое тело
Налилось свинцовой водой.

И даже не зная про лето,
Про то, что слабеет зима,
Он, видимо, чувствует это
И медленно сходит с ума.

И память расплылась, теряя
В намокшей, тяжелой тени –
Как юность, как отблески рая –
Морозные, ясные дни.

* * *

Дожди. Бесконечное лето.
А как рассказать о дождях,
Бродящих по городу где-то
В прозрачных и легких плащах.

Они замирают у дома,
Не в силах забыть ничего.

Им каждая мелочь знакома
На лестничной клетке его.

И долго бормочут у входа
На зыбком своем языке,
Что им надоела свобода
В неясном, пустом далеке.

Потом оставляют ступени,
Чтоб снова уйти в тишину.
Их лиц морозящие тени
Бесшумно скользят по окну.

И станет темно и печально
В домашнем привычном тепле, –
Как будто увидел случайно
Свое отраженье в стекле.

НОЯБРЬ

Пустое солнце ноября
Стоит над городом пустым.
Какая поздняя заря!
И небо – дым. И время – дым.

Холодный марсианский свет.
А город стар и незнаком,
Как будто миллионы лет
Багровой пылью дремлют в нем.

Как будто всех нас нет давно.
И только в память прежних дней
Ложатся молча на окно
Косые полосы теней –

Пропавших бабочек леса,
Бурьян хранит их легкий прах.
И с ветром бродят голоса.
И замирают во дворах.

* * *

Как будничный день незаметный,
Кончаются тысячи лет.

И тает в снегу мимолетный,
Нездешний сиреневый свет.

Как будто в тумане сирени,
В каком-то забытом саду,
Где тихо колеблются тени,
Я, щурясь от солнца, иду.

А солнце уже закатилось,
На миг задержав для меня
Обман и последнюю милость
Обычного зимнего дня.

ДЕТСТВО

Трава с молодыми слезами
Росы, не запомнившей тьмы.
Когда-то такими глазами
На землю смотрели и мы.

И жил я, не делая вида,
Что будто не чувствую зла.
Но все же любая обида
Была безнадежно светла.

Ее выпивали рассветы.
И все повторялось опять.
...А имени этой планеты
Совсем не хотелось узнать.

ЕЛЕНА КАРЕВА

Елена Карева родилась в Сызрани. Окончила Куйбышевский медицинский институт. Член Союза российских писателей. Автор книг стихотворений «Оранжевые цветы» (издание с авторскими рисунками, 1999), «Всего лишь слова» («Библиотека журнала «Город», 2002), «Настоящее в прошедшем/ Прошедшее в настоящем» (книга в журнале «Город», 2006), «Гори... гори» (2007), «Red-and-Blues» (2011), «My Precious» (2019), «Роза Шрёдингера» (2021). Публиковалась в журналах «Город», «Дети Ра», «Крещатик», «Новый журнал» (The New Review, NY), «Литературная учёба», «Южная звезда», Florida, «Графит», «Встречи» (Чита), сборниках «Поэзия третьего тысячелетия», «Перовестник» (Красноярск), двухтомной антологии «Лёд и пламень», «Антологии тольяттинской литературы», коллективных сборниках «Поэзия Тольятти», «Ода саду-огороду», во всероссийском еженедельнике «Литературная Россия», альманахе «Паровозъ». Лауреат литературного конкурса «Поэзия Тольятти» (2022), победитель Всероссийского поэтического конкурса «Ода огороду» (Тольятти, 2022).

К ПОРТРЕТУ

Стихи посвящаются Ю.К.

* * *

Луна – небесное зеркало,
что отражает тишину,
в которой я молчу устало,
не в силах отойти ко сну –

твой образ в глубине сознания
холодным золотом горит,
и я в порыве созерцанья
в его устремлена зенит.

VENEZIA INTERIORE

Моя Венеция – глаза
твои: прозрачные каналы,
в которых тает бирюза...
Прилежно заношу в анналы:

Anno Domini – две с хвостом:
зелёным льдом покрылись воды...

Откуда лёд? – и я о том,
молю: о, Боже, дай погоды!

* * *

О чём ты думаешь, когда
усталость гасит мониторы,
и терпеливая звезда
смущённые отводит взоры;

и как берёт твоя рука,
в рассветном сумраке белея
как кисть прекрасного цветка,
как предрассветная лилея,

за ручку чашку, или так,
сожмёт задумчивым объятьем...
... и подаёт неясный знак
Луна, прикрыта рваным платьем.

* * *

Такой недостижимый во мгле
ещё прозрачной сырости вечерней,
рассыпаны нарциссы по земле,
и фонари средь обнажённых терний,

которые слоистая листва
не спутала ещё вуалью клейкой,
пока за ней сквозящая едва
звезда всходила над пустой скамейкой.

* * *

Порхают не ловленные поцелуи:
коснутся строки, и взлетают в испуге,
и снова их нежат прозрачные струи,
покачивая орбитальные дуги.

И снова они пребывают в круженье,
и вечно ответное слов трепетанье,
и сердца триумф, и ума поражение,
и тщетное умалишённых восстанье.

* * *

Как локоны твои вились,
где гиацинтов для сравненья

Бог не послал; бледнела высь –
теряла цвет от вожделенья,

и пеплом покрывалась синь,
и золото над ней смеялось:
померкни, наконец, остынь!
И веселее разгоралось.

* * *

И золотой улыбки тень,
и апельсиновый закат
текучий осеняет день,
и вот уж фонари горят,

и будто лунная пыльца
летит в цветущие стога.
И отражения лица.
Нарциссовые берега.

* * *

Вот ты идёшь среди камелий,
под ноги падающих ниц
из рук помешанных офелий,
сошедших со своих страниц,

и в чёрных зеркалах империй
за удвоением лебедей
средишь участником мистерий,
сокрытых в сердце от людей.

* * *

Серебряный месяц в чернильной воде
полночная рябь повторит многократно.
Никак не забыть, не увидеть нигде
такого: ни «время, вперёд», ни «обратно».

А блики как кудри рассыпаны там,
где я не могу их коснуться рукою,
но я серебра своего не отдам,
гори всё огнём за чернильной рекою.

* * *

При свете мартовской метели,
холодных белых светляков
кружащей, смутно бродит в теле
вино неписанных стихов.

Свет криво падает и зыбко,
но оживляет серебро,
и в нём далёкая улыбка,
дыханье, шёпот: за перо...

* * *

Неисчерпаемый запас;
но трачу больше, чем имею,
упорно воплощая нас
в полупрозрачную камею,

шлифуя, словно ювелир,
свои бесценные камни,
пока война сменяет мир,
являя древние знаменья.

* * *

На грани мир, наверное, всегда.
В конечном счёте – только «да» и «нет».
Мы все умрём, но это не беда.
Пока могу, смотрю на твой портрет.

СКОТНЕВСКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ

Родился в 1953 году в городе Куйбышев (ныне Самара). Окончил Куйбышевский медицинский институт. Член правления Союза российских писателей, Председатель правления ОТО ГО «Гольяттинская писательская организация». Автор двенадцати книг стихотворений, среди них – «Закон сохранения любви», «Возле самой зари», «Мелодия преодоления», «Прощай, потому что люблю», «Листопад», «В сторону любви» (в серии Библиотека журнала «Город»), «На вокзале речном», «Оглянись навсегда», и книги стихотворений «Избранное» (2019). Лауреат всероссийской премии им. Н. Рыленкова, награжден медаль им. М. Шолохова.

ИСТОК

Прилетала манна,
Уплывала вдаль.
Денег было мало, –
Но была печаль.

Светлая, сквозная,
Чистая как снег, –
Ничего не зная,
Чувствовал за всех.

* * *

Вот душа недостойная рая,
Но достойная света и тьмы,
Просит верности вечной, без края,
Обещая свободу займы.

В небесах, на волне и на тверди,
Там, где в тьму превращается свет,
Будь готов и к измене, и к смерти,
И к любви, без которой их нет.

* * *

К финишу катит дорога,
Перетирается нить.
Пью за бессмертие Бога, –
Более не за что пить.
Что там осталось? – не много,
Крохи какие-то, смех!..
Пью за бессмертие Бога, –
То есть бессмертие всех.

* * *

Над уральскими горами
Разгорается рассвет.
Боря Рыжий пишет маме,
Что его счастливей нет,

Что его несчастней нету
На далеких берегах, –
Повернись душой к рассвету:
Чувствуешь любовь и страх.

Чувствуешь, как жизнь проходит,
Чуешь, времечко сквозит,
Как волшебная мелодия
Срывается в зенит,

Как звенят протяжно льдинки
То ли в счастье, то ль в тоске, –
И душа на паутинке,
И судьба на волоске.

Мокрый снег прошел дворами,
Лист пронесся наугад...
За горами Жигулями
Загорается закат.

* * *

Выйду, и без смысла и без толку
Под открытым небом постою.
Улица моя впадает в Волгу, –
Я впадаю в улицу мою.

Медленно и навсегда впадаю,
Уплываю каплей по реке.
Я впадаю, я не пропадаю
В Жигулей недалнем далеке.

ВСТРЕЧА

Цикорий, ромашка, люпины.
Июльский полуденный зной.
И жажда... Вдруг ветер любимый,
Летящий от Волги самой.

Впитавший дыхание леса
И волжской волны благодать, —
И более нет интереса
О бренности жизни вздыхать.
Лети и светло, и упруго
Сквозь душу, поля и года.
Давай же обнимем друг друга
Как в юности.
И навсегда.

* * *

Даль — родная.
Даже тьма — родная.
И живая волжская вода.
И простор от края и до края,
И душа без края навсегда.

Все в себя всосала: воду, воздух,
Каменные горы Жигули,
Парохода крик, и даже звезды
От нее умчаться не смогли.

Все во мне. И я во всем навеки...
Мир уютен, люди-человеки!

* * *

Зима. И снова вьюга в чистом поле.
Душа готова и к любви, и к боли.

Всех-всех простить за дело и за слово, —
Готова быть, но и не быть готова.

Зима на свете, вьюга в чистом поле...
Всего лишь ветер за окном, не боле.

Следи, следи за каждым дуновеньем.
Смерть — это вечность, ставшая мгновеньем.

* * *

Весна. Ручей рекою грезит
И щепочка на щепку лезет,
И луч небесно-золотой

Сквозит над будущей листвою.

И голубь выступает с речью,
Голубку прихватив слегка.
И женщина идет навстречу,
Такая ясная пока.

* * *

Тишина на белом свете,
Гробовая тишина.
Все проходит, кроме смерти, –
А, быть может, и она.

Вздригнешь и душой, и телом,
Вынырнешь из злого сна.
Слышите, на свете белом
Зазвенела тишина.

* * *

памяти И.Ш.

Задыхался от шума,
Ибо звук свой нашел.
Был и желчен, и зол.
Ничего не придумал –
Так же в землю ушел.

Но не шрифт и бумага,
А любовь и печаль.
Только Свет, только Влага,
Только Вечная Даль.

* * *

..моя родная искра Божья

С. Аршинов

Окончен бал. Закрыты двери.
А справа – слева западня.
Но почему-то чисто верю,
Что не оставит Бог меня.
Когда один по бездорожью
Иду, испуга не тая,
Во мне мерцает искра Божья,
Чуть видимая, но моя.

* * *

Ветром вздуты занавески,
Дождик меленький сечет.
Жив еще поэт Скотневский, —
Не с того, что водку жрет,

Не с того, что zenки лупит
И ругается навзрыд,
А с того, что сердце любит
И душа всю жизнь болит.

* * *

Смотреть спокойно и любить
Пространство, время, лица, души
И заповедей не нарушить,
О страсти лютой позабыть.
Но нет! Врываются опять
Пространство, время, души, лица, —
И это длится, длится, длится —
Лишь страсть умеет побеждать.

* * *

Опять приснилась пара слов
В каком-то диком сочетанье:
Про ненависть и про любовь?
О вечности и мирозданье?
О человеческой душе?
О горстке праха? Звездной пыли?
Пусть я не вспомню их уже, —
А все ж приснились!
Все же были!

* * *

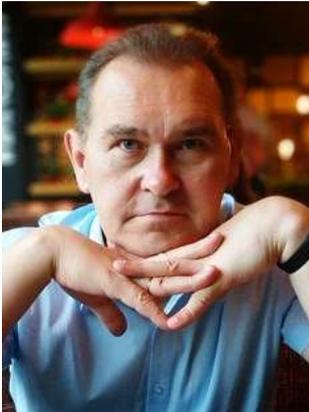
Сбежавшая строка гуляет по вселенной,
А не томится на бумаге тленной.
И горечь, что забыл.
И радость, что не сделал пленной.

* * *

Борису Бартфельду
Наперекор любым сомненьям
Пиши, вселенную творя.

Ведь творчество – борьба с забвеньем,
Со смертью, проще говоря.

Волшебной палочкой взмахнуть бы, –
И, лишь душе не прекословь...
И воскресают лица, судьбы,
Эпоха,
Родина,
Любовь.

АЛЕКСАНДР СЛЕСАРЕВ

Тольятти

Слесарев Александр Иванович родился 27 ноября 1970 года в городе Тольятти Куйбышевской области. Окончил Тольяттинский политехнический институт, факультет машиностроения (1993). Постоянный автор тольяттинского литературного журнала «Город». Автор книги стихотворений «Живой озноб» (в серии «Библиотека журнала «Город»). Лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Ода огороду» (Тольятти, 2022), дипломант Всероссийских поэтических конкурсов «От фонаря» (2022), «Человеки и коты» (2023).

СЕРЕДИНА ОКТЯБРЯ

До весны как до царя,
А до солнца как до бога –
Всё далёко да высоко.
Середина октября.
До зимы рукой подать.
Расстоянье всё короче.
На ветру дрожит листочек.
Этой дрожи не унять.
А до смерти только миг.
До полёта лишь мгновенье.
Победит пространство время.
В темноте померкнет лик.

* * *

Когда-то мы жили в домишке простом,
С рябиной, синицей, сосной да клестом,

С калиткой резной без щеколд и замков,
С резвящейся около сворой щенков...
Сосновые клёст обживает боры,
Синица в рябиннике, здесь – топоры.
Калитка закрыта и крепок запор.
Матёрые псы охраняют забор.
Когда бы мы жили в домишке простом...

* * *

В саду намокли сливы,
И яблони в воде.
Мы так с тобой пугливы,
Мы знаем – быть беде:
Гроза расколёт крышу,
Потоп дождём зальет...
Я сердце твоё слышу –
Попала... Недолёт...

* * *

Проживаю на птичьих правах.
Птицам эти права и не снились.
У синицы моя голова.
Мне такая дарована милость –

В кулачке твоём тёплом согрет,
А другою рукою накормлен.
Быть синицей – счастливый билет,
Сыром в масле... В родимых ладонях,

Засыпая, лечу налегке
Журавлём. А виденья нелепы:
Ты мне машешь рукой вдалеке,
Сыпешь... сыпешься крошками хлеба.

* * *

Я не чернее черноты.
Я не светлее дня.
Я серый. Я такой, как ты.
И не суди меня.

Не осуждает злобы зло.
Добро не судит свет.

Я тот, кто осуждён давно.
Ты тоже. Разве нет?

Не нам с тобой дано судить.
Но нам дано решать:
Иль ненавидеть – иль любить,
Прощать – иль не прощать.

Гнушаюсь сумерками я.
Но в сумерках живу.
Кому оплакивать меня?
Печалиться кому?

* * *

Птица, что под рубахою
Я согревал в груди,
Бьётся о рёбра – ахаю –
Словно вот-вот взлетит...

Водка. Стаканчик разовый.
Даль непроглядна. Дождь.
Коль пролетишь, рассказывай,
Как в небесах живёшь.

* * *

А жизнь прожить – не шутка,
Не поле перейти.
Плывёт шальная утка,
У заводи в горсти,
В сентябрьское раздолье,
Скрываясь в камыши.
А жизнь прожить – не поле...
«Плавнее... Не дыши...»

* * *

Ужо не будет многих.
Потом не будет всех:
Ни блёклых и убогих,
Ни ярких, как рассвет,

Ни мелких и ледащих,
Ни крупных золотых,

Осиново-дрожащих,
Дубово-налитых.

Уже не будет многих,
И примет всех земля.
Средь зимних бурь жестоких
Останется хвоя.

КАЛЕКИ

По земле идут калеки.
От села идут к селу.
Через леса идут и реки,
Через осень и весну.

Кто хромой, а кто горбатый.
Кто слепой, а кто косой.
И всему-то они рады.
Сыты небом да росой.

На скитания не ропщут
И судьбину не клянут,
Не рыдают, не хохочут,
Песню странную поют:

«Каждый видит то, что видит.
Каждый слышит то, что слышит.
Каждый знает то, что знает.
И живёт. И умирает...»

* * *

...Лишь голые стволы –
Слетела позолота.
Разрушены тылы.
Уже близка пехота:
В раскатистом: «Ура!» –
Идут метели к власти.
А что не трезв с утра,
Так что же, было счастье.

* * *

Общественный транспорт не ходит –
Предутренний час. Остановка.

Ты – словно вложенья в Мавроди –
Палёной горишь поллитровкой.
Что было? – случилось изрядно.
Что будет? – в ближайшем – поездка
Туда, где... Да ладно, да ладно...
Подходит внушительно, веско
Маршрутный автобус. Кондуктор
Билетик в последнее завтра
Протянет. Туманное утро
Уже не отпустит обратно.

* * *

Боялся упустить тебя,
Спешил заранее на встречу.
Над городом сгущался вечер,
Морозом щёки теребя.

Погас фонарь – гореть устал,
Сияли звёзды. Окна гасли.
Я избегал своих напраслин.
Шаги прохожие считал.

Ехидно каждый каблучок
Смеялся. Точно что-то зная.
С берёз снялась воронья стая,
Угомонила. И молчок.

Горячий кофе. Кот поёт.
Твои колени брюшком греет.
А ты не знаешь, что милее:
Я ль, одиночество ль твоё.

ВЯЧЕСЛАВ СМИРНОВ

Тольятти

Смирнов Вячеслав Анатольевич – российский поэт, прозаик, драматург, театральный критик, издатель, фотограф. Родился в Омской области 17 марта 1968 года, в Тольятти живёт с 1975 года. Заместитель председателя Тольяттинской писательской организации. Руководитель литературного агентства (с 1994). Член Союза российских писателей и Союза писателей России. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1999). Учредитель, редактор и издатель литературного альманаха «Майские чтения» (1999 год; закрыт решением суда в 2012 году). С 2000-го – учредитель, соредактор и издатель тольяттинского литературного журнала «Город». Член Творческого союза художников «Солярис», Художественного совета Тольяттинского художественного музея, Ассоциации театральных критиков. Автор поэтических сборников «Жутики» (1994), «Приятнейший чудак» (1997), сборника пьес «Чума», юбилейного двухтомника («Хулиганы, бегающие по керамзиту» и «Песня-плач-причитание по одинокой девице Татьяне...») (2018), сборника «Напокишу. Книга о моём отце» (2020, 2021), двухтомника «Театры Тольятти» (2022). Лонг-лист конкурса драматургии «Ремарка» (2017; пьеса «Действующие лица»). Лауреат городского конкурса «Поэзия Тольятти» (2022). Публиковался в журналах «Аврора», «Кастальский ключ», «Город», «Паровозъ», антологии «Нестолычная литература», газете «Литературная Россия» и др. Издатель и популяризатор творчества драматурга Вадима Леванова. Благодаря инициативе Вячеслава Смирнова в 2019 году площадь, прилегающая к Молодёжному драматическому театру, стала именоваться сквером Вадима Леванова.

ПЕСНЯ ВЕТРА

Труса не праздновал – раз,
Труса не праздновал – два.
Скажи, где твоя голова?
Где твой штык?
Где вещмешок?
В нём – табачок
И из дома три старых письма.
Зачем ты стрелял
И упал,
И лежишь чёрт-те где
В этом сером сосновом бору?
Кровь не бежит –
Ею полон закат,
И трава,
И деревья вокруг.
А ведь труса не праздновал ты –
Это раз.
Труса не праздновал ты –
Это два.

Скажи, где твоя голова?
Где теперь твоя голова,
Солдат?

* * *

Ты стоишь, бородатый репейник, в крапиве,
И тебе не чета лебеда и чабрец.
Капли влажной росы не тебя окропили,
Но ты чувствуешь: вот он, приходит конец.

Вздрагнет стебель, и колкие листья качнутся,
И стальная коса вдруг опишет дугу.
Ах, зачем ты вчера умудрился проснуться
Не в постели, а здесь, на душистом лугу?

Мог бы травы топтать в этот день сенокоса
И считать облака, отдыхать на спине...
А теперь ты лежишь, кем-то срезанный косо,
Где ромашки и клевер – в единой копне.

* * *

– Так-так-так, – говорит пулемётчик.
Пулемёт отвечает не в такт.
Пулемётчик наш коников мочит,
Пулемёт же опять: – Как-как-как?

Что за странная эта наука,
Тут и чёрт ни черта не поймёт.
Пулемётчик кричит: – Ах ты, сука!
– Сам ты кобель! – кричит пулемёт.

Рвёт гашетки, льёт воду под кожух,
А в ответ – только пули и пар.
Тот не хочет, а этот не может
Избежать этих распрей и свар.

Кончен бой, не гремит канонада,
Пулемётные ленты пусты,
И не рвутся шальные снаряды,
Тихий ветер колышет кусты.

Отстрелялся – и кончились споры,
Отстрелял – и закончен рассказ –
Тот, по сути и смыслу который
Не про вас, а всего лишь – для нас.

* * *

Может, это снится мне, –
Я себе сказал, –
Только кто-то спицами
Мне проткнул глаза.

Я горжусь державою,
Варежки вяжу,
Но рукою правою
Глаз не нахожу.

Мне рукою левою
Не нашарить их...
Всё, что я ни делаю –
Попадает в стих.

Никакой тут логики
И в помине нет:
Так себе, убогенький,
Чахленький сюжет.

Передайте лапочке,
Передайте доченьке:
Свяжет папа тапочки –
И прозреют оченьки.

Ох, что я и сделаю
Со своей державою,
Я тогда и левою,
Я тогда и правою.

* * *

Я напьюсь и умру под забором,
Непонятым призывом влеком,
И на грудь мою спустится ворон,
И в глаза мне заглянет тайком.

Я когда-то смеялся и плакал,
И не думал я, и не гадал,
Что зарююсь в бурьян, как собака,
И уставлюсь с тоской в никуда.

И прохожая скажет старуха,
Отвращенья ко мне не тая:
«Этот выюноша мамку не слушал,
Оттого и упал, где стоял.

Был он жулик, бандит, кровопийца,
И друзей где попало бросал...»
На груди моей съёжится птица
И вспорхнёт высоко в небеса.

* * *

из цикла «Утренние созерцания»
Будь я малость помоложе, —
Например, годков на пять, —
Боже мой! Да мой ты боже!
Я б такое мог сказать!

Что мне степи и равнины?
Что мне горы и леса?
Заводные бедуины?
Отварная колбаса?

Слог мой ясен и воздушен,
Вдохновенен и негруб,
И пленительно послушен
Искривленью синих губ.

Да с такими-то речами,
При скопленьи стольких дел —
Не вращал бы я очами
И ключами не звенел.

Кабы было всё иначе,
Колобок мой, голубок —
Я б не только это начал,
Я бы всё продолжить смог.

Но сижу себе, болезный,
С обстановкой незнаком,
Парабеллум бесполезный
Теребя под пиджаком.

* * *

Дорогая моя,
Мне хотелось тебе намекнуть:
Дорогая моя,
Я устал и хочу отдохнуть.

Я уеду отсюда подальше
В чужие края,
Где не будет немислимой фальши,
Дорогая моя.

Дорогая моя,
Продолженья не будет уже.
Дорогая моя –
Ты скучна мне в своём неглиже.

Загрустишь в тишине, ненадолго
Обиду тая,
И поправишь в причёске заколку,
Дорогая моя.

Дорогая моя,
Этот месяц по имени март,
Дорогая моя,
Спутал множество меченых карт.

Нагадали: в беспечной судьбе –
Золотая струя.
Но никто не вернётся к тебе,
Дорогая моя.

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Пока в полях не стаял снег
И не журчит вода –
Свои претензии к весне
Я выражал всегда.

Не вдохновляет аппетит,
Работа не идёт,
И всё к таким чертям летит,
К таким делам ведёт...

Короче ночи, жарче дни,
Но я совсем обмяк.
Гони соблазнов дух, гони!
А толку-то, земляк?!

Весну, издав протяжный стон,
На дух не выношу.
Душу свой гормональный фон:
Сижу, стихи пишу.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Я песенкой этой и ныне дышу,
Такое, ребята, во сне не приснится,
Светлеют от слов этих пламенных лица:
«Плывут пароходы – салют Мальчишу!»

Какая погода стоит на дворе!
Какие девчонки гуляют повсюду!
Я выйду, и сдам непременно посуду,
Лишь только три буквы найду в букваре.

Прохожие – что глухари на току –
Все пассы мои созерцают с опаской:
Я выведу жирной размашисто краской
Икс, игрек и бодрую зет – на боку.

И мне в этом смысле так хочется петь,
В экстазе скорей с оппонентами слиться.
Но горькую повесть читаю на лицах:
«Висят пионеры», – и ныне, и впредь.

НА СМЕРТЬ БРАТКА

Ну, как-то не так мутили, на,
Товарищи, на, твои:
Сегодня утром Путилина
Нашли у подъезда в крови.

Голды отлетели в сторону,
Шузы лежат без шнурков,
Барсетка с гринами порвана
И отброшена далеко.

«Не с целью, на, ограбления
А лишь заказухи для», –
Шушукается население,
Поглядывая издаля.

«Тело вдоль бордюра
Расположено лицом вниз», –
Менты скрупулёзно и хмуро
За дело своё взялись.

Я, ощупав в кармане прорехи,
Сжимая гвоздик в горсти,
Написал на борту его бэхи:
«Серёга, мы отомстим!»

Так склеил браток салазки,
В иные ушёл времена,
Но с цепью якорной вязки
Он не расстался, на.

А был он опасный и дерзкий,
Пинком распахивал дверь –
Па ацки, а не па децки.
Да что об этом теперь?

Отвыли давно метели, на,
Прошло уж много чего.
Вот выйду, на, отметелю, на,
Кого-нибудь за него.

* * *

Идут башмаки,
Башмаки по дороге идут.
Шаги их легки,
Но нигде башмаки не ждут.

Суровая кожа
И крепкие шнурки.
И всё же, и всё же –
Не ждут нигде башмаки.

Послушай, послушай –
Идёшь ты своим путём.
Ты лучший, ты лучший,
Но и тебя мы нигде не ждём.

Пусть стёрлись подмётки –
Без этого никак.
И всё-таки, и всё-таки
Ты сам реальный башмак.

ГИМН ГОРОДА

Высится город над Волгой-рекой,
Гордые песни слагает народ:
Дышится там хорошо и легко,
Славный Тольятти, шагай вперёд!

Городом был ты Святого Креста,
Время и Волга меняют пути:
Символом нового времени стал!
Юный Тольятти, свети, свети!

С верной дороги вовек не свернуть!
Нас не коснётся лихая беда!
Мы воспеваем твой доблестный путь:
Славься, Тольятти, всегда, всегда!

ВИКТОР СТРЕЛЕЦ

Стрелец Виктор Иванович родился 1 апреля 1949 года в селе Палауз Сысольского р-на Республики Коми. Автор поэтических книг «Чаша терпения» (1991), «Час пик» (в серии «Библиотека журнала «Город», 2002), «Алиби» (2006), «Молчание камня» (2010), «Вольный перевод с соловьиного» (2020). Член редколлегии литературно-художественного журнала «Город» (Тольятти), редактор-составитель поэтического альманаха Союза российских писателей «Паровозь». Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Город», «Под часами», «Новый журнал» (The New Review, NY), альманахах «Провинциальная лира», «Майские чтения», «Паровозь», коллективных сборниках «Мы из Тольятти», «Свобода совести», антологии «Лёд и пламень», «Антологии тольяттинской литературы», сборниках «Поэзия Тольятти», «Ода саду-огороду» (2022). Член Союза российских писателей.

* * *

Л.

...Подножный камень целится в висок,
о темени мечтается сосульке...
О Боже, человеческие судьбы –
нить Парки, паутинка, волосок...

В Путь Млечный запрокинься, одинок,
молитвенно – на грани слёз и сути.
Созвездия – убийственные судьи
над мыслящей тростинкою у ног...

Когда ты в парке подступаешь вплоть,
в улыбку встречную твою, в живую плоть
впиваючись, спасительные словно,
и бдительность теряя, как дитя,
я забываю, что из рук тебя
выхватывает время хладнокровно...

* * *

...Над чёрным полем чернь ворон
крикливо носит свет закатный.
Ах, сумерками, как загадкой,
охвачен мир со всех сторон.
С плакучей точечкой звезды...
Остолбенеешь, глядя в оба,
и выпрямляются черты
дневной изогнутые злобой...

* * *

...Бессонница – ты жалко
раскрытые глаза.
Да словно попрошайка
на паперти – душа.

Ты – голосок-подлиза
из-за плеча: ку-ку,
мол, удалось подгрызть, а,
листочек червяку.

Мол, заплатил налоги,
и спи без задних ног...
Зарыться с головою
в подушку, как в песок...

* * *

...Жизнь настоящая,
где ты – заочная?..
Это шемящее
чувство обочины.

Форвард в забвении
просит на водочку.
Это похмельное
чувство обочины.

Под небесами все
ходим отсроченно.
О, это самое
чувство обочины.

Те обречённые
отчие оченьки
в свете оконном и
чувстве обочины...

Тает рассеянно
золото осени.
Это шоссейное
чувство обочины.

В общее счастье
верю не очинно.
В сущности, частное
чувство обочины.

Пахнут сиренями
звёзды полночные.
Благословенное
чувство обочины...

* * *

...А когда покажется жизнь что мёд,
вдруг смерть ощерившаяся придёт.
Повлекут под рученьки не кенты,
а два демона лютые, как менты
в вырезатель – ад, а не райский сад.
Железом подшпынивая под зад.

На последний суд в Судный час да день...
Пейте кровушку мою – кому не лень!
Очи демонов – огненные круги.
Дубинки, наручники да крюки
слезоточивые всё... Прикинь,
до чего был охочий – собачий сын.

Отвечай таперича – сама тишь –
что стоишь-глядишь-плохо выглядишь?
Всё б тебе, вольному, мёд да гульба...
Подвела тебя раскатанная губа...

* * *

...Как сон иных времён, что снится, длится –
живые уличные лица, лица –
сиюминутной плёнкой бытия беспечной...
Но кто-то ходит среди нас
такой ветхозаветный, вечный.
Порхающими бабочками – песни.
Младое племя выбирает пепси.
Луной прокатной пользуется. «Йес» –
как форвард восклицает – счастье весь,
плюс характерный жест... А он, прохожий,
припоминает всё – на что сие похоже:

подобная жара, толпа окрест,
и человек влачит на гору тяжкий крест...

* * *

1

...Воздух августовский, *тверёзый*.
Зрелый запах тёмной берёзы.
Беспорядочные стрекозы.
На песке дождевые следы.

Время августовское, густое.
Мир – движение, а не устои.
Удержать его взглядом – пустое.
Даже с искрой случайной слезы...

2

...В тёмном августовском саду
я уснул и проспал звезду.
Над землёю она взошла
голуба, нова, весела...

А потом над безмолвием сна
словно руки ломала она.
И во сне я рыдал о том,
что глубоким окован сном...

3

...Ах, сад августовский – прекрасный офсайд.
Цветаевский. Яблок как из лототрона
падение. И ни баррикад, ни цитат,
а лишь измеренье сверчкового звона –
четвёртое. Этот, трёхмерный, чреват
мир – там, за стеной тишины и покоя.
И небо... небритое, как Арафат,
акбар, газават, и всё прочье такое...

4

...От отсутствия ль стен век усталый разлеп.
Трелей... дрелей, сверлящих мозг.
Как из колючей проволоки, постель –
из душных созвездий и звёзд.

Откроешь глаза – застывая разгар
ночи – как сторож Стожар.
Но уже сместился влево каркас
карты неба – утёк, сбежал.

С лаем несутся Гончие Псы.
Медведи режут ревмя.
Лопатками чувствуешь – на оси
поворачивается Земля.

Яблоки падают там и здесь –
как капли – опять и опять.
Узором созвездий исколот весь,
татуирован до пят...

* * *

Ольге Валенциц

...Пальцы тянутся к музыке,
утончаясь, умнея.
Мы, конечно же, узники,
только неба. Да – неба.

Эта лестница клавишей
в кущи райские, рощи.
И не словно играючи,
а играючи точно.

Эта лестница клавишей
в бездны адские, муки...
Да простят моим лапищам
твои тонкие руки...

* * *

...Уже смотрю на мир, как будто гость.
Но злее забиваюсь, словно гвоздь,
сквозь немоту и годы, и тоску,
в жизнь – упоительнейшую доску.

Уже стеною окружает быт.
И зацеловывать твоих обид
глухую бездну всё трудней, трудней
в мелькании непоправимых дней.

Люблю бродить бездомно, точно пёс.
Совать в газетные киоски праздный нос.
Фотографировать глазами, как агент,
людей и облака, и сей момент.

Я потерял, должно, последний шанс.
Какой? И где? И на какой сеанс?
Душа в восторге, словно в крике:
– Го-о-ол!..
Всё. Нищ, свободен от оков и гол.

Уже не хочется судить, страшать,
а больше хочется щадить, прощать...
Но снится тот же сон: берут в тиски,
со скрипом выдирают из доски...

2

...Где судьба поставит точку?
Пью по слёзному глоточку.
Да с прикидом, да с поглядом –
на просвет и на глазок.
Сочетанье – самый сок
выси с сосенным разладом.
Хвою стрелами амура
и пинцетами несёт.
И секундомеров мука –
звон кузнечиков – цейтнот...

3

...Смотрю, а кажется – прощаюсь.
Должно, с кипением крови.
Всё это, что глаза вмещают,
уж не моё, как ни криви,
как ни крути... Весенним светом
в лицо смеётся мне луна.
Что остаётся? – Человеком
остаться до конца, до дна...

4

...Выстраданная тишина.
Бесполезные светофоры.

Эта... фетовская луна
такой безупречной формы.
Сиюминутные голоса,
смехи да разговоры...
Ты – вынесенный будто бы за
скобки, за рамы, за шторы...

* * *

...Словно псарня какая – чешет город собак.
У бордюров прибой бьётся пенный.
Мягко стелет, юля и ленясь... И в зубах
вязнет скукой дворовой, вселенской...

Наше время горит... И ласкает нас, чад
божих, уличных, тычется – пепел и чад,
день и ночь, выпадая в осадок,
обтекаючи – горек да сладок...

Гераклитовой неповторимой рекой.
Оторвись от страниц в тополя, как слепой,
расслабляясь – зевака, разиня, –
кто-то тянет и тянет резину...

Или руки ломает, метельно мечась,
ах, сейчас, вспоминая тоскливо, сейчас...
Вот сейчас... И обратно – с размаха...
И где эта зарыта собака...

Поскорее на стрежень, на ветер-сквозняк,
там, где автомобили, как свора собак.
Огрызаясь, срывается свора,
как с цепи вдруг, на «фас» светофора...

КАФЕ-КУЛИНАРИЯ

Борису Скотневскому

...«Кафе-кулинария» –
начертано снаружи.
Здесь наливают пиво
в реликтовые кружки.

Не то чтоб ностальгия –
не слаще и не горше.

Ну почему такие
не выпускают больше?

Давай с тобой присядем
за этот стёртый пластик.
Здесь дух семидесятых
Генсеком старым плачет.

В согласии с программой
налить попросим белой.
На двести чётких граммов
опять помолодеем...

* * *

...В базарном потоке, брит да покаян,
Маньчжурские сопки играет баян.
Он в галстучке – имидж. А в жизни – буян.
Кормилец-поилец похмельный баян.

Потёртый баян, победивший в боях.
Базарный Боян – или с ним на паях.
Глядит в измеренье четвертое он.
В каком-то презренье – коробки картон.

Заоблачной кружной дорогою, но
он музыку преображает в вино
и в хлеб повседневный – дежурный баян.
И не отвертеться от музыки нам...

* * *

...На обезлюдевшей лодочной станции
ах! тишина – самой высшей инстанции...

Не шевельнёт ни травинки, ни кустика,
ни отражения снежный молчок.
Консерваторская точно акустика –
пробует виолончельный смычок

ворон. И кротость вокруг – на закланье
жертвенный агнец с глазами воды.
Господи, тишь – как событие главное,
личное средь суетни, ерунды...

Вызов движению – дерзкая статика.
Мир не меняется и не течёт.
Трубный дымок... впрочем, он не считается,
видимый выдох – тоже не в счёт.

Ни поступательного движения
нету, вращательный также момент
напрочь отсутствует – оцепенения,
очарования монумент.

Лодки – как праздные ложки на скатерти.
Дачи – суфлёрские будки в снегу.
Как декорация: крошечный катер и
белые горы на том берегу.

Разом тряхнёт оголтелое карканье
сосен заснеженные меха,
и осыпается вертикальная
отражающаяся труха.

Злые снежинки шестиугольные
с визгом капризничают неумоги
под сапогами. Сторож до колик и
корчей отхаркивает мокроту...

* * *

...Влачит свой круг покорным псом троллейбус.
Вот и ещё один, разгаданный, как ребус,
проходит день. Он сумерками длится.
Усталостью похожи наши лица.

Снег под ногою от людского шага
несвеже сер, как простыня в общежитии.
И хочется сменить простынку вроде –
ко всем чертям – домам, душе, природе.

Сменить простынку, поменять пластинку.
Так далеко зима заходит под сурдинку.
И кажется, усталость правит балом.
Закат заморский жалуется алым...

Черны дома, деревья, люди – точно
они первопричина и источник
вечерней мглы – вороны и собаки,
и трубы ТЭЦ, и мусорные баки.

Мы разбредёмся, очереди заняв,
по магазинам, забегаловкам и баням.

Заката крохи – на тоскливой ноте.
И что-то вспоминаешь как в цейтноте.

Невидимые путы, цепи, сети
опутывают душу, душат – эти
зазубренные наизусть, до жути,
обыденные дни, слова, маршруты...

Фантазии недостаёт – кретины –
нам кроме этой заводной картины!
А может быть, иного нету, ибо
обречены на повторенья иго.

На колею земного повторенья.
В смиренье повторения – творенье?
...Влачит троллейбус круг путём избитым.
Вращается Земля, терпя орбиту...

АЛЕКСАНДР МИШЕНКОВ

Родился 22 августа 1949 года в городе Сызрань Куйбышевской области. 28 календарных лет прослужил в военном оркестре СВВАУЛ. Поэт. Композитор. Аранжировщик. Член Союза российских писателей. Дважды лауреат городской премии «Признание». Награждён нагрудным знаком «За заслуги перед городом» 2 степени (Сызрань) и медалью «За заслуги в патриотическом воспитании молодёжи» (Москва). Дипломант конкурса короткого рассказа-2022 альманаха «Новый енисейский литератор». Автор четырёх поэтических сборников - «Откровенья утра моего», «Иначе жить я не могу», «Когда зажигаются звёзды», «Навстречу ветру и судьбе», сборника стихов для самых маленьких «Любознательный галчонок» и книги рассказов для детей школьного возраста «Новенькая». Печатался в журналах «Русское эхо» (Самара), «Сызранская излучина», «Отчий дом» (Новокуйбышевск), «Стрежень» (Тольятти), «Берега» (Калининград), «Сура» (Пенза). В Блоковском сборнике «О, Русь моя!» (Москва), в Бунинском сборнике (Москва), журналах «Молодая гвардия» (Москва), «Аргатак» (Набережные Челны), альманах «Новый енисейский литератор», «На енисейской волне» и «Енисейка» (Красноярск), «Эшли» (Белоруссия), антологии «Сызрань литературная». А также в коллективных сборниках «У старого окопа» (Сызрань), «Сызранская излучина», книгах «По законам военного времени. Сызрань - фронту», «Славные дочери Сызрани», «Чести достойны» (Сызрань), в газетах «День литературы» (Москва), «Рижский автомобилист» (Рига) и других периодических изданиях. Работает артистом высшей категории в ЦМИиК г. Сызрань.

НОВЕНЬКАЯ

В шестой «Б» класс Аня Королёва пришла из другой школы. Особенного внимания она как-то сразу к себе не привлекла: худенькая, длинноногая, с большим бантом на голове, но всегда аккуратная, с белоснежным ажурным воротничком и маленькими горошинками золотых серёжек в ушах. Посадили её на вторую парту возле окна с Гришей Левко, и все сделали вид, будто забыли, что в классе появилась новая ученица.

На уроках Аня вела себя тихо, не проявляя никакой инициативы, а её грустные глаза говорили, что думает она о чём угодно - только не об учёбе.

На первый урок она нередко опаздывала, а то и вовсе прогуливала занятия, но учителя никогда не требовали с неё объяснений и даже ставили тройки, если Аня не выполняла домашних заданий.

Ребят, а особенно отстающих учеников, это раздражало, и в очередной раз, когда Аня не пришла в школу, староста класса Света Никитина с двумя самыми активными отличницами Таней Чвановой и Ниной Белкиной решили после уроков её навестить.

Аня встретила их с радушием и вежливо пригласила в комнату.

– Сейчас будем пить чай, – улыбнулась она, – я только что напекла пирогов с яблоками. В этом году мы с двух маленьких яблонь собрали хороший урожай – я уже наварила варенья и закрутила немало банок

компота: мой младший братик Костик и бабушка любят компот, а варенья за зиму съедают столько, что лопнуть можно. Садик у нас хоть и маленький, но есть вишня, смородина, малина и даже куст черешни.

Она говорила и ловко накрывала на стол – чувствовалось, что для неё это привычное дело.

– Варенье варить несложно, – охотно рассказывала Аня, – а вот на овощи много времени уходит! А вы какой чай любите – крепкий или не очень?

Девочки сидели, слушали оказавшийся неожиданно приятным и тёплым голос одноклассницы, и было как-то неловко начинать разговор о школе.

А Аня, не ожидая ответа, продолжала:

– Брату было три года, когда погибли наши родители, и с тех пор он совсем не разговаривает. Вдвоём с Костиком органы опеки не разрешили нам жить, и мы переехали к бабушке. Сейчас она повела его к логопеду, а я вот хозяйством занимаюсь: нужно на завтра ещё борщ приготовить! Раньше я хорошо училась, – неожиданно переменяла она тему разговора, словно прочитав мысли своих гостей, – вы ведь об учёбе пришли поговорить?

После услышанного у девчонок перехватило горло – они опустили глаза и не знали что сказать. Первой справилась с волнением самая бойкая в классе Нина Белкина:

– Просто мы шли мимо и подумали: может, у тебя что-то случилось и нужна помощь?

– Спасибо, девочки, у меня всё хорошо! Да что это я всё о своём? – вдруг спохватилась она. Давайте лучше пить чай!

... С этого дня отношение ребят к новенькой ученице изменилось, словно по волшебству: все старались окружить её вниманием, рассказать смешные истории из жизни класса, отвлечь от грустных мыслей – и это им удалось. Аня стала озорной и весёлой, на её лице появилась очаровательная улыбка.

И что удивительно – после этой истории дисциплина и успеваемость в шестом «Б» повысились, ребята как будто повзрослели на целый год и класс стал одним из лучших в школе...

Вот что значит настоящая дружба!

БАЙДАРКА

Наш родительский домик стоял на берегу Воложки. Это была небольшая речка, которая в половодье соединялась с Волгой в одно пространство, а когда вода спадала, то между Воложкой и Волгой обнажались заливные луга с озёрами и красивыми цветочными островками, служившими любимым местом отдыха горожан.

Летом мы с младшим братишкой Толькой ловили рыбу, запускали бумажные кораблики, строили из песка разные фигурки, которые каждый раз смывало волной от проходящих пароходов, и мечтали когда-нибудь отправиться в далёкое путешествие.

На нашей улице жил девятиклассник Никита, у которого была настоящая байдарка, и он каждый вечер ходил на ней по Волге, вызывая зависть всех соседских мальчишек. Мы с Толькой тоже завидовали, но как от этого избавиться – не знали.

Однажды Толики вдруг высказал неосуществимую на первый взгляд идею:

– Шурик, а давай построим такую же байдарку, как у Никитки, и пусть он тоже лопнет от зависти?

– Действительно, – еще не осознав до конца Толькину мысль, продолжил я разговор, – ведь наш отец великолепный столяр и мы с тобой уже многому у него научились! Во всяком случае, молотком, ножовкой и рубанком орудовать умеем...

На следующий день мы принялись за дело:

Достали из сарая рейки, бруски, остатки фанеры от папиного столярного творчества и соорудили каркас нашей будущей байдарки. Затем днище и бока обшили листами старой фанеры, обработали края рубанком и из реек сделали слани. А Толик взял мамину метлу, вытащил из неё длинную круглую ручку, прибил на оба конца овальные фанерки, и получилось весло.

Байдарка вышла отличная, но все же чего-то в дизайне не хватало.

Выручил нас дедушка Устин. Он наблюдал за работой внучат и, словно прочитав наши мысли, принес банку зеленой краски...

Мы аккуратно покрасили нашу байдарку и через день с помощью друзей спустили её на воду. Немного покачавшись на волне, она вдруг перевернулась вверх дном и сразу же затонула...

У ребят, конечно, хватило выдержки не радоваться нашей неудаче, но дед Устин, от досады махнув рукой, проворчал:

«Эх вы, кораблестроители! Надо было сначала прочитать умную книгу, потом сделать расчеты и какой-никакой чертеж, и уж тогда браться за работу...»

Только через некоторое время успокоившись и осознав свои ошибки, мы наконец поняли глубокий смысл старой русской пословицы, которую любил повторять на уроках труда наш школьный учитель Пётр Иванович: «Где учение, там и умение...»

А Никита оказался настоящим старшим товарищем: после этого случая он разрешал нам с Толиком иногда покататься на своей Байдарке...

БОРИС ЗОРЬКИН

(литературный псевдоним Валерий Румянцев)

Родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Полковник в отставке. Проживает в г. Сочи. Поэзия и проза Валерия Румянцева печаталась в 210 изданиях РФ и за рубежом, в том числе в 84 литературных журналах (всего более 1 тыс. публикаций). Автор 14 книг поэзии и прозы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н.С. Лескова.

Я ТОЛЕРАНТЕН ДО КОРНЕЙ

* * *

Я толерантен до корней
Моей берёзы родословной,
И с каждым годом всё сильнее
Я верю в то, что всё условно.

На вкус, на цвет,
На глас морали
Стандартов не было и нет,
Хотя попытки и бывали,
Но только их не принял свет.

Во многих прячется Прокруст.
Ему дай волю – он наглеет.
И вскоре раздаётся хруст
Костей тех, кто подумать смеет,
Что можно выйти из границ,
Определённых сводом правил,
Где группа компетентных лиц
Всё по своим местам расставит.

Для всех, нарушивших размер,
Определяемый Прокрустом,
Найдётся много разных мер,
Чтоб привести негодных в чувство.

Порой всеобщих мнений свет
Играет радостно на лицах,

Но безусловных истин нет –
Всё может разом измениться.

Закон единства и борьбы
Свой буйный нрав опять проявит,
И безусловный путь судьбы
Тропой условною предстанет.

Единство мнений пропадёт,
Вновь мир увязнет в жарких спорах,
И толерантность расцветёт,
Скрывая старые заборы.

Прокрусты скроются в тени,
Отрекшись от своих делишек,
И будут врать календари
По поводу набитых шишек.

И те, кто непохожих гнал,
Станут терпимы и смиренны.
Вчерашних убеждений вал
Укроется под слоем пены.

А те, кто прежде был гоним,
Осмотрятся с победным чувством,
Наметят цель себе вдали
И превратятся вмиг в прокрустов.

Всех несогласных обвинять
Начнут в отсутствии морали,
А там и мерки создавать,
Под них сограждан подгоняя.

И агрессивный их задор
Бикфордовым шнуром затлеет.
Я толерантен до тех пор,
Пока прокрусты не наглеют.

Дрожь холодного рассвета
На ресницах мокрых сосен.
Повторение сюжета
В память новый пласт наносит.

Ведь не просто так кружили
НЛО вокруг палатки.
Может, что-то заложили
В подсознание украдкой.

А быть может, стёрли что-то,
Что могло бы стать догадкой,
Память посчитав блокнотом
Или школьною тетрадкой.

По себе других не судят -
С нашей памятью сложнее.
Стёртое сегодня будет
Завтра снова и яснее.

Вдруг взорвётся озареньем
Словно бы из ниоткуда.
Для одних как вдохновенье,
Для других как божье чудо.

И опять в душе промчится
Дрожь холодного рассвета,
Приоткрыв слегка страницы
Незнакомого сюжета.

* * *

Уходят праздники в Историю,
Оттуда вылезают новые.
Об актуальности их спорим мы,
В пылу до драк дойти готовые.

В архивах множатся открытия,
Вскипают пеной диссертации.
И появляются события,
Пригодные для провокации.

Крутя калейдоскоп Истории,
Узоры нужные фиксируем
И создаём фантазмагорию,
Которой этот мир тестируем.

В мозги вбиваются понятия,
Из них слагаются суждения,
Чтобы под крышей демократии
У всех одно имелось мнение.

* * *

Кто знает, что там на уме у Бога?
Вы не поверите, но даже я не знаю.
Навряд ли Бог раздумывает много
Об обустройстве ада или рая.

Об этом размышляют богословы –
Зачем же этим Богу заниматься?
Он бросил в этот мир первоосновы
И людям предоставил разбираться.

Пути Господни неисповедимы.
Пытаясь в них хоть что-то прояснить,
Одни лишь заблуждения плодим мы
И быстро привыкаем с ними жить.

Из заблуждений вырваться больно,
И неизвестно, стоит ли вообще.
А если заблуждения достойны,
То с ними рай, как с милым в шалаше.

Кто знает, что там на уме у Бога.
А может, в том и суть, чтоб мы не знали
И не толпились на одной дороге,
А собственные тропы пролагали.

* * *

Болтать о правилах войны
Легко в уютных кабинетах,
Не чувствуя своей вины
За то, что начали всё это.

Источник войн не на полях,
Не в нарушениях границы.
Начало зреет в головах,
Пока в приказ не воплотится.

И посылаются на бой
Те, кто не помышлял об этом.
А может, просто на убой
В сраженье между Тьмой и Светом.

Какие правила войны
Для тех, кто смотрит смерти в морду,
Чьи чувства в узел сплетены
И ставят сложности рекорды.

Внезапный гордиев удар –
И узел в клочья разлетится.
И хлынут диких чувств стада,
Сметая разума границы.

* * *

Там, где когда-то жил поэт,
Я вижу страшную картину:
Кабриолет, а в нём скелет
С ножом, когда-то вбитым в спину.

С ножом в спине поэт не смог
Жить, да ещё в кабриолете.
В него то дождь летел, то снег,
А то и ураганный ветер.

Они летят и до сих пор,
Только теперь уже на кости,
Словно стандартных бед набор,
С небес швыряемый без злости.

Там нет ни злобы, ни добра –
Лишь равнодушные движенья.
И нож, пронзивший два ребра,
Движений этих отраженье.

Здесь, на земле, добро и зло
Давно уже нашли друг друга,
И грань меж ними занесло
Словесной многолетней вьюгой.

* * *

Прошли унылые дожди.
Упал последний лист.
В свинцовом зеркале пруда
эскизы старых ив.
Недвижны струны камышей.
Знать ветер-гитарист,
В предчувствии морозных дней,
всё ищет свой мотив.

Пока же тихо. Мир застыл,
от суеты устав.
Настало время подводить
прошедших дней итог.
Страницы совершенных дел
неспешно пролистав,
Готовит память переход
будущий виток.

И в тишине плывут стада
степенных облаков.
Их обгоняя, мчат на юг
углы усталых птиц.
В лесах видны издалека
фигурки грибников.
И кажется, что нет конца
покою без границ.

Как жаль, что это лишь обман.
Лишь крохотный мирок.
За ним в безумстве городов
покой не отыскать.
Там правит бал очередной
окрепший бандерлог,
Решив, что можно, наконец,
с гранатой поиграть.

* * *

Мы брали в руки буквари,
И нас по ним читать учили.
И книги как поводыри
По жизни предстоящей были.

«Мы не рабы. Рабы – не мы» -
Как заклинанье мы твердили,
Но в камерах земной тюрьмы
В душе рабами всё же были.

Болото рабства столько лет
Въедалось в наше подсознанье,
Что в жизнь свободною билет
Мы брали с чиновничаньем.

И с верой, что придёт герой
Иль добрый царь и жизнь устроит.
Пусть всё течёт само собой
В комфортном жизненном застое.

От чаш свободы охмелев,
Решив, что можно всё и сразу,
Мы души превращали в хлеб,
А потребление – в проказу.

Менялись добрые цари,
В тумане таяли герои,
В пыли скрывались алтари
Задуманных великих строек...

«Мы не рабы. Рабы – не мы»
Мы больше не твердим упрямо.
Не потому, что мы немые.
Нет, просто кончена программа.

Теперь и в мыслях даже нет,
Что что-то рабское осталось.
Мы избавлялись столько лет –
Или нам это лишь казалось?

Теперь у нас другой букварь.
Мы в модной импортной одежде.
Мы – не рабы. Но добрый царь
Рабов в нас видит, как и прежде.

* * *

Молнии били во влажный песок.
А мы всё гадали: по нам или мимо?
Вот и достался нам жёсткий кусок
Разбередившего душу экстрима.

Грома раскаты как хохот небес:
Что тебе надобно здесь, человек?
Ты в наши игры нахально полез –
Что ж, мы тебя от нахальства излечим.

Эта гроза на песчаной косе,
Лес вдалеке, где могли бы укрыться,
Ветра броски и дождя карусель
Будут потом не единожды сниться.

Холод прогоним глотком коньяка,
С ветром затихшим уйдёт и тревога.
И преставшая злиться река
Вновь позовёт нас негромко в дорогу.

* * *

Последний дождь в последний день
последней жизненной ступени.
Последний шаг, затем полёт
через колоду измерений.

Вселенский покер без конца,
а может быть, и без начала.
Маршрут на картах приведёт
к ещё не ясному причалу.

И память снегом занесёт,
для жизни новой холст готова.
Но будет в памяти всплывать
внезапной искрою зов крови.

В одеждах новых в этот миг
вдруг вздрогнет старое сознание,
Сквозь блеф привычный уловив
реальность планов мироздания.

Жизнь без начала и конца -
Как ты ужасна и прекрасна!
Купаясь в океане чувств,
ты остаёшься в нём бесстрастной.

А брызги чувств узор плетут,
колоду измерений множа.
И прекратить сквозь них полёт
сознание – увы! – не может.

* * *

Падают жизни под тяжестью лет
Словно осенние листья.
Пишется этот печальный сюжет
Грубой безжалостной кистью.

Время – художник, и Время – поэт.
Все времена многолики.
Время стирает свершённых дней след,
Но оставляет улики.

Следствие будут вести знатоки,
Вскроют сокрытые тайны.
От наших дел и страстей далеки
Всё разберут досконально.

И суд присяжных вердикт огласит:
Люди ушедших лет
Жили во лжи, как в пруду караси,
Но их вины в этом нет.

Папки с делами отправят в архив,
Призванный тайны беречь.
Каждой поставят какой-нибудь гриф,
Чтоб любопытных отсечь.

И не пройдут тайных знаний лучи
Через невежества тучи.
Будет История снова учить
И ничему не научит.

* * *

С годами зрение становится острее.
Мы лучше видим прошлые ошибки,
Что выростали, как в оранжерее,
На почве наших убеждений зыбких.

Мы любовались их пышноцветеньем,
Затем благополучно забывали.
Но шли они за нами лёгкой тенью,
Не торопясь, но и не отставая.

И, выждав миг, внезапно нападали
И рвали душу острыми клыками.
А мы в недоумении гадали:
Ну что не так опять случилось с нами?

Со временем всё меньше мы гадаем.
Прошедший путь становится яснее.
Кого винить? - мы сами выбираем,
Куда свернуть в житейской лотерее.

* * *

Законодательство из дыр,
Весьма суровое на вид, -
Как Эльдорадо для проныр,
Кто боевит и башковит.

Среди законов хоть на миг
Блеснёт возможностей родник –
К нему они наперебой
Спешат весёлою гурьбой.

Кто не успел – тот опоздал.
А значит, шанс другому дал.
Свой кровный шанс, свой амулет,
Своё спасение от бед.

Опаздывать нельзя никак,
Заметив блеск возможных благ.
Там, где маячит дефицит,
Растут как на дрожжах дельцы.

И рынок – заповедник лжи –
Для них готовит рубежи.
Когда возможно всё купить,
Дельцам весьма комфортно жить.

К услугам их во все века
Висят законов облака.
А в них, готовая упасть,
Таится новая напасть.

Законы вертят так и сяк,
Ища какой-нибудь косяк,
Поскольку знают наперёд
И твёрдо в это верят:
Кто ищет, тот всегда найдёт
Незапертые двери.

ИВАН БУРАКОВ

Родился в подмосковной Щербинке. Живёт и работает в Москве. В 2012 году получил учёную степень кандидат технических наук. С 2013 года читает лекции и ведёт практические занятия для студентов Национального исследовательского университета «МЭИ». Занимает должность доцента. Автор более пяти десятков научных статей, учебных и методических пособий. В 2019 году опубликовал первый рассказ в электронной версии журнала «Чайка» (Seagull). Его рассказы, очерки, стихотворения выходили в журналах «Бийский вестник», «На русских просторах», «Белая скала», в альманахе «Новый Енисейский литератор». Опубликовано на сайте газеты «Завтра» и на портале «Независимое искусство». В 2021 году была издана его книга повестей, рассказов и стихотворений «Баллада об овальном мяче».

ТЫ (рассказ-тройка)

*«Ты упал с луны».
Маша Распутина*

1. Физики против математиков

Александр Сергеевич Пушкин учился в Царскосельском лицее, выпускники которого должны были стать элитой России. Ты тоже учился в лицее, правда не в Царскосельском, а в Московском физико-математическом, но на вас, как на элиту, государство рассчитывало не меньше. И что же? Повылазили из-за парт бунтари и ударились делать дела да разговоры разговаривать. Один ушёл с головой в фанатскую жизнь, его даже из Германии по «околофутбольным» причинам депортировали. Второй выпиливает на электрогитаре перед тысячной толпой и машет своим длинным «хаером», давно не мытым. Третий рисует глупые мультфильмы, но не для детей – для взрослых, с матом, с поножовщиной, с пошлятиной. Их регулярно демонстрируют по «Дважды два», а он и в ус не дует – усов у него нет, только бороду успел отрастить. Четвёртая пошла в актрисы, снимается в заставках к рекламе на бывшем «Дарьял-ТВ» – «Дарья на Дарьял». В общем, твой лицейский выпуск изобиловал талантами, в большинстве своём, зарытыми в землю.

Что же ты вынес за лицейские стены? Со знаниями туго – тут ничего не поделаешь. Давай попробуем поискать чего-нибудь ещё? О, нашёл! – Воспоминания! Да, действительно, воспоминаний о лицее уйма! Если ты не против, я подробнее расскажу о них как-нибудь потом, только бы язык и руки дошли. Пока же можно обсудить то, что лежит на поверхности и уже влезло своим весьма неповоротливым туловищем к нам в повествование. Что я имею в виду? – Всё просто: давай расскажем нашим читателям, почему лицей физико-математический. Нуднятина? Отнюдь!

Сейчас я тебе это докажу. Слушай.

Начнём с первой части составного слова. С «физико». «Физики» вас приходили учить прямиком с кафедры Физики Московского инженерно-физического института. Сплошь мужчины предпенсионного возраста. Помнишь Олега Батьковича? Помнишь, помнишь. Ты мне им все уши прожужжал. И про самую вкусную водку из всех русских водок – «Старую Москву», что Олег Батькович рекомендует! И про то, что любовью приятней всего в ванне заниматься – вода трение снижает – опять Олег Батькович рекомендует! И про камни, что тебе, да товарищу твоему, Сашке, Олег Батькович в спину не кидал, когда пытался вас, дураков, из лица выгнать. «Он, кидал булыжники», – поправит меня Сашка, а ты поддакнешь и глупо засмеёшься обычным твоим смехом.

Что до знаний по физике – слово «длина» пишется с одной буквой «н», но это не Олег Батькович сказал – это Сырник сказал. Сырник вёл занятия на подготовительных курсах, что проводились силами лица для поступающих в лицей, а Олег Батькович вёл занятия уже в рамках обучения в лицее. Так что же до знаний по предмету, которыми тебя одарил Олег Батькович? «Ира», – говорил он твоей однокласснице, учившейся в вашей подгруппе, – «Тебе повезло, ты ростом маленькая – можешь с любым мальчиком встречаться. Вот высоким девушкам себе пару сложнее найти». Затем задумывался и добавлял: «На два года младше вас», – при этом он пространно обводил рукой всех учеников вашей подгруппы, – «Учатся девчонки, ну прям такие высокие. Им с парой сложно». Ага, ты мне рассказывал. Две оглобли. Ты, кстати, в одну из них без памяти втрескался тогда. Помнишь? Да помнишь, помнишь. Не отрицай. Всё «феерил» перед ней. Чего «феерил»? – Непонятно. Это у тебя, я имею ввиду способность втрескиваться, хорошо тогда получалось. До неё ты в «математичку», что у вас на подготовительных курсах вела, втрескался – Мария, как там её, пусть тоже Батьковна будет. Вы тогда, на курсах, сидели за одним столом со своим тёзкой и «математичка» про вас всё говорила: «Два молодца, одинаковых с лица». Ошибалась: ты в лицей поступил, а твой тёзка – нет. Правда смысл в том, что на экзамене по математике и ты, и твой тёзка набрали по 25 баллов из 100 возможных, и поэтому Мария Батьковна могла читать стишок про двух молодцов, а вот на экзамене по физике ты набрал 75 баллов, а твой тёзка повторил результат экзамена по математике. Видишь, Сырник всё-таки научил тебя физики и самое главное тому, что слово «длина» пишется с одной буквой «н».

Поступив в лицей, ты всё хотел, чтобы Мария Батьковна у вас занятия по математике вела – не вышло. Стала вести другая, тоже молодая, тоже Батьковна – Татьяна Батьковна. Ученики, или, как вас ещё принято называть – лицеисты, звали промеж себя её «Татьяшкой». Хочу заметить,

что у вас в лицее вторая часть составного слова, и на этот раз имеется в виду «математический», уравновешивала первую часть – «физико». Как видишь, «математиками» были сплошь молодые девушки. Тут ты спросишь: «А как же Рурукин? Он-то не молодая девушка» Ничего не попишешь – из каждого правила должны быть исключения. «Математик» Рурукин со своим неизменным «Беломорканалом» на крыльце лицея и словами «Идиоты!», «Придурки!», «Дебилы!» в стенах класса как раз являлся тем самым исключением, что пуще прежнего подтверждает правило: «математики» – молодые девушки, «физики» – пожилые мужчины.

Так что там про «Татьяшку»? Хотите историй? – Они есть у меня! Практически все классные комнаты в лицее искусственно разделялись на большую часть, что предназначалась для проведения занятий, и меньшую часть, что предназначалась для отдыха преподавателя. Разделение осуществлялось с помощью установки ряда деревянных шкафов, на полки которых ставили книги, цветы и прочую утварь. Перед одним из уроков Татьяна Батьковна как раз находилась в меньшей части, а в большую стали входить ученики восьмого или девятого класса, ты мне не говорил. Один из них, видимо самый лихой, или самый болтливый – разницу не чую, наблюдая отсутствие учителя в классной комнате и, тем самым, предвкушая отмену пары, возвестил громким голосом на всё помещение:

– Ребята, а «Татьяшки» то и нет!

Его надежда была всеми легко понимаема, но... что «но»? Но не тут-то было. «Математичка» оказалась столь резва и столь строга, что «птица Говорун» ещё не успел окончить свой опус, как зажевал его конец в виду появления Татьяны Батьковны в проёме меж шкафов:

– Ой, извините, – только и смог произнести «птица Говорун» под строгим взглядом «Татьяшки».

У вас же на парах Татьяна Батьковна выдавала «кардебалет» о теории Маркса и трудах Ленина, заявляя:

– Таковую хорошую теорию Ленин испортил.

Но лучше всего у меня отложилась в памяти фраза, пущенная «Татьяшкой» в ответ на реплику кого-то из вас. Ты мне тогда ещё про это рассказывал:

– Вы думаете, что современные девушки сейчас все такие хорошие, культурные? Ничего подобного! При мне девушка в метро предлагала выпить алкоголь своему другу: «Будешь?», а он ей отвечал: «Ты знаешь, я не пью». Мальчик говорит девочке, что он не пьёт, а не наоборот!

К чему я всё это наговорил? К тому, что про тебя есть что рассказать – не отнекивайся!

2. Горький? – Лермонтов!

Вот, кстати, ещё одна история про тебя. Сейчас я её всем расскажу! Точно краснеть будешь!

Вечер. Пятница. Переполненный вагон метро. Ты едешь в торговый центр, в один из тех, которые своей щедрой рукой разбросал по Москве её нынешний владелец. Едешь, как сейчас выражаются, «за шмотками». Стоишь, держась рукой за поручень, закреплённый под потолком вагона – рост позволяет. Девушка, что едет с тобой туда же, держится за вертикальную стойку. Спутница твоя явно не в себе:

– Ты можешь купить себе нормальные джинсы?!

– Мне нравятся мои штаны, – пытаешься объяснить ты.

– Я тебе уже сто раз говорила – они вышли из моды, их нельзя носить!

Купи себе джинсы, зауженные книзу!

– Ты не можешь понять? Мне нравятся прямые...

– Мне плевать, что нравится тебе! Я говорю, как тебе надо одеться!

Рядом стоят другие пассажиры и с интересом прислушиваются. Кто-то поворачивает голову в сторону бушующего скандала. Народ у нас любопытный, любит истории поострее, с перчинкой.

– Брату ты своему не хочешь сказать, как ему надо одеться?

– Что?! Брат мой, в отличие от тебя, одевается нормально! – парирует девушка, и затем, чуть помолчав, добавляет, – Он у меня сам спрашивает, как ему лучше одеться. Правда, когда ему не нравится то, что я предлагаю из шмоток, он говорит: «Нет, меня друзья не поймут»...

– Меня тоже друзья не поймут...

Вот, дурачок! Конечно, такой ход не сработает! А ты на что надеялся?

– Мне плевать на твоих друзей! У моего брата друзья нормальные, а твои друзья – идиоты!

Поезд останавливается на очередной станции московской подземки. Происходит частичная замена зрителей в зрительном зале, в который самостоятельно переоборудовался вагон метро. Люди, недосмотрев спектакль до конца, выходят. Их места занимают новые. Антракт закончен, двери закрываются, поезд поехал дальше.

– Не раздражай меня! Сними эти штаны!

– Ты не понимаешь? Они мне нравятся. Я считаю их лучшими штанами, что есть у меня в шкафу, – продолжаешь ты бойко возражать.

– Из того говна, что есть у тебя в шкафу, ты хотел сказать? – ехидно перебивает она тебя, и реплика её звучит далее – Бесполезно с тобой говорить! Ты глупый, упёртый баран. Я тебе говорю: эти штаны вышли из моды!

– Из какой моды? Мне они нравятся, я буду их носить.

Она машет на тебя рукой, отворачивается. Затем, спустя не столь

продолжительное время вновь поворачивает и поучительно произносит:

- Рождённый ползать летать не может.
- Причём здесь Горький? – удивлённо округляешь ты глаза.
- Какой Горький?
- Тот, что это написал. Алексей Пешков.
- Горький?! Ты совсем тупой?! Это Лермонтов написал!

3. Не куришь?!

А вот история совсем юных лет. Ты только что перешёл в третий класс общеобразовательной школы. До лица четыре класса предстоит пройти.

Осень. Внутренний двор одной из улиц Милицейского посёлка. Пространство двора лежит меж стоящими каре трёхэтажными домами. Красный, уставший от эксплуатации, кирпич их стен дополняет золочёный пейзаж листвы, раскинувшейся яркой картиной увядших красок природы вокруг.

По двору бегают два мальчика – один из них ты. За вами с деревянной скамейки, что примостилась здесь же, наблюдает ваша одноклассница. Её зовут Алиса. Семья у Алисы, как принято говорить, не благополучная, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Пока Алиса наблюдает за вами, ты и твой товарищ подбегаете к кусту акации, отламываете от него по маленькой веточке и засовываете каждый себе в рот, на манер заядлых курильщиков, что вытащили папиросы из пачки «посмолить».

– Теперь давай прикуривать! – говорит тебе твой приятель.

«Чирк-чирк!» – издаёте вы ртами звуки, будто бы кремь высекает искру и возгорается пламя воображаемых зажигалок.

– Мальчики, хотите настоящие сигареты вам дам? – предлагает Алиса, продолжая наблюдать за вашей игрой.

– Нет. Зачем? – поворачиваешь ты голову к девочке.

– Покурить, – искренне отвечает она.

– Мы не курим, – поясняет ей твой товарищ.

– Курить – здоровью вредить! – поддакиваешь ему ты.

Алиса непонимающе смотрит то на твоего приятеля, то на тебя.

– Ты не куришь?! – обращается теперь девочка исключительно к тебе.

– Нет.

– Ну, ты и дурак!

Москва

май 2020 год.

ДМИТРИЙ РОДИОНОВ

Дмитрий Викторович Родионов родился в 1992 году в Оренбурге. После школы закончил Оренбургский Учетно-финансовый техникум. Затем служил в армии (войска ГРУ Особого назначения). Закончил Оренбургский государственный аграрный университет по специальности «экономика». Входит в творческий актив Оренбургского областного литобъединения им. Аксакова Оренбургского Дома литераторов. С 2022 года живёт и работает в Москве.

БАЛАГАНЧИК

Я очутился нынче мимоходом,
Спеша поесть, в буфете привокзальном,
Что переполнен самым разным сбродом -
Исповедальным, а порой скандальным.

Да, если сколотили состоянье,
Вы не пойдете в этот балаганчик,
Поверьте, не лишённый обаянья,
Где щедро вам плеснут сто грамм в стаканчик.

Бомжи здесь чебуреки уплетают,
И пассажирам подают пельмени.
А я, меню затёртое листая,
Жду свой салат с названием «Весенний».

Нда, если состоянье сколотили,
Вы в этот балаганчик не пойдете,
Где так небрежно жарится на гриле
Всё то, что вы сомнительным сочтёте.

Но здесь совсем не сплетни и не бредни,
Я поневоле исповеди слушал -
Так вдохновенно за столом соседним
Алкаш с похмелья изливает душу.

Да, если состоянье сколотили,
Вы не пойдёте в этот балаганчик,
Вы весь по моде и всегда на стиле,
Жизнь состоялась, и широк карманчик.

Нет, я иллюзий никаких не строю,
Ведь я далёк от умных наставлений...
...Осеннею ненастною порою
Я жду салат с названием «Весенний»

* * *

И я пошёл за нею без оглядки,
Врезаясь взглядом в будничную гладь,
Ведь ни к чему играть с любовью в прятки,
И о судьбе над кофием гадать.

Мы с ней порой играем в кошки-мышки:
Всё выясняем, кто из нас главней.
Но вновь судьба, как вертухай на вышке,
Меня сурово возвращает к ней.

Порою затеваем в прятки игры –
Она, смеясь, залезет под кровать,
А я от ямба убегу в верлибры,
Чтоб ей меня обратно возвращать.

Мы вдохновенно куролесим вволю,
Но милой музыки действия мудры...
Ну а при мне моя шальная доля
Идти за ней до гробовой поры.

* * *

Тигрицей белоснежной на земле
Зима лежит покорно бездыханна...
А я нарядный и навеселе
С подругою иду из ресторана.

Ах сколько разной чепухи-хи-хи,
Несу, хоть не влюблён, как ошалелый...
Вокруг витают женские духи,
И снег, как стих, искрится - белый-белый.

Заботы-треволнения позади...
Веду себя, как все мужчины в мире:
Когда ничто не ёкает в груди,
Всё просто, словно дважды два четыре.

Спокойны нервы, и не скалит пульс.
Зима у ног моих лежит тигрицей...
Я нынче никуда не тороплюсь.
Куда мне с нелюбимой торопиться?

* * *

Брось! Да как же это бросить?
И, в поэзию влюблённый,
Ухожу в большую просинь
Молодым кудрявым клёном.

Подскажи стишок крылатый,
Беззаботная кукушка,
Чтоб на сердце лёг заплатой...
Не кричи, шепни на ушко!

Продерёт тоска с лихвою
(Может, мне и нужно это?)
Расцелует ветер хвою,
Что лежит у ног поэта.

Промолчать сейчас негоже
Если вдруг родился новый -
Острый, словно нож из ножен,
Звонкий стих, на всё готовый,

* * *

Декламирую про звёзды
Гениальные стихи...
Лунный дым щекочет ноздри,
А - а - а - а - а - апчхи.

Драной кошкой проползает
Туча через Млечный путь,
И ревниво замечает
Жизни чувственную суть.

Обнял стройную берёзку
Юный клён, а в мыслях я
Рассуждаю, разве роскошь
Мне поцеловать тебя?

Как угодно, где угодно...
На запреты я чихал...
Раз живём: дерзну - не дрогну...
Не кричи, что я нахал!

Ведь и ты не понарошку,
Неприступностью дразня,
Словно мартовская кошка
Грустно смотришь на меня.

* * *

Летят слова - октябрьские листья.
Молчание красноречивей слов...
Издаю твои читаю мысли,
Ещё в любви признаться не готов.

Прости меня, такого шалопаю...
Ведь, как непредсказуемый поэт,
Я тем тебя порою удивляю,
Что выхожу за рамки, как проект.

Я знаю, что поверишь ты едва ли,
Насколько мои помыслы чисты...
Признайся тем не менее - не я ли
В жизнь воплощаю все твои мечты?

Ты обо мне с печальным женским вздохом,
Растратив вдохновенные слова,
Не думай хорошо, не думай плохо,
Ты по любому будешь неправ.

* * *

Луна, пленённая туманом,
Струит непобедимый свет,
Бесценные стихи задаром
Даны, хотя цены им нет.

Как так случилось, Боже правый,
Опять ни зги в моей судьбе?...
Я вновь стою на переправе -
Что переправить мне в себе?

Небес эпические своды,
Луна, как дева, в неглиже
И вдохновение свободы
Мне очень даже по душе.

Пускай летит привычно в спину
Словесный сор и прочий вздор,
Рубить сплеча свою судьбину
Я приучился с юных пор.

Изъеденные словно молью,
Сердца усталых россиян,
Я посыпаю жгучей солью,
Поскольку сам от боли пьян.

Ступай в туман луна-девица,
Не раззадоривай меня!
Но от судьбы не откеститься,
Порой судьбу до слёз кляня.

* * *

Я не люблю прощальных слов.
Прощаемся? Не стоит!
Но я всегда прощать готов
Условности устоев.
И, принимая неформат
Слов, что летят мне в спину,
С ухмылкой удаляю мат
Из личной писанины.

Ты называешь наугад
Своими именами
По очереди вещи в ряд,
Случившиеся с нами.

Но ведь ни сердцу, ни уму
Названий вероломство!
Да и прощанье ни к чему:
Умрем и вновь проснёмся.

* * *

Слёзы... Да что мне слёзы?
Я знаю, что не в первой
Шипы впиваются в розы,
И люди тому виной.

Но, чуждые всякой прозе,
Противники пересуд,
С шипами смирившись, розы,
Израненные, цветут.

Ложатся на бархат бальный,
Украшив его собой,
Пока ухажёр опальный
Наивно верит в любовь.

Излюбленное занятие –
Поставив судьбу на кон,
Смотреть, как на белом платье,
Кровавый цветёт бутон.

* * *

Дом напротив, белый снег
Укрывает крышу...
Мой любимый человек,
Я тебя не слышу.

Из трубы сбегает дым
И летит по свету...
Рядом тополь часовым
Встал у парапета.

Свет струится из окна,
На окне герани...
Ах, какая тишина
В мире утром ранним!

Слышу поступь января,
Ледяные звоны.
Слышу даже, как заря
Сходит в мир неоном.

Белоснежный оберег,
Укрывает крышу...
Мой любимый человек,
Лишь тебя не слышу.

* * *

Я на свободу первым же рейсом,
Рейса не будет? По шпалам, по рельсам!
Поезд уходит, пустеет перрон...
Где же он, самый последний вагон?

Грустно погаснет цыгарка в ночи,
Света не будет, кричи не кричи,
Стоят немалых душевных увечий
Злых пассажиров надменные речи

Что эти речи? Меня где-то ждут
Мама и тихий домашний уют,
Там, где в плену у полуденных скал
В вечность течёт полноводный Урал.

Знаю, что мне не ответит никто,
Если спрошу я, а жизнь - это что!?
Призрак победы? Пустая мечта?
Вместо свободы вокруг - суета.

* * *

Я привык стоять на своём - и точка,
Сторона позитива - моя сторона,
Не умею галантно дарить цветочки,
Только это совсем не моя вина.

О любви на земле столько песен спето,
Почему же опять говорят о ней -
И не только в сонетах своих - поэты,
Но ещё обыватели всех мастей.

Промолчать о любви я хотел, не буду,
Ни к чему скрывать, если ты влюблён!
Потому что любовь стережёт повсюду
Тех, кто верой в несбыточность окрылён.

Я люблю, этим сказано всё – и точка.
Я люблю, и причин для тревоги нет,
Я люблю, потому целую не в щёчку...
Я люблю и поэтому я - поэт.

* * *

Не глядя на авторитеты,
Сам о себе пою куплеты,
Метелью ледяной согретый,
Зимой вспоминаю лето.
Там, невзирая на промилли,
Мы горячительное пили.
А что деньгами мы сорили -
Да просто звон монет любили.

Я помню осень, что рыдала
Навзрыд, девчонкой у вокзала,
А яблоня в саду кивала
И зрелые плоды давала.

И до утра брели по шпалам
Мы от вокзала до вокзала.
Разлука нас подстерегала...
Ты этого тогда не знала...

* * *

Пиши мне, милая, пиши,
Ведь о любви молчать не надо.
Твой голос теплится в тиши
В противовес мирскому смраду.

Попроще будь, не надо фраз!..
Неспешно выходя из дома,
Подозреваю, в этот час
Твой голос обращён к другому.

Но я его за тыщу миль
Из тыщи голосов узнаю,
Прости мне мой суровый стиль
Писать о том, что не сгорает.

Я, как всегда наперекор,
Иду вразрез судьбе и судьям...
И, презирая форс-мажор,
Звоню тебе, и будь, что будет!

ТАРАКАНОВА ОЛЬГА СЕМЁНОВНА

Член Союза писателей России, автор семи книг стихов, песен, прозы, руководитель Межрегиональной ассоциации литературных объединений юга Красноярского края и республики Хакасия - «Сибирская лира». Родилась в 1957 г. в городе Минусинске Красноярского края. Окончила Красноярское краевое культурно-просветительное училище и Ленинградскую высшую профсоюзную школу культуры.

Работала в учреждениях культуры; в Красноярском краевом колледже культуры и искусства, где в 2001 г. создала студенческий поэтический клуб «Рифма», руководила им до 2012 года; в Минусинском филиале краевой школы дистанционного образования с 2012 по 2018 г. преподавала предмет «Мастерская стиха» детям с ограниченными физическими возможностями. Произведения публиковались в коллективных сборниках и периодических изданиях Красноярского края, республик Тыва, Хакасия, Крым.

ИМЯ РОДИНЫ

Имя Родины звучит красиво,
Величаво, искренне, душевно,
Мощно и светло одновременно.
Имя Родины моей – Россия.

В нём слились на веки воедино
Сила духа и любовь народа,
Вера, миролюбие, свобода.
Имя это свято, нерушимо.

Вслушайтесь, оно проникновенно,
Словно песня птицы в небе синем.
Добрая, великая Россия,
Будь же ты всегда благословенна.

В имени твоём такая сила,
Щедрость на отзывчивость, участие.
Васей душой тебе желаю счастья,
Родина моя, моя Россия.

* * *

*И «Катюшу», и Синий платочек»,
И «В землянке» я в песню свою
Записала везде между строчек,
Чтоб тебя защищали в бою.*

Я думала, - война не рядом.
Призыв не разлучил с тобой,
а ты сказал: «Родная, надо!»,
пополнив добровольцев строй.

И сразу залпы загремели
здесь, над моею головой,
и потянулись дни, недели
с тобой в разлуке, мой родной.

Но постепенно осознание
пришло: «Да, надо, дорогой!»,
народ в годину испытаний
всегда был со своей страной.

Как бабушка моя когда-то,
столкнулась я с такой судьбой, -
стать тылом и женой солдата,
быть рядом каждый миг душой.

Все о тебе мои молитвы,
ты, мой любимый, - мой герой.
Жду, верю, после трудной битвы
с Победой ты придёшь домой.

Твоим друзьям, сынам Отчизны,
плечом к плечу идёшь с кем в бой
за Родину, во имя жизни,
от всех в тылу - поклон земной.

СВЕТЛОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Создание, рожденье, созидание...
Светлей и радостней что может быть?
Всевышний занимался мирозданием
и создал Землю, заветая возводить
землянам миллиарды поселений,
чтоб крепили жизнь, любовь из века в век,

чтоб завещал грядущим поколениям
мир, созидање на планете человек.

Но дьявол, не имея перспективы
главенствовать, мир Божий невзлюбил.
Коварством, Слово Божье на призывы –
уничтожать и рушить, подменил.
Кто слушал дьявола, стал мыслить по-иному.
и символ Солнца чёрной свастикой стал вдруг.
Безумство смерть несло всему живому,
в пустыню превращая всё вокруг.

Казалось, гаснет свет, и нет той силы,
перед которой дрогнет страшный враг.
Но там, где в душах Бог с Любовью были,
не поселился сатанинский мрак.
Из уст в уста передавалось Божье Слово,
ручьи стекались в реки и моря.
Жизнь победила смерть, и в мире снова
взошла, как прежде, светлая заря.

А дьявол где-то копит злость в изгнании.
Земляне, чтобы свет не загасить,
храните в душах Божье завещание –
в любви и в мире во Вселенной жить.

ВОТ И СНОВА В ПИТЕРЕ ВЕСНА

Вот и снова в Питере весна,
На Литейном, в Летнем, в Петергофе...
Говорят, что у Неё был гордый профиль,
Что была величия полна.

Это факт. Но кто проникнет в душу?
Что четыре слышали стены,
Мы, наверно, слышать не должны,
Только и великих слёзы душат.

Говорят, читать спокойно надо
Философский и глубинный стих.
Это так. Но только для иных
Там есть страсть и тайная бравада.

Примири*т* всех пятое число.
Календарь переверну. Уже светает.
Образ Анны словно воскресает.
Город морщит мудрое чело.

Узнаёт Её с горбинкой профиль,
Но уходит по Неве Она...
С добрым утром, Питер и страна!
С добрым. Что же стынет в чашке кофе?

СЛОВО-ОБРАЗ

Так повелось, теперь никто не знает,
Кем и когда, в какие времена, -
Из пепла слово-образ возрождает
Тебя, моя земля, моя страна.

Когда хазары жгли твои селения,
Когда Мамай всё на пути крушил,
Сквозь гарь и слёзы слушала ты пение, -
Мечту, надежду поэтической души.

Слепой гуслир пел, словом создавая
Прекрасный образ через годы и века,
И потому страна моя такая
Сейчас: сильна, красива, велика.

Когда качнулся мир благословенный,
«Вставай страна огромная» пел хор
И поднимал народ на бой священный,
И яростный был дан врагу отпор.

Язык – богатство главное народа,
Всевышним дан земле моей, как щит.
От недругов, от бед любого рода
Надёжно слово-образ защитит.

Так наравне с защитником цените
Тех, кто строкой Отчизны образ создаёт.
Поэт, писатель – языка хранитель,
Борец за русский мир, за свой народ.

НА АНГАРЕ

(песня)

Над Ангарской волной бирюзовой
Плыл, за сосны цепляясь, закат.
Повстречалась девчонка с любовью,
Это было лет двадцать назад.

Припев:

В Ангаре тайга отражается,
Вот я снова у кромки стою,
Красотой реки восхищаюсь я
И с волной эту песню пою.

У неё уже сын, как тот парень.
Много в речке воды утекло!
Но ведёт к Ангаре её память,
А на сердце легко и светло.

Припев:

В Ангаре тайга отражается,
Вот я снова у кромки стою,
Красотой реки восхищаюсь я
И с волной эту песню пою.

Пахнет воздух смолою и всюду
Богучанской тайги малахит.
"Я тебя никогда не забуду"-
Серебристое эхо звучит.

Припев:

В Ангаре тайга отражается,
Вот я снова у кромки стою,
Красотой реки восхищаюсь я
И с волной эту песню пою.

Бродит юность знакомой тропинкой,
Возвращаясь домой поутру,
Где в тумане, как в розовой дымке,
Приангарье встречает зарю.

Припев:

В Ангаре тайга отражается,
Вот я снова у кромки стою,
Красотой реки восхищаюсь я
И с волной эту песню пою.

В ХАКАССКОЙ СТЕПИ

Не одно столетье проплывает солнце
Над хакасской степью между острых скал.
И над чем-то злобно до сих пор смеётся
«Ведьминой» пещеры каменный оскал.

Как седые волны в бесконечном море,
Средь песка и камня всюду ковыли.
И трава степная перекасти-поле,
Вырванная ветром, мечется в пыли.

Из скалы-орлицы, вырывая перья,
Ветер - злой бродяга вечность не щадит.
Здесь шаман сердитый, следуя поверью,
Бьёт истошно в бубен, пляшет и вопит.

Древнее надгробье набок наклонилось,
Чьих-то глаз раскосых вспоминая взгляд.
И у камня стоя, я перекрестилась,
Усмиренье духов - ведь не мой обряд.

Всюду эти камни, каждый, как учебник,
Степь их содержание открывает мне.
Ветер тут хозяин - вековой кочевник,
Без седла на резвом мчится скакуне.

ОРУДЖЕВА ТЕРАНЕ

Москва

Теране Оруджева (в замужестве Керимова) родилась в 1967 году в лезгинском селении Пирал Кусарского района Азербайджанской ССР. Мать ее была учительницей, отец столярничал и плотничал. С детских лет Теране говорила на родном для нее лезгинском языке; со школьных лет писала стихи, сначала на зербайджанском языке, затем на русском. Сейчас пишет на лезгинском. Получив после окончания школы медицинское образование, всю жизнь работала по специальности; выйдя замуж, переехала в Москву, где живет и сейчас. Стихи Теране Оруджевой печатались в журнале «Дагестан», литературных сетевых журналах «Парус» и «Литerra», газетах «Литературная Россия», «Кусар», «Самур», «Лезги газет», в дагестанских альманахах «Лезги булаха» и «Илгъамдин булахар», на различных интернет-ресурсах. В 2021 году в московском издательстве «Грифон» в переводах Евгения Чеканова вышла в свет ее первая поэтическая книга «Не грусти, сердце».

(Перевод с лезгинского Евгения Чеканова)

ОРЛИНАЯ ГОРДОСТЬ

Махая в небе величавыми крылами,
Снижаясь медленно над вечными горами,
Весь озаряемый слепящими лучами,
Сверкая перьями сквозь солнца ореол,
Садится тихо на гнездо свое орел.

И звонкий клекот, горы наполняя,
О скалы бьется, эхом возвращая
Известье неба о владыке края...
Птенцов собирая за вечерний стол,
Садится тихо на гнездо свое орел.

О, гордый вид!.. О, царственная птица!
Владыка неба на гнездо свое садится!

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ УЗОР

Меж суровых скал и крутых хребтов
Мне цветы Шагдага ласкали взор.
Не спала всю ночь я: из тех цветов
Я ткала любимому свой ковер.

Били солнца лучики из-за туч,
Возвращая в душу мне свет добра.
И брала я трепетно каждый луч
И вплетала нежно в узор ковра.

И остался только один цветок
Увядать от слёз моих много лет...
Неужели может один лишь Бог
Эдельвейс любви уберечь от бед?

Или нам поможет романтик гор,
Молодой орел, что летит в простор?
Сбереги цветок! Дай доткать ковер!
Дай закончить ласковый мой узор!

ЭТО ЛЬ СУДЬБА ТВОЯ?

Поэтессой будь я, моей рукой
Лишь твой взор водил бы – лишь тот поток,
Что меня уносит... Никто б другой
Оторвать меня от пера не смог.

Сердце грустное, это ль судьба твоя?
Кто тропу печали связал с тобой?
По следам тоскливым бродила я –
Там немолчный стон, там одна лишь боль.

Море горьких слёз, мрак душевных туч
Ты загнал вовнутрь – и стеной скорбей
От меня сокрыл... О, не мучь, не мучь
Ты улыбкой солнечною своей!

Ведь прекрасен мир – и, ему под стать,
Пусть познает радость судьба твоя.
Пока я дышу, будешь ты дышать,
Ведь вторым дыханием стану я!

МЫСЛИ

Снова мысли набегут,
Нарушая мой уют.
Налетают, вдаль несут,
Спать спокойно не дают.

Я всё тайное люблю
(Тайна мира – покажись!).
Но опять я боль терплю:
Соль на раны сыплет мысль.

И сжимается опять
Сердце бедное мое,
Начиная вспоминать
Всё мое жите-бытье.

То к могилам дорогим
Меня тихо понесло,
То к любимым и родным,
То в родимое село...

ОСЕНЬ

Бродяга-осень, ты всё ближе бродишь,
Твой дождь холодный за душу хватает.
Окно закрыто, но легко тыходишь
И остаешься... Кто ж твой нрав не знает!

Зачем мне снег по прядям рассыпаешь?
Зачем лицо годами иссекаешь?
Зачем весну и лето прогоняешь
И радугу из жизни убираешь?

И всё ж тебя прекрасной называю,
Когда в твоих лесах весь день гуляю,
Когда твой воздух в грудь свою вбираю
И душу тишиною наполняю.

О, жизнь и осень! Как же вы похожи!
Хотя мы не становимся моложе,
Пусть год идет за годом... Всё дороже
Нам каждый шаг... Смиренья дай нам, Боже!

СЧАСТЬЕ

Ты мой горный кряж, а я – водопад.
По тебе я льюсь сто веков подряд.
И ручей волос, и текучий взгляд
Лишь тебе нужны, лишь тебя хотят.

На двоих одно сердце стучит в висках.
Тут гнездо любви, что живет в веках.
Только тут я танцую под песни птах,
Только тут замираю в твоих руках.

Только тут луна нам пронзает мглу
И возносит солнце хвалу теплу.
Тут зимой мы плачем в своем углу
И слезами точим свою скалу.

Ты мой горный кряж, а я – водопад,
По тебе я льюсь сто веков подряд.
О, не зря трепещет душа моя:
Что такое счастье, узнала я!

БОЛЬ РАЗЛУКИ

Бессонна ночь... Когда ж она пройдет?
То холодом, то жаром обдает,
То мрак в моем окне, то горсть огней...
Мне тошно с ней вдвоем, мне страшно с ней.

Бьет дождь по крыше сквозь наплыв тоски,
Мне душу разбивая на куски.
Сама земля возносит стон живой
На небеса... Иль то волчицы вой?

Кричит сова – и сердце рвет мое.
Ах, отчего так тошен крик ее?
Глаз не сомкнуть. Тревога, боль и страх
Растут во мне, как тесто на дрожжах.

Вот луч рассвета замерцал уже.
Но отчего покоя нет в душе?
Ночные звуки смолкли в стороне,
Но боль разлуки нестерпима мне.

СКОРЕЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ, МОЙ ЛЮБИМЫЙ

Дою я с песней нашу белую корову,
Кувшин уж полон – и пора к родному крову,
Но льнет душа моя к таинственному зову
И мысли мечутся в тревоге нестерпимой...
Скорее возвращайся, мой любимый.

Вечерним млеком мы насытимся безгрешно,
Дела-заботы обсуждая безмятежно,
Детей обнимем перед сном, целуя нежно...
Как лист на ветке, я дрожу в тоске незримой.
Скорее возвращайся, мой любимый.

На небо лесенка ведет. Ее перила
Цветами радости я тайно обложила
И лишь одно у неба тихо попросила:
Чтоб ты был рядом... Как мне жить, неутолимой?
Скорее возвращайся, мой любимый.

Сорвем покровы с наших душ во мгле счастливой,
Из чистых чувств слагая песнь любви нелживой,
И разожжем огонь под кровлею стыдливой...
Луна и звезды светят в бездне негасимой,
Скорее возвращайся, мой любимый.

СЛЕДЫ СУДЬБЫ

Веселые слова на ум нейдут,
Порадоваться сердцу не дают.
Я улыбнусь – но скорби захлестнут
И слезы на бумагу потекут.

Да сгинет грусть!.. Пусть искорки блеснут
И превратятся в праздничный салют.
Пусть холода угрюмые уйдут,
Пусть волны чувств до неба достают!

Уйду душою в детство, в тот уют,
Где волны счастья сквозь пургу бегут.
Врата надежды сквозь печаль ведут,
Следы судьбы темнеют там и тут...

ПРОДОЛЖАЙ СВЕТИТЬ

Лежала как в могиле я, дрожа.
Не только тело мерзло – вся душа.
И мой сосед по смертному житию
Заметил через щели дрожь мою.

Он тихо постучался в душу мне
И произнес в могильной тишине:

«Очнись, не спи во мраке бытия,
В сырой земле умрет душа твоя.

Дай руку мне, иди со мной из мглы
К вершинам гор, где селятся орлы...»
Я вся тряслась. Но, справившись с собой,
Пошла за ним с поникшей головой.

Мы вышли в мир, где пламень бушевал,
Где каждый падал – и опять вставал.
Я шла вперед, на свет его очей,
На сладкий звук живительных речей.

И вдруг разжались руки!.. Страшный крик
В огне возник – и разлучил нас вмиг.
Тот, кто увел из сырости меня,
Оставил на распутье, средь огня.

Пускай огонь справляет торжество!
Пусть лижут небо языки его!
О, свет очей! Оставь стенанья мне
И продолжай светить! Свети в огне!

РЕШИТЕ ЧТО-НИБУДЬ!

Меж братьев лёжа, белый плат трепещет.
Полны тревогой нити бахромы,
Узоры меркнут в горечи зловещей...
Ужель теперь врагами станем мы?

Смотря на спор между отцом и сыном,
Как струны, режет сердце бахрома.
Она давно спеклась в огне кручинном
В шипы кордонов, где таится тьма.

Шумит Самур. Ему опять не спится,
Таких обид ему не позабыть.
Я знаю: он рыдает и ярится
И требует всё это прекратить.

Бросаю белый плат под гром сердец:
Хоть что-нибудь решите наконец!

ОПЛОТ НАШЕЙ ДУШИ

Наш родной язык в наше сердце влит.
Пусть по жилам он вместе с кровью мчит!
Это предков дар, это звон клинков,
Это тайный клад золотых веков!

Как зеницу ока, его беречь,
И от всех врагов, словно стяг, стеречь
И лелеять, как материнский взгляд...
Сколько сил и страсти слова таят!

Перекрестье звуков, мотивов стык...
«Цай», «целхем», «цайлапан» – как лучист язык!
Тут и жесткость есть, и кокетство есть.
«Чаг», «чаган», «пип», «пини» – кто так скажет здесь?

Вдаль текут года, седину неся.
Постигая мир, я мрачнею вся
И ценю всё больше оплот корней...
Чем суровой путь, тем своё родней!

На две части нас разделила жизнь.
Как мечтаю я, чтоб сердца слились!
Дорог двум ветвям их единый ствол.
Пожелаем, чтоб этот час пришел!

ОТКРОЙ ВСЕ ТАЙНЫ

Опять кукушка с яблони моей
Шумит на всю округу среди ветвей.
На ветку с ветки прыгает она –
И вновь душа сомнением полна.
То ближе подлетит и мне моргнет,
То на макушку дерева вспорхнет...
Не мучай, не вгоняй меня в тоску,
Скажи мне: что таят твои «ку-ку»?
Остаток лет пророчат мне они?
Иль это остающиеся дни?
А может, это светлый счет числа
Подарков, что судьба мне припасла?
О, не молчи, кукушка, в стороне,
Молю тебя: открой все тайны мне!

НАШ ПИРАЛ

Взгляни сюда: здесь тихая река
Несет нам жемчуг струй издалека.
Чиста вода Пичхала и легка...
Всё это – наш Пирал, моя отчизна!

А там – крутой подъем. Он весь в цветах.
Там нежность лепестков и песни птах.
Взойди на холм, взгляни на ширь в полях:
Всё это – наш Пирал, моя отчизна!

Просторы пастбищ, бляянье ягнят
И зелень троп, где камни детства спят,
Отцов и матерей незримый взгляд...
Всё это – наш Пирал, моя отчизна!

Поодаль – горы, что душе милы,
Садов роскошных кроны и стволы,
И скалы те, где селятся орлы, –
Всё это наш Пирал, моя отчизна!

О, земляки!.. И все кто ни на есть!
Да сохраним всё то, что нам не счесть:
Язык родной, и дом родной, и честь –
Всё это наш Пирал, моя отчизна!

ПОСЛЕПОЛУДЕННОЕ СОЛНЦЕ

К подолу платья птицы льнут в селе
И легкий ветер ластится в тепле.
Стоит девчушка на крутой скале:
Рука на лбу – а взор в туманной мгле.

Порыв весенний пряди шевелит.
В счастливый сон душа ее летит.
Бакинского бульвара светлый вид
Про первое свиданье говорит.

Чисты, как небо, помыслы Айны
И давней клятве, как скала, верны.
Бездонны чувства будущей жены.
Но стерпят ли разлуку ее сны?

Жених задумчив, думая о ней.
Он опален огнем чужих очей.
Вдруг свет послеполуденных лучей
Сожжет его дотла на склоне дней?

Но видит мать: такая не сожжет,
Печаль в его судьбу не принесет!

БОЮСЬ

Боюсь того, что встану я однажды
Без мыслей о тебе... Войдя без платья,
На цыпочках, томима сладкой жаждой,
Твои глаза спешу поцеловать я.

Боюсь словцом иль фразою неточной
Поранить тебе сердце... Их минуя,
Чтоб светлый день не стал тоской полночной,
Одни лишь песни целый день пою я.

Боюсь того, что складки на постели
Тебя расстроят... Как же счастье зыбко!
Подушку поправляю... Неужели
Ты рядом? Да! – звенит моя улыбка.

Боюсь пурги и вьюг, что студят чувство.
Гоню их прочь, обвив тебя собою,
Как теплый ветер... Смерти не боюсь я,
Боюсь расстаться вдруг с твоей судьбою.

ВЕСНА ВОСПЛАМЕНЯЕТ

Ветерок вверху порхает,
Снизу персик расцветает.
Соловей дружка гоняет,
Наземь алый цвет сыпает...
Ах, весна воспламеняет!

Как невеста, в дымке вешней
В уголке стоит черешня.
А пчела, в заботе грешной,
Всё нектар свой добывает...
Ах, весна воспламеняет!

А ветвей конфетных кущи,
Безусловно, райских гуще.
Мармелад дикорастущий
Всех терпения лишает...
Ах, весна воспламеняет!

Всё цветет: айва и слива,
Груша, яблоня... Стыдливо
Прячут лица, всем на диво,
Их бутоны. Сад вздыхает.
Ах, весна воспламеняет!

И народ уже сбежался,
Делать помочи собрался,
Вот уже напев раздался,
Что в сердцах восторг рождает...
Ах, весна воспламеняет!

КАК СЛАВНО БЫЛО Б...

Как славно было б, стань я вольной птицей...
В краю небес я стала б жить – и даже
У коршуна в когтях не стала биться.
Ведь мир чудесен, а весна всё краше.
Как славно было б, стань я вольной птицей...
Домой, на скрип родимой колыбели
Метнулась бы... Душе не утомиться –
Хоть на коленях, а дошла б до цели.
Как славно было б, стань я вольной птицей!
Ток слез моих, внимающих народу,
В студёный лёд не смог бы превратиться,
А согревал Реки Срединной воду...

БЕЗ ВЫХОДА

Отчего ты, сердце, горько плачешь,
В грудь стучишь и непрестанно скачешь,
Крупорушкой грубой рвешь мне душу?
Хочешь, чтобы кровь пошла наружу?
Сердце говорит: - А ты не знаешь?
Ты ж меня в страданье погружаешь,
Стенки мои мажешь кровью алой,
Мучаешь любовью запоздалой.

Легкие, вы мне дыханье рвете,
Воздуха глотнуть мне не даете!
Грудь мою не режьте, не пытайте!
Дайте мне вздохнуть, покоя дайте!

Легкие с натугою вздыхают.
- В том вина не наша, – отвечают, –
В нас любовь весною поселилась,
В каждой половинке угнездилась.

Кости мои, что же вы болите?
Иль со мною вместе вы скорбите?
Скоро ль я страдания отрину?
Что за боль? Скажите мне причину!

Кости говорят: - Нас не вини ты,
Сами мы разлуками разбиты.
Как ее лечить, никто не знает, –
Ту болезнь, что в кости проникает...

БЕЗ ТЕБЯ

Не ты ли – тот лучик, что светом очей
И радостью вечной стал в жизни моей?
Стал тихой улыбкой... О, стану я с ней
Чудесным цветком на горе твоих дней!

Не ты ли – весенняя ночка моя,
Луной озарившая наши края?
Стань небом судьбы для меня! Ну а я,
Как дождик, прольюсь на цветы бытия!

Коль нет тебя рядом – везде темнота,
Сжимается сердце, в душе пустота.
Знай, нету преграды для чувств Теране.
Пуст мир без тебя – и не нужен он мне!

СТАНЬ СНОВА МИЛЫМ

Скажи мне, кто синь волн твоих терзает?
Кипишь под небом, искрами сверкая...
Не для того ль твой вид меня пугает,
Чтоб восхищаться больше не могла я?
Скажи мне, кто в потемки погружает

Твой светлый взор, души твоей сиянье?
Кто гонит тучи, кто твой лоб сминает
Морщиной мрачной? Кто несет страданье?

Скажи мне, кто злой солью посыпает
Боль ран твоих? Сейчас похож на льва ты,
Который свои ссадины кусает...
Скажи, они ли в боли виноваты?

То снова добр, меня в себя влюбляя
И ласково баюкая в объятьях,
То вновь яришься, удержу не зная, —
И холод брызг не смею утирать я...

Утихни, утихни, верни свою синь!
Порадуй мне душу, стань милым моим!

МАМЕ

Когда гнетут печали, обступая,
О мама, как нужна ты мне!.. Тогда я
Опять твержу твое родное имя,
Опять делюсь печалью своими.

На твой подол залезла бы, как в детстве.
И, голову склонив тебе на сердце,
Расплакалась бы, глядя тебе в очи:
- Ах, мама, помоги несчастной дочке!

Когда сама я тоже мамой стала,
Когда свой сон однажды потеряла,
Родного чада слушая стенанья, —
Я вспомнила тебя, твои страданья.

Когда женила сына, лишь одной
Терзалась мыслью: нет тебя со мной.
Дочь замуж выдавая, в сладкий час
Всё думала: пришла бы ты сейчас...
Теперь стою, на холмик твой гляжу,
Любимые цветы твои держу
В своих руках... Ах, мама, пожалей!
Мне сердце не сдержать в груди своей!

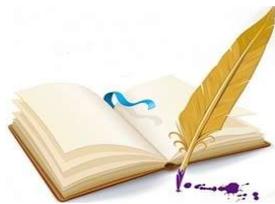
ВЕСЕННИЙ БУТОН

Как дорог мне пришедший к нам апрель –
Он солнца сноп рассыпал в колыбель.
А ветер, приутихший наконец,
Шепнул, что к нам летит любви птенец.

Я внучку в руки, как чонгур, взяла,
Прижала к сердцу, полному тепла.
Ах, чудное сокровище любви,
Взгляни в глаза мне, счастьем напои!

Теперь у колыбели – весь наш дом,
Все имя выбирают... Сладким сном
Окутана, я тоже там стою
И песню колыбельную пою.

Как дорог мне апрель, пришедший к нам
И пригрозивший тучам и ветрам.
В краю снегов, где горы и леса,
Подснежник нежный глянул в небеса...

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КРЫМА

Литературная жизнь Крыма обрела новые крылья!

Региональная общественная организация «Союз писателей Крыма» (сокращенно РОО «СПК») была создана 12 ноября 2017 года усилиями 11 человек: Килеса Вячеслав Владимирович (г. Симферополь), Рудковская Татьяна Николаевна (г. Ялта), Сеит-Османова Ленора Борисовна (г. Красноперекоск), ставших учредителями организации, и членами РОО «СПК» – Поляков Юрий Алексеевич (г. Симферополь), Лебедеенко Елена Александровна (г. Саки), Вальченко Людмила Юрьевна (г. Евпатория), Рыбка Василий Васильевич (г. Ялта), Милодан Ариолла Владимировна (пгт. Кореиз), Кулик-Куракова Людмила Петровна (г. Ялта), Конзалаева Алла Леонидовна (г. Ялта), Литовченко Ирина Александровна (г. Красноперекоск).

Было избрано правление в количестве пяти человек. Собравшиеся приняли Устав РОО «СПК», в феврале 2018 года прошедший вместе с другими документами регистрацию в государственных органах, после чего РОО «СПК» приобрела статус юридического лица. Официально утвержденную эмблему организации создал первый модератор нашего сайта Владислав Жихарев.

Принципы, заложенные в основу деятельности РОО «СПК» нравственные, заключающиеся не только в соблюдении православных Заповедей, но и в отношениях друг к другу и к окружающим. Мы не заключаем оборонительных и наступательных союзов и всегда готовы помочь коллегам. Всем писателям доступна публикация в издаваемом журнале «Белая скала» (ежеквартально) и газете «Литературный Крым» (ежемесячно).

Решением Общего собрания РОО «СПК» от 11 марта 2018 года были приняты Положения «О порядке приема в члены РОО «СПК» и исключения из числа ее членов», а также «О порядке и сроках уплаты вступительных и членских взносов», которые строго соблюдаются. Ежемесячно проводятся заседания правления, где обсуждаются все насущные вопросы, а два раза в год – Общее собрание членов РОО «СПК». Поддержка и обучение писательскому мастерству молодых литераторов Крыма. С этой целью РОО «СПК» организует ежегодную Творческую мастерскую молодых литераторов Крыма, где юным авторам передается опыт создания произведений.

В 2022 году мы получили Грант Президента Российской Федерации, направленный на повышение литературного мастерства юных писателей Крыма в возрасте от 8 до 28 лет.

Непрерывность перспективы. В завтрашнем дне должно быть нечто такое, чего нет в сегодняшнем. Этой цели служили поездки литературной бригады для выступлений в Красноперекоск, Ялту, Евпаторию, в

Севастополь на крейсер «Москва», летний литературный десант в составе Татьяны Рудковской, Людмилы Кулик-Кураковой и Натальи Ивановой в Сергиев Посад, Тверь, Александров, Москву, где поэтессы читали стихи, рассказывали про РОО «СПК» и познакомились с местными писателями. Эту задачу решает библиографический справочник «Союз писателей Крыма», а также зимний литературный десант (Ярославль – Сергиев Посад – Александров – Москва) с участием членов РОО «СПК» Татьяны Рудковской, Натальи Ивановой, Натальи Ковалевой, Леноры Сеит-Османовой, Веры Грибниковой, Дмитрия Кшукина, Татьяны Рудной и Надежды Кубенской.

Ежегодно нас приглашают участвовать во Всероссийском Некрасовском празднике поэзии в Карабихе, в российских фестивалях и конкурсах, интересно проходят видеомосты – (последний со Ставрополем – 18 марта 2023 года). Обязательность общения. Когда-то об этом хорошо написал Булат Окуджава: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Литературно-музыкальный салон «Первоисточник» (Симферополь), фестивали «Образ Крыма» (Москва – Крым) и «Седьмое небо» (пгт. Николаевка Симферопольского района), выступление с концертами в библиотеках, школах и других учреждениях сплачивают коллектив – делают его большой литературной семьей.

Из 85 членов РОО «СПК» основная часть проживает за пределами Крыма (в Уставе отсутствует территориальная привязка к Крыму), что дает возможность проводить публичные мероприятия в городах России. Публикации – завершающий этап в деятельности каждого писателя. Благодаря помощи наших коллег нам удастся публиковать свои произведения в журналах и литературных газетах – и не только в России.

Ежегодно мы издаем сборники, знакомя население с произведениями участников фестиваля «Седьмое небо» и Творческой мастерской молодых литераторов Крыма. Особая благодарность Вере Павловне Кириченко, который год подряд издающую литературную серию «Планета друзей».

Можно сделать вывод, что Союз писателей Крыма устойчив и интересен. Посещаемость нашего сайта pisatelcrimea.ru доходит до 80 человек в сутки, в электронном формате ежемесячно выходит газета «Литературный Крым» (главный редактор – Вячеслав Килеса), ежеквартально – журнал «Белая скала» (главный редактор – Марина Трусевич).

Члены РОО «Союз писателей Крыма» – удивительные и замечательные люди: в чем легко убедиться, прочитав их произведения.

Вячеслав Килеса, председатель РОО «СПК»

ВЯЧЕСЛАВ КИЛЕСА

Симферополь

Председатель РОО «Союз писателей Крым», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки. Гл. редактор газеты «Литературный Крым», зам. редактора литературно-художественного журнала «Белая скала». Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», «Юлька в стране Витасофии». Лауреат литературной премии НСПУ имени В. Короленко (2005 г.), премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература.

Работы для детей и юношества» (2009 г.).

НЕВИНОВНЫЕ

Чувства и мысли

СЫН

На этот раз я восторжествую. Я знаю, он считает меня слизняком, не способным на поступки. Что он думает теперь? Честное слово, мне наплевать. Потому что помню слезы своей матери, когда он ушел, помню тот день, когда одноклассники писали сочинение на тему "Мой отец", а я плакал, уткнувшись головой в парту, – семилетний мальчик из неполной семьи. "Это – твой враг!" – учила меня мать. И когда он привозил нам продукты, ремонтировал квартиру, давал деньги или делал подарки на праздники, она никогда не говорила "спасибо". "Он компенсирует свою вину" – объясняла мать. И я не испытывал благодарности за магнитофоны, велосипед и гитару, купленные мне в девятом классе, водительские права, появившиеся у меня через год, за школьную золотую медаль и поступление в университет. И когда мамина подруга Аня говорила, что ничего из приобретенного для меня нет у Валеры, моего сводного брата, я отвечал: "У него есть отец!" И пропускал мимо ушей Анины слова о том, что мамин характер не смог выдержать ни один из живших у нас после отца мужчин. Я догадывался, что мамина ненависть вызвана страстной любовью к отцу, которую пронесла она через свою короткую жизнь, и что на фоне отца остальные мужчины казались ей ничтожеством.

Отец... Говорили, что я на него похож. И я не заметил, как стал этим гордиться. Мне нравилось слышать, с каким уважением говорят об отце в городе, нравилась его легкая походка и обаятельная улыбка, нравилось поклонение, которым окружали его женщины. И когда после смерти матери я, бросивший университет недоучка, был устроен на фирму «Комета», где он работал коммерческим директором, я начал восхищаться

его интеллектом, выручавшим фирму из безнадежных хозяйственных положений.

Я был его сыном и жил в тени, отбрасываемой его именем. Я помнил об этом, когда меня не наказывали за ошибки в работе, когда один из немногих получал путевки в принадлежащий фирме Дом отдыха, когда, услышав мою фамилию, люди начинали улыбаться и спрашивать, как дела у отца.

Я знал, что он меня любит. В трудных ситуациях он появлялся рядом: улаживал, уговаривал, платил – и я получал освобождение от армии, новый паспорт взамен утерянного, древнюю, но еще бодрую машину «Москвич». При малейшей просьбе он вынимал кошелек и давал деньги – иногда последние. Я брал и помнил: “Это – твой враг!”

Особенно я завидовал его успеху у женщин: чем он их привлекал?! Лысеющий очкарик с проступающим животом, – как могла полюбить такого Клава, стройная, кареглазая красавица, работавшая главным бухгалтером фирмы «Селена»? Их роман, длившийся четыре года, изумлял огнем чувств: казалось, он способен растопить ледники.

А вот с женами ему не везло. Вначале моя мать – да, ее истеричный характер не выносил никто! – потом Галина, обаятельная самка, легко откликавшаяся на призыв любого, кто носит брюки. Дурак! Я слышал, как мать с насмешкой рассказывала Ане, что Галина изменяла моему отцу даже во время празднования его дня рождения, по очереди закрываясь с гостями мужского пола в ванной комнате. А он ничего не знал: или делал вид, что не знает. Аня говорила маме, что отца удерживает от развода мой сводный брат Валерка, заботам о котором отец посвящал все свободное время. Интересно, почему не удержал его от развода я?!

Клава теперь моя. Красивая сорокалетняя женщина, которой я владею. Помню его побледневшее лицо, когда он застал меня и Клаву в своей постели, и как, отвернувшись, он молча уходил из квартиры. В его фигуре было что-то жалкое, его руки, всегда такие сильные, тряслись, и я понял, что мой отец – почти старик, и почувствовал торжество. Молодость побеждает всегда! Только совесть... Ничего, это пройдет.

ОНА

Я увидела его на встрече руководящих работников наших фирм, услышала выступление и поразила мастерству изложения и логике аргументов. В нем была непонятная сила, то, что называют «харизма»; к таким людям нельзя относиться равнодушно, их можно или любить, или ненавидеть. Его заинтересованность мною поняла сразу, но первые месяцы отвечала «нет» на предложения о встрече: у меня хватало хлопот с бездельником мужем, считавшим своим рабочим местом кресло перед

телевизором, и семиклассницей дочкой, обожавшей папочку и разделявшей его мнение, что мама, занятая на трех работах, слишком редко бывает дома. А потом, в один весенний день, я поддалась Володиным ухаживаниям, и начался роман, который и романом назвать нельзя: это напоминало поток воды, хлынувшей из-под поднятых створок плотины! У меня, как у каждой женщины, много недостатков, в том числе - собачья преданность, и Володя постепенно стал для меня единственным в мире, опорой и надеждой.

Оставив Галине двухкомнатную квартиру, Володя нанял маленький домик в переулке Ломанный, ставший его жильем, а моим уголком счастья, и почти четыре года мы плыли в этой лодке сквозь перипетии быта к неясной, но прекрасной цели. Денег не хватало, – почти всю зарплату Володя отдавал Ольге и Галине, да и потребности моей Алены быстро выросли, и мы начали подрабатывать в свободное время, убедившись - когда нас несколько раз обманули при расчете, - что умеем работать, а не зарабатывать. Володя смеялся: «Нельзя одновременно иметь счастье и деньги», но для меня деньги значили многое, я расстраивалась и невольно обвиняла его, хотя и не высказывала вслух, понимая, что умение молчать для женщины важнее умения говорить. Володя жил слишком легко и из всех сослагаемых мира принимал всерьез только своих детей и мать, стареющую в уютном домике на окраине Джанкоя. Я располагалась у Володи на третьем месте: это подчеркивалось и подтверждалось действиями. Вначале это возмущало, потом стало безразличным. Володя так и не понял, что женщина может простить мужчине все, кроме невнимательности.

«Большая мечта». Я назвала ее так в детстве, когда в телевизионном «Клубе кинопутешествий» увидела фильм, посвященный Греции, – и появилось ощущение, что вижу свою настоящую родину. Достав самоучитель, познакомилась с языком, распространенном в древнем мире столь же обширно, как сейчас английский. Эллада: колыбель цивилизации! Я уговаривала Володю уехать туда, заработать денег на квартиру для нас и детей, но он хмурился и говорил, что уезжать надо было раньше, в статусе политических беженцев, а как рабочая сила славяне ценятся дешево, да и отношение к ним плевое. Глупый человек! Разве наши правители, бессовестно обманывающие и обворовывающие своих граждан, считают нас людьми?!

Володя был человеком решительным и жестким, а я обыкновенной женщиной, боящейся одиночества и всегда знающей, куда отступить в случае неудачи. Невзирая на Володиные просьбы, я ни разу не осталась ночевать в его квартире и в какое бы ни было позднее время, он провожал меня на троллейбус, останавливавшийся возле моего дома. Муж, даже если о чем-то догадывался, внимания на мое ежевечернее отсутствие не

обращал, зато дочь... Какие скандалы она мне закатывала, пока не привыкла – и эта привычка позже начала меня страшить.

Я знала, что когда-нибудь стану Володиной женой, – и вела себя соответственно. В гостях, на каких-то вечеринках и даже когда он шел в свою бывшую квартиру навещать сына – я была рядом: тень, обреченная следовать за хозяином. Галина, пытавшаяся вначале пофыркать, после жестких Володиных фраз начала принимать меня по-родственному: мы приносили деньги, на которые существовала не только Галина с Валеркой, но и, подозреваю, ее поклонники. Вот только больно было смотреть, как хмурится Володя, глядя на одетого в грязную одежду Валерку и на выстроившиеся на кухне штабеля пустых коньячных бутылок. Мое убеждение в том, что Володя балует детей и бывших жен, я не высказывала: пусть учится на своих ошибках. И когда на деньги, отложенные на покупку дубленки, он покупал зимнюю одежду для Валерки и Алеси, я только пожимала плечами и подшучивала над ним, когда он в осенней куртке бежал по морозу. Детям нужно давать не рыбу, а удочку, и учить ею пользоваться – только тогда перестаешь быть рабом их потребностей.

Тот день, когда Володя сказал, что возвращается в семью, к Валерке, я сидела, слушая его правильные слова о том, что он не может жить, зная, что рядом погибает его сын, и нужно защитить его от влияния гулящей и спивающейся матери. Смотрела на него и думала: какой нужно быть душой, чтобы поверить мужчине, и как права была подруга Люда, объяснявшая, что женщина должна быть как кошка: привязываться не к человеку, а к дому!

«Ты сбрасываешь меня, словно изношенную одежду?» – спросила, стараясь не расплакаться.

Он бормотал о том, что нужно подождать, когда подрастет Валерка, что я должна понять и простить. Что ж, я поняла, – но не простила!

А потом начались безумные дни, когда привыкала быть без него. Володя занял в моей жизни такое обширное место, что начала бояться, что не смогу переплыть возникшее море пустоты – и только наличие дочки спасло меня от самоубийства. Умереть иногда проще, чем жить.

Дочка и Греция. Я обратилась мыслями в далекую страну, позвавшую меня, как когда-то позвал из мира повседневности к сказочному острову бегущую по волнам Фрэзи Грант. Заняв денег, я вместе с работавшей ранее в Греции Верой Милютиной отправилась по нелегальному маршруту на красном двухэтажном автобусе в «обетованную землю». И поняла, что подразумевал Данте, описывая круги ада.

ОТЕЦ

Из детского садика его забирали в определенный час и я, откладывая дела, торопился к «своему углу» возле пятиэтажки и смотрел, как Ольга или ее мать ведут домой Алешу, моего первенца. Иногда он что-то рассказывал, смешно размахивая ручонками, иногда шел насупясь, чем-то недовольный, и я расстраивался и жалел, что не могу оказаться рядом и помочь, потому что все попытки встреч с сыном пресекались Ольгой злобными скандалами, свидетелями и жертвами которых оказывались не только заведующая детсадом, а позже и директор школы, и окружающие. Работа инспектором района позволяла моей бывшей жене отгородить меня от сына непроницаемым кольцом, и разрешение на свидания с сыном, выданное горисполкомом, так и осталось неиспользованным.

Моя вина... Ее груз давил на меня, увеличиваясь с каждым прожитым днем. Два мальчика, растущие без отца. Две женщины, поверившие мне настолько, что родили от меня детей, и еще одна, пошедшая за мной, как за светом вечерней звезды и потом решившая, что спешила на болотный огонек...

День развода с Ольгой – самый счастливый день в моей жизни. Наша семейная жизнь напоминала пыточный застенок, где Ольга играла роль палача, допрашивая меня, почему я улыбнулся этой женщине и о чем разговаривал с той. Она была уверена, что брачное свидетельство передало меня в полную ее собственность и только ей должно быть адресовано мое круглосуточное внимание. И если первые месяцы после свадьбы я еще старался потакать Ольгиным прихотям, то потом, оказавшись без друзей и прав на личную тайну, понял, что нужно или бежать, или вязать петлю на веревке. Любовь, перехлестывающая через край, как шампанское, оставляет в итоге пустоту.

Галина... Я женился на ней в минуту безысходности и тоски, когда все одинаково безразлично и жизнь ничем не отличается от смерти. Тогда показалось, что ласки красивой женщины способны вывести из тупика, и какое-то время так и было, пока не выяснилось, что вместо одного уровня инферно перешел на новый. Непосредственная и любвеобильная, Галина относилась к мужчинам как к лакомствам, которые необходимо перепробовать, а семейная жизнь была для нее чем-то вроде детской игры в куклы: не получилось – начнем с начала или попробуем иначе! Ребенок, поселившийся в тридцатилетнем теле и не понимающий, чем недовольны взрослые.

Выходящее за рамки обычного кажется людям уродством и я не удивлялся, слушая гневные филиппики знакомых в адрес моих супругов, стараясь такие разговоры не поддерживать. Я понимал, как беззащитны перед обстоятельствами живущие на экстриме, и когда однажды ночью

мне позвонили из милиции и сообщили, что найдено тело убитой Ольги, я вместе с ужасом почувствовал, что ждал подобного известия. Кто, кроме Ольги мог решиться возвращаться домой после занятий в вечерней школе, где Ольга подрабатывала, не маршрутным такси, а пешком глухими переулками?!

Похороны Ольги, старающийся не плакать девятнадцатилетний Алеша, бросающая, словно камни, ненавидящие взгляды Вера Сергеевна, Ольгина мать... Слава Богу, у Веры Сергеевны хватило ума не только поселиться вместе с Алешей, чтобы готовить ему еду и обстирывать, но и не противиться моей заботе о сыне.

Моя вина... Возможно, если бы я давал Ольге больше денег, она не занялась подработкой и осталась жива?! Мысль об этом мучила и угнетала: казалось, я должен что-то сделать, хотя бы для спивающейся Галины, этой глупой и разбалованной девочки, стремящейся закрыться алкоголем и вниманием кавалеров от жестоких реалий мира. «Ты понимаешь, что я гибну? – твердила она. – Ты должен вернуться, иначе я и Валерка будем на твоей совести». Как это легко: отдать свою судьбу мне, осыпая за это упреками! Развалиться на руках моих действий, заставляя нести себя по чуждой мне дороге. Но Валерка...

Клава – моя любовь, моя половина. Я благодарил судьбу за то, что встретил похожую на меня женщину: думающую и понимающую. «Подожди, пока подрастет Валерка» - просил я. Три-четыре года – неужели это так много, когда впереди целая жизнь? Ведь ждали когда-то тех, кто ушел на войну.

Когда Клава начала меня избегать, решил, что это – оскорбленное самолюбие, особенно когда узнал о Греции. Она едет туда, чтобы заработать на квартиру себе и дочке – что может быть безумнее?! «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах» – говорил я Клаве, слыша в ответ: «Повтори эту фразу себе». Спорить с женщиной – все равно, что общаться с зеркалом: твои аргументы, отразившись, ударят по тебе же.

Я был уверен в Клаве, как в самом себе. Наивный человек, возомнивший, что нарисованное изображение не отличается от настоящего, и теперь усмиряющий боль словами Сенеки: «Лучшее средство от обиды - прощение».

МЫСЛИ И ЧУВСТВА.

СЫН

Мама, мамочка, как тебя не хватает! Иногда снится, как умираешь ты под ударами ног и кулаков хмельных от водки и безнаказанности подростков, как кричишь, стараясь убежать, а тебя снова швыряют на

тротуар и бьют, бьют, – я просыпаюсь, и тоже кричу и плачу... Может быть, среди этой толпы были и те, кого ты учила? Мои сверстники, мое поколение...

Твоя смерть осталась не отомщенной: уголовное дело было потихоньку закрыто, потому что жители соседних домов, где проходило избиение, никого не опознали. Я понимаю: им тоже случается возвращаться домой ночью. А правоохранительные органы, не право охраняющие... Отец со вздохом сказал: «При советской власти была милиция, их сменили менты, потом появились мусора».

Не дает покоя мысль: почему, когда убивали маму, никто не вмешался, бросившись из квартир на ее крики? А вышел бы я, зная, что могут убить? Наверно, нет. Потому что мамы уже нет, Клава – в Греции, остальные мне безразличны.

Сегодня опять передавал по мобильному телефону сообщение Клаве, ждал ответ, радовался, его читая. Обещает, что приедет в следующем году, весной. Полтора месяца, как она вернулась в Грецию, а кажется, что прошла вечность.

Странная любовь, начавшаяся с подсматривания за прогулками Клавы и отца, их поцелуями, бережными касания рук. Я ощущал себя рыцарем из средневекового Прованса, влюбленным в Даму сердца. Когда читал о такой любви в книгах, она казалась смешной и наивной: как у Дон-Кихота к Дульцинее Тобосской. Как можно любить женщину, зная, что никогда не коснешься ее одежд, и она навсегда будет чьей-то женой?! А сейчас... Бродя по улицам, почти ежеминутно вспоминал Клавины слова, ее походку, глаза, сиявшие так, словно в них поселилось солнце...

Помню свою радость, когда узнал о расставании отца и Клавы. Ни на что не надеясь, пригласил Клаву в театр, потом в кафе. К моему удивлению, она пришла: подавленная, грустная, старающаяся этого не показывать. Наверное, для нее я был уменьшенной копией отца, поэтому и всматривалась в меня, словно надеясь его обнаружить, - и разочарованно опускала голову. «Будет и на моей улице праздник!» – твердил я, стараясь окружить Клаву вниманием. Я даже начал изучать с ней греческий язык, одобряя ее поездку в Грецию. Куда угодно, лишь бы подальше от отца, пока он не спохватился и не позвал Клаву обратно!

Я провожал ее на автобус, следующий через Приднестровье и Молдавию в Грецию, и тогда, прощаясь, она впервые меня поцеловала – меня, а не отца в моем облике! Ощущение ее губ осталось во мне надолго, а пока что я ежедневно посылал ей сообщения на «мобильник», тратя на это почти всю зарплату. Там, в чужом краю, кто-то должен быть с ней рядом, хотя бы в телефонной связи, она должна знать, что не все о ней забыли и ее ждут.

Отец о Клаве, если и вспоминал, не говорил ничего. Он считал Клавино путешествие в Грецию заскоком нездорового воображения и был уверен, что, наткнувшись на острые углы реальности, Клава вскоре вернется: с опущенной головой и бегущими от стыда глазами. Он совсем не разбирался в женщинах!

Его «поход в семью», как я и думал, закончился неудачей: присмирившая на пару месяцев Галина, наверстывая упущенное, ринулась в разгул с такой силой, что отец не выдержал и сбежал: после того, – я случайно узнал у Валерки, – как один из поклонников его пьяной мамы, прежде чем залезть с ней в койку, основательно отца поколотил. Ничего не получилось у отца из попытки забрать Валерку в судебном порядке: основываясь на положительной характеристике с места работы, – Галина работала секретарем у крупного коммерсанта, – суд принял сторону матери.

Заняв денег, отец купил двухкомнатную «хрущевку», и теперь я часто ночевал у него, сразу получив ключи от квартиры. Бабушка Вера отличалась занудством, и когда я заваливал домой с кучей приятелей и сеткой бутылок, воспринимала это как мировую катастрофу, выкрикивая потом: «Как не стыдно: что скажут соседи?!» Да всем на всех наплевать: пора бы понять! Отец к моей «расслабухе» относился спокойно, говоря, что каждому нужно иногда уйти от реальности.

Клава приехала в декабре, под Новый год: я радовался, как щенок, нашедший хозяина. Поселилась Клава у отца, в «моей» комнате, потому что деться ей было некуда: ее бывший муж развелся с Клавой через полгода после расставания, указав причиной развода: «Жена бросила семью и скрылась в неизвестном направлении», и женился заново. В суде он, конечно, не говорил, что Клава ежемесячно передавала ему и Алене половину зарабатываемых денег! Алена после окончания школы устроилась гражданской женой у какого-то бармена и заботилась лишь о том, как выжать из матери побольше долларов.

Отец воспринял Клавин приезд с удовлетворением. «Надеюсь, ты поняла, что хватит валять дурака и пора возвращаться» – говорил он, держась с Клавой так, словно ничего не произошло и не он отправлял ее два года назад к четырем сторонам горизонта. Ее холодность и равнодушие отец воспринял как временное явление, не догадываясь, что всю свою нежность Клава дарила мне, повторяя, что я единственное, что осталось от прошлого. Я понимал, что здесь не столько любовь, сколько благодарность, но мне было достаточно. Отец, чья слепота походила на ослиное упрямство... Если бы он не застал нас в постели, то продолжал бы считать Клаву своей Эвридикой.

Через неделю после Нового года я и Алена вновь провожали Клаву в Грецию. Отец был с нами: спокойный, немного отстраненный, о чем-то

думающий. Купил Клаве в дорогу еду, записал ее почтовый адрес, чмокнул на прощанье в щечку. Он вел себя так, словно ничего не случилось. Может быть, так и было?!

ОТЕЦ

Звездное небо, – какое огромное! Глядя в его глубину, ощущаешь мелочность человеческих устремлений, тщету повседневной суеты. Наедине с небом смешно считать свои страдания мировой скорбью. Я не первый и не последний, кому не повезло в жизни, и остается пройти свой путь на земле с достоинством и благодарностью, потому что все-таки ты существуешь, а это и есть главное счастье.

Нельзя дважды войти в одну воду... Если не умеешь быть честен с другими, будь честен с собой... Клава потеряна, – по моей вине. «Там, где был ты, сейчас зола, и не надо, чтобы вновь что-торосло» – ее слова перед отъездом. Кто кричит, тот плохо слышит. Я старался молчать. Тогда я и познакомился с ночными звездами.

Написал Клаве письмо: наверное, отошлю. Когда размазал боль на бумаге, стало легче дышать. Журавль с перебитым крылом, пытающийся взлететь. Выход из безвыходного положения там же, где вход. Вернемся к тому, кем был когда-то, и вспомним, что остались обязанности перед детьми, мамой, перед теми, кто верит моей деловой инициативе и ищет во мне опору в трудных случаях. Поплавки, удерживающие нас на поверхности жизни.

Это – судьба. За все надо платить, и пришел мой черед. Все проходит: вечно только ожидание.

ОНА

Кроме двух факторов, побуждающих человека к действию – желание приобрести и страх потерять – есть еще фактор глупости, заставляющий шагать там, где нужно стоять. Если бы не Вера Милютина, я не выжила в этой жалкой стране, когда-то делавшей историю, а сейчас просто в ней существующей. Цивилизация аграриев с огромным раковым наростом под названием «Афины».

От работы на плантациях цитрусовых, куда собирался направить меня Совет (здешний нелегальный центр занятости), Вера меня отговорила, объяснив, что я со своим здоровьем протяну там ноги через полгода. Несколько месяцев работала у фермера, ухаживая за свиньями, козами и курами. Ночевала в сарае, на деревянном топчане; спать удавалось не более пяти часов. Впрочем, вся семья фермера работала на износ, отдыхая только по воскресеньям. Днем ели мало, зато вечером пожирали горы

мяса, наращивая внушительные животы. Книг здесь не читают. Женщины заваливают себя нарядами, мужчины соревнуются покупками машин. Люди, шумно живущие для внешней цели.

Познакомилась с такими же, как я, эмигрантами: в основном это украинки. Каждая мечтает о «зеленой карточке», дающей некоторые гражданские права и позволяющей требовать зарплату побольше: в статусе нелегалов мы получаем треть положенного. Многие имеют любовника: обычно это хозяин. Любовник – гарантия от произвола, в том числе финансового: девочки рассказывали о случаях, когда деньги не выплачивали или отдавали частично.

Вера Милютина уехала на работу в Афины: ухаживать за семидесятилетней старухой. Это считается удачей. После фермера – устала от домогательств его брата, – работала в гостинице на пару с Катей Светлицкой. Обслуживали сто двадцать номеров, ночуя в одном из подвальных помещений: без туалета, зато с крысами. Уставали так, что вечером с трудом добирались до кроватей. Впрочем, платили хорошо, и если бы не распускаящая руки *voikoкура* (хозяйка), я бы там осталась.

Алеша... Почти каждый день он звонил или посылал сообщения на мой «мобильник». Оказывается, кроме ласковых слов, Алеша умеет давать дельные советы, шутить, смешно рассказывая об оставшихся в Крыму знакомых. Об отце не упоминал, я не спрашивала. Достаточно того, что по Володиной вине я попала в эту страну, и теперь я употребляла его имя в тех случаях, когда принято ругаться матом. Потом это настроение ушло, и я о Володе забыла: как о тряпье, упавшем по дороге с подводы.

Одиночество духа гораздо страшнее одиночества тела, которое можно насытить каким-то эрзацем, тогда как душа признает только подлинник. Когда-то, в другой жизни, я ходила в театр, бегала на концерты симфонической музыки. Интересно, можно ли, месяцами вычищая чужие унитазы и убирая блевотину, остаться восторженным почитателем Чайковского?!

Одна из немногих здешних радостей – репо (выходной). Собираемся в кафе «Ойкумена» у Тамары Масловой: за небогатым столом с местным вином обмениваемся новостями, рассказываем о себе, смеемся, плачем, мечтаем о будущем. Здесь я, бывшая комсомолка и атеистка, научилась молиться.

Тамара родом с Херсонских краев, где ее ждут муж-инвалид и трое детей, ютятся вместе с семьей мужниной сестры в маленьком домике. В Греции Тамара шестой год, вот-вот должна насобирать деньги на квартиру. «Я ее иногда во сне вижу: просторную, светлую, с тремя комнатами» – рассказывает нам.

В кафе Тамара заменяет двух служанок, работая с пяти утра до часа ночи. Спит с хозяином кафе – жирным вонючим греком, – благодаря чему

имеет отдельное помещение для ночлега и небольшую прибавку к зарплате. Тамара как старожил учит нас эмигрантской мудрости. «Закрытый рот помогает сохранить зубы» – это я усвоила от нее.

Каникулы в Крыму оказались госпиталем, лечившим меня от прошлого. Бывший муж с бегающими глазами и виноватой улыбкой, самодовольный Володя, так и не понявший, что был не Пигмалионом, а Франкенштейном, дочь со сметой предстоящей свадьбы и последующего круиза, знакомые, завистливо спрашивающие: «Сколько привезла?» Даже Алеша... Что ж, я легла с ним в постель.

Самое печальное: когда осенью сжигают листья и в январе выбрасывают новогодние елки. Такой выброшенной елкой я возвращалась в Грецию, где меня ожидали поиски новой работы и эмигрантское братство. Жизнь на ничейной полосе, в зоне отчаяния. Мечта юности, обещающая стать кошмаром старости.

ПИСЬМА

СЫН

Привет, Эдик!

Распределение в банк после института – дело выгодное, так что поздравляю! Я тоже решил восстановиться в альма матер: отец обещал учение оплатить.

Ты ошибаешься, думая, что мне повезло с отцом. Он романтик, – из тех, кто способен отдать кошелек первому встречному, если его убедят, что деньги тому нужнее. Я недавно в старых бумагах нашел отцовский дневник со студенческих времен. Ощущение, что читаешь «Записки сумасшедшего»: «Жить для блага людей... Мы – фундамент в плотинах будущего...». К счастью, не все их поколение такое, большинство всегда знало, для чьего блага нужно жить: у них нам и нужно учиться.

Отца иногда жаль: он похож на мамонта, не подозревающего, что стоит в очереди на вымирание. Если человек обречен тлену, если даже самых могущественных из людей ожидает смерть, что толку в бессмертии добра, милосердия, красоты? Для рыночной экономики эти отцовские боги смешны, они уходят, как и взрастившие их люди.

Он странный, отец... Я с ним поступаю иногда: самому противно. А он вздохнет, посмотрит с насмешливой нежностью: и ощущаешь себя намочившим штаны карапузом.

А мама... Я о ней постоянно думаю: разговариваю, прошу о помощи. Прихожу домой и жду: она выглянет сейчас из комнаты и спросит: «Алеша, кушать будешь?» Однажды из троллейбуса выскочил и побежал за какой-то женщиной с окликом: «Мама!»

Собственная смерть для меня невозможность – и неизбежность. Помню свое ощущение, когда сообщили о маминой гибели. Кроме ужаса и

горя была растерянность и понимание, что обрыв, именуемый смертью, приблизился вплотную. Потому что раньше между мной и этим обрывом стояла мама, защищая и оберегая...

Я сейчас пишу редко и мало, так что извини за поздний и краткий ответ. Люди вместе, пока друг о друге помнят. У тебя и меня – общее детство: достаточное основание для дружбы. Помнишь: солнце на деревьях, эскимо, школьный бал, плавание наперегонки?!. Фантики памятных событий – неприкосновенный запас радости, сберегаемый на черный день.

ОТЕЦ

Клава, Клабочка... У нас никогда не было переписки, – все ограничивалось встречами, телефонными звонками, разговорами – или совместной работой, когда мы забирались в самые рискованные и трудные ситуации, заканчивающиеся обычно тем, что мы кому-то помогали заработать деньги. Сами оставались с копейками – и друг с другом. И в те времена, далекие, как страна победившего социализма, мы все-таки оставались в выигрыше, потому что любили друг друга, – а неудачи сближают сильнее, чем счастье.

Сейчас, оборачиваясь назад, я вижу, что из всех женщин, любимых мною, более всего я любил тебя. Я любил до сумасшествия, до одури, готовый, как писал в стихотворении, «все зачеркнуть своей любовью». И я зачеркивал: вталкивая тебя в круг друзей, приучив их к мысли о нашей неразделимости, вводя тебя в свою семью, – без оглядки на мораль и последствия. Ты была моим идеалом, женщиной гриновской мечты, таким же безнадежным романтиком, как и я. Мы жили в разграбленной и несчастной стране, зарабатывая тяжким трудом на пропитание своим детям, – и помогая друг другу в этом. Мы были семьей, воспитывавших троих детей – и не думаю, что они имели плохих родителей.

И еще мы мечтали о будущем. Я не знаю, плачет или смеется сейчас домик из переулка Ломанный – безмолвный свидетель наших встреч и мечтаний о совместной, обязательно счастливой жизни. Мне кажется, – плачет. Он любил нас, он не хотел нас отпускать: не зря там так и остались большая часть моего и твоего имущества. Мы ушли от него – к «другим пенатам» и «молочным рекам». Для меня это оказалось возвращение в семью, для тебя – отъезд в Грецию, и я не знаю, что было хуже. Как и ты, я многое не рассказываю.

Моя вина не только в том, что я ушел. Моя вина и в том, что я ждал, надеясь на чудо: вернется моя Клава и все потечет по-прежнему, – или получше, потому что обстоятельства изменились. Самонадеянный глупец! Мне стыдно, что я, обезумевший от отчаяния, ставил тебе условия. Не

важно, что ты любишь другого – пусть это даже мой сын. Важно то, что ты не любишь меня. И необходимо привыкнуть жить в мире, в котором тебя нет и не будет. И я стараюсь привыкнуть, вырывая тебя из себя по кусочкам: вместе с памятью. Здесь мы когда-то ходили и целовались, здесь ты рассказывала о себе, здесь я ждал, а ты торопилась, и бежала, улыбаясь и светясь глазами (ты знаешь, что твои глаза обладают свойством светиться?).

Помнишь наши поездки в Киев, Севастополь, Судак? Мои провожания тебя на вечерний троллейбус, увозивший тебя домой? Если забыла, то правильно сделала: я их тоже из себя выжигаю. Сквозь слезы, сквозь боль, от которой останавливается сердце.

Прощай, Клава! Пусть счастлив будет твой путь! У тебя сейчас есть любовь: держись за нее, как бы не была она смешна для других. Уверю тебя: в мире нет ничего ценнее и важнее любви.

Прощай!

P.S. День второй.

Смешно, но я продолжаю писать. Переписка длиною в жизнь... Кажется, что нужно еще что-то сказать, чтобы быть понятым, а, может, и принятым, суетишься в толчее слов, не зная, которое выбрать, и не выбираешь ничего, понимая, что все напрасно. Стыдно выпрашивать деньги, но еще более постыдно выпрашивать любовь, взывая к жалости, сочувствию и воспоминаниям.

Сайонара – самые печальные слова в японском языке, произносимые при расставании: "Если так надо – прощай!". Сайонара, Клава!

ОНА

Здравствуй, Света! Спасибо за письмо!

Чем встретила тебя Оукраїна? Отключением электричества, голодными у мусорных баков, невыплатой зарплаты на фоне сочного голоса диктора об успехах в экономике?! Впрочем, как пишешь, ты вернулась к людям, а не к государству. Ты права: только у нас бедняк отдаст последний кусок хлеба (богач – как и здесь – постарается его отобрать).

Ценю жизнерадостность твоих слов, хотя помогают они мало: то ли зима действует с ее пафосом вымирания, то ли я стала законченной мизантропкой и наперекор всему утверждаю, что нет никого без вины и каждый шаг на земле греховен, как несправедно все человеческое существование. Здесь, в Греции, я начала верить, что жизнь дана в наказание и только смирение может спасти от отчаяния.

Сейчас у меня легкая работа: служанкой в кафе на горном перевале. Посетителей мало – в основном это туристы, спешащие в расположенные в горах зимние лагеря покататься на лыжах. Владельцы кафе на отдыхе в Афинах; вернуться, когда растает снег – и тогда вновь придется искать работу. В кафе я одна; когда падает снег, кажется, что, кроме меня, в мире давно никого нет. Одинокий человек в одинокой стране.

Иногда, закрыв кафе, поднимаюсь ближе к вечеру на соседнюю гору и смотрю, как солнце прощается с землей. «Хорай» – по-японски это несколько минут, когда день ушел, а ночь не наступила, когда все вокруг пропитано последним светом дня и вместе с тем наливается голубизной ночи. Это как море: однажды увидев, помнишь всегда.

Вчера заезжали в гости Катя и Вера, привезли опубликованную в эмигрантской газете поэму Лики Мизиновой «Татьянам, Машам – сестрам нашим». Не забыла, как снимали вместе квартиру?

Ли́ка это описывает:

По восемь человек в квартире
(Ведь надо выжить в этом мире).
Да, очередь у туалета,
Но сэкономим на билеты,
На хлеб, бутылку молока –
Мы не Рокфеллеры пока!
Мы сэкономим и на соли...

Мало заработать деньги: нужно их сохранить и довести домой. Девочки рассказали о Тамаре Масловой. Прошное воскресенье она перед отъездом накрыла в своей комнате прощальный стол для нашего братства (я отсутствовала, не могла отлучиться из кафе), когда выпили вина, все потеряли сознание. Очнулись: Тамариных денег нет! Девочки говорят, такого горестного крика они никогда не слышали! Хозяин, конечно, эту подлость сделал, но кому докажешь! Тамара на второй срок в Греции осталась: как без денег домой приезжать?! Хохотушка была, а теперь – лицо мертвого человека.

Получила письмо от Володи. Все несчастья нашей жизни – от идеалистов. Кому и зачем он писал? Клава, спешившая в домик на Ломанном с кусочком мяса и картошкой в пакете, чтобы приготовить любимому ужин, и Клава, два года прожившая в Греции – разные люди. Нужно вовремя хоронить своих мертвецов и не возвращаться на развалины любви.

Перестала отвечать на Алешины звонки. Всех можно обмануть, – но не себя. Чувство благодарности – те же золотые оковы. Есть дорогая, любимая, сделавшая из моих мытарств способ своего существования Алена – хватит и этого!

Вероятно, останусь в Греции навсегда. Какая разница, где и как доживать?! Человек привыкает ко всему, и даже тюрьма может стать домом. Мне, Света, не к кому и не зачем возвращаться. Родина – это место, где ты кому-то нужен, а для меня самым близким оказалось эмигрантское братство.

Может быть, это настроение усталости, страх одиночества. Иногда я просыпаюсь по ночам от стука в двери кафе, подбегаю, слушаю... Никого... Это стучится безнадежность. И тогда хочется застыть снеговиком и никуда не идти, никого не слушать, не слышать. Или закричать, как Тамарка, диким зверем. Что с нами сделали и делают на земле? Господи, если это ты, то зачем?!

2008 год

ДАНИЛОВА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА

Саки

Родилась в 1968 г. в г. Коммунарске Луганской области. Окончила Макеевское педучилище, позже Крымский государственный университет им. Вернадского. Уже много лет её работа и творчество связаны с обучением и воспитанием подрастающего поколения. В настоящее время живёт в городе Саки, работает учителем начальных классов в МБОУ «Школа-лицей им. Героя Советского Союза Ф.Ф. Степанова». Руководит Арт-клубом «Февраль». Член правления РОО «Союз писателей Крыма».

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Моя тоска по Родине
Рябиною радушною,
Рубиновыми гроздьями
Стучится в полночь в дом.

Дурманяще-душистая
Да терпко-сладковатая
Тоска, как гроздь яркие
В душе горит огнём.

Моя тоска по Родине
Зимой снежинкой кружится,
По ветру вечно носится,
Не может отдохнуть.

Узорчато-прозрачными
Иголочками колется
Да в слёзы превращается,
Что хочется смахнуть.

Железною дорогою,
Извилистою лентою
Да стуком монотонным
Зовёт меня к себе

Моя тоска по Родине,
По милой дальней вотчине
Не раной – кровоточиной,
Что я ношу в себе.

* * *

Мы живём от детства в двух шагах
Или в трёх шагах от одиночества.
Господи, прошу, замедли шаг,
Очень жизни бег увидеть хочется.

И, пока на свете я живу,
Дай возможности творить благое дело,
Чтобы перед всеми, на миру
Я любовь Твою раскрыть сумела.

Видеть звёзды, слышать смех детей
И иметь возможность удивляться
Помоги, пока служу Тебе.
И, прошу: «Не дай с Тобой расстаться!»

ЗАПАХ РОДИНЫ

Вьется змейкой дорога железная
По моей разноцветной судьбе.
Степь донецкая, степь безбрежная
Позвала меня снова к себе.

Босоногостью детства резвого,
Что играло седым ковылем.
Птахи маленькой звонкой песнею
Да коралловых маков ковром.

Ветром вольным взметает волосы,
Да туманом скрывает путь...
Чувство Родины маминым голосом
Шепчет тихое: «Не забудь»...

ИРИНА ЛИТОВЧЕНКО (псевдоним Ирина Звягина)
Краснопереконск

Родилась в 1967 году в городе Лахденпохья Карельской АССР. В Крым переехала в 1968 году. Окончила среднюю школу №3 в г. Армянске, далее училась в Симферопольском кооперативном колледже. Специальность – кулинар-кондитер. В 1988 году по семейным обстоятельствам переехала в Якутскую АССР. Вернулась в 1990 году, поселилась в Краснопереконске. В 1995 году пришла в литературное объединение «Пятиозерье». С 2001 по 2006 годы была секретарем ЛИТО. С 2006 года — руководитель литературного объединением «Пятиозерье» Автор сборника стихов "Всполохи" (2006). Стихи публиковались в альманахах «Полынный мед», «Степные мелодии», «Камышовая бухта», «Город в ожерелье строк», журналах «Фанданго», «Полюс-Крым», а так же в периодической печати. Рассказы – в альманахах «Интеллигентный сезон», фэнзине «Фанданго», юмористическом журнале «Трутень». Победитель городского конкурса на лучшую песню о Краснопереконске (2007). Лауреат Первого регионального фестиваля поэзии и бардовской песни «Жемчужина в степи» (2011), дважды лауреат Международных конкурсов фантастической прозы «Фанданго» (2012 и 2013 гг.), лауреат Международных литературно-музыкальных фестивалей «Интеллигентный сезон» (2015 и 2016 гг.). Член клуба фантастов Крыма. С 2017 года – член Союза писателей Крыма.

БАФОМЕТ

Он хлопнул дверью так, что под обоями в квартире зашуршала осыпающаяся штукатурка. Послышались его удаляющиеся шаги, и где-то далеко внизу оглушительно гроыхнула еще одна дверь, уже металлическая.

– Ты еще пожалеешь! – прошептала женщина вслед и наконец-то позволила себе заплакать.

Горько, обидно сидеть в своей квартире, только что бывшей семейным гнездом, и размазывать слезы по щекам и подушке. И женщина рыдала именно от этой горькой обиды, от несправедливости, которая сделала ее

существование бессмысленным и ненужным. Изредка она поднимала глаза на образ Богородицы и сквозь икание и всхлипы спрашивала:

– За что?

Скорбный лик молчал в ответ. Она долго плакала, вздрагивая всем своим грузноватым телом, затем поднялась и протопала к бару, достала оттуда полупустую бутылку водки и бокал.

В это время в дверь позвонили. Требовательно. Еще раз. Еще. Женщина перехватила бутылку за горлышко так, как если бы намеревалась нанести ею кому-то удар, и направилась к двери. Да, она была почти уверена, что это ее благоверный вернулся, чтобы...

Но на пороге стоял не муж, а соседка Людмила.

– Вот это здрастье вам в шляпу! – изумленно проговорила она, увидав хозяйку квартиры с опухшими покрасневшими глазами и с бутылкой в руке. – Это я удачно зашла?

Вся злая решимость тут же покинула несчастную, ее лицо снова перекошилось плачем, она кивнула и впустила пришедшую.

– Ты чего, мать? – Людмила всегда была грубовата, надменна, жалеть не умела, но сейчас ее появление было почти подарком судьбы. – Ты чего, флакон в одно горло всосала, что ли? Ты в своем уме?

Она кое-как усадила рыдающую женщину на диван, принесла из кухни воды, предварительно влив в стакан хорошую дозу успокоительного.

– Пей. Ленка, пей, я сказала! Вот так. Ну, а теперь выкладывай, кто умер.

Они еще долго беседовали «о своем, о женском». Людмила, мгновенно сориентировавшись, достала из бара вторую «беленькую». За окном начали сгущаться сумерки, а две женщины все сидели, одна говорила, другая слушала, дымила тонкими сигаретами и изредка кивала.

– Людочка, что мне делать?

– Смотри, чего ты хочешь. Вернуть его или отомстить ему. Или, может, еще какие планы есть.

– Да какие планы... Какие могут быть планы, когда жизнь кончилась!

– Лена, вот ты вроде же умный человек, а дура дурой, прости за откровенность. Ну, с какого перепугу жизнь-то закончилась? Да набегается твой кобель, проголодается, и приползет обратно, как ни в чем не бывало. Куда он денется от твоих борщей и цыплят-табака! И ты же сама его примешь, лишь бы все было как у всех, и он даже угрызений совести не испытает за свое предательство. Потому что ты тупо его простишь.

Елена слегка опешила от слов подруги. Она даже не нашлась, что ответить. Водка сняла часть напряжения, затуманила глаза, и женский силуэт, куривший около приоткрытого окна, вдруг показался ей удивительно привлекательным. Несмотря на свои «за пятьдесят», Людмила была еще очень стройна, позволяла себе облегающую одежду,

высокий каблучок и яркую помаду. Она красилась так, что разрез глаз ее напоминал олений, носила очки как киношная стерва, и длинные темные волосы закалывала на затылке в «ракушку». Все вместе делало ее похожей на учительницу, строгую, но сексапильную. Замужем, кстати, никогда не была.

Мужчины, западавшие на яркую, почти голливудскую внешность, быстро разочаровывались, она не представляла ни одного из трех идеалов жены: ни хозяйки на кухне, ни королевы в гостиной, ни порно-звезды в постели. Ни уж тем более, трех в одном. Она жила ради себя, ни разу не выразив нормального женского желания родить ребенка, ни разу не подав милостыни нищему или калеке-афганцу, не соглашаясь никого подменять по работе бесплатно. Да, Людмила не простила бы своему мужу измен. Уж она нашла бы способ сделать так, что тот три раза пожалел бы о своем поступке. А может, и тридцать три.

– Злая ты.

Людмила равнодушно кивнула, соглашаясь с таким определением.

– Мне плохо сейчас, а ты даже посочувствовать не можешь.

– А смысл тебе сочувствовать? Была бы ты хоть сколько-нибудь умнее – ты сейчас не заливала бы сопلي водкой, и не вопрошала бы деревяшку, за что тебе такое наказание.

От неожиданности Елена опешила. Она перевела изумленный взгляд с лица Людмилы на образ Богородицы, смиренно склонивший голову в молитве, и снова на соседку.

– Откуда ты знаешь?

Людмила издевательски хохотнула:

– А для чего она тогда тут висит? Дырку на обоях загораживает? Лена, включи мозг, если он у тебя еще есть, и подумай, насколько легче могла бы сложиться твоя жизнь! Если бы не пошлая мораль, предписывающая тебе прощать врагов, подставлять им вторую щеку для удара вместо того, чтобы врезать первой, и с утра до ночи обслуживать вонючего самца, почитая его своим господином.

Не дожидаясь ответа, она налила полный бокал и пододвинула его Елене.

– И не смотри на меня как солдат на вошь. Принципы здорового эгоизма никто не отменял.

– Тебе легко говорить! Ты за всю жизнь никого не любила!

– А тебе кто велел любить? Любовь – это величайшая глупость на земле, а глупость – самый тяжкий грех, какой только можно совершить. И я не собираюсь потакать тебе в этом. Наоборот, я хочу, чтобы ты перестала чувствовать себя оплеванной и размазанной, униженной и оскорбленной только потому, что ты позволяла себе испытывать редкие минуты удовольствия или наслаждения.

От таких слов у Елены полезли на лоб глаза.

– Что значит «редкие минуты»?

Людмила развела руками.

– А ты хочешь меня убедить в обратном? Давай, попробуй. Но сначала ответь мне честно на один вопрос. Скажи, сколько времени ты замужем?

– Тридцать лет, ну и что?

– И как часто ты испытывала настоящее, ничем не омрачаемое счастье? Только не свисти мне, стирка носков и пеленок во имя любви не в счет. Я спрашиваю вот о чем: сколько длилась твоя радость от подаренного букета цветов, от секса, от поездки на море или шашлыки? Минуту? Две? А потом что? Головная боль! На цветы у тебя аллергия, после секса ты тряслась, как бы не пришлось делать аборт, после шашлыков ты тащила на себе домой пьяное тело и кучу грязной посуды, после моря лечила ожоги своим личинкам, и так тридцать лет подряд! За каждую свою улыбку ты заплатила страхом, слезами, унижениями, физическим трудом и болью, разве нет? И сейчас ты рыдаешь из-за того, что источник твоих страхов и слез наконец-то свалил к чертовой бабушке, оставив тебя в покое!

В квартире окончательно сгустилась темнота, но женщины не зажигали свет. И в этой темноте слова Людмилы звучали странно и страшно, словно это и не Людмила вовсе говорила сейчас с Еленой, а кто-то другой.

– Сложи вместе все эти минутки счастья, чистого блаженства, сколько всего получится? Месяц! Даже и того не наберется. Ну, возрази, если сможешь.

Елена со страхом смотрела на женщину у окна, только что бывшую Людмилой. Ноги ее в узких серых брючках, обутые в туфли на высоком каблуке вдруг показались ей козлиными ногами, оканчивающимися изящными копытцами. Куда-то пропала облегающая водолазка, и взглядам изумленной Елены предстал мужской торс, покрытый шерстью, и сильные мускулистые руки. Все венчала козлиная голова с изогнутыми рогами, наглым взглядом раскосых глаз и перевернутой пятиконечной звездой во лбу. Длинные волосы, длинная козлиная борода. Чудовище продолжало:

– А теперь послушай меня, глупенькая. Все, что тебе внушали до сих пор относительно так называемого «женского счастья» – ложь чистой воды. Имей смелость это признать. Неужели такое уж великое счастье всю жизнь убирать за кем-то грязь, готовить кому-то тонны еды, да еще не какой хочется, а на какую хватает денег? А потом скрести после него тарелки, пылесосить загаженный крошками ковер? Ты половину жизни убила на человека, который в конечном итоге наплевал на твои старания. Разве не тупость?

– Люда, ты... Ты – козел! – вскрикнула окончательно сбитая с толку и перепуганная женщина. – Ты козел, Люда!

- Не козел, а Бафомет. Это мое настоящее имя.
- Я тебя боюсь!

Козел хохотнул и уселся перед Еленой, скрестив ноги на восточный манер.

– Меня? Ты боишься правды. Я же хочу, чтобы ты хоть немного уважала себя, свое тело, свой труд, свою жизнь! Даже сейчас он сопит, удовлетворяя животную похоть с другой самкой, а ты вынуждена сидеть в одиночестве и темноте, потому что некто внушил тебе, что нужно хранить верность, ибо она – добродетель. А ведь десятки мужчин или женщин могли бы дорого дать, чтобы хоть ненадолго почувствовать в своих объятиях твое тело.

- Я не хочу тебя слушать! Это все не так! Ты козел, козел, козел!!!

Бафомет расхохотался, а затем похлопал женщину по щеке.

- Хватит истерить, дура! Успокойся! Лена! Лена!!!

Она очнулась. Муж шлепал ее по щекам, приговаривая:

- Успокойся, Лена. Лена!

Она очнулась и протерла мокрые от слез глаза. Оглянулась в ужасе. Тьма за окном стала не такой густой, вот-вот начнет таять.

- А где козел? – спросила перепуганная женщина.

Мужчина ошарашено уставился на нее.

– Лен, ты чего? Какой козел? Откуда у нас козел? Сто раз говорил, не смотри на ночь свои страшилки.

Он зябко поежился, и залез обратно под одеяло. Женщина облегченно выдохнула. Постучала по тумбочке, посылая сон вослед за уходящей ночью, и закрыла глаза. Снова всплыл смеющийся образ с пентаграммой во лбу. В это время муж проворчал:

– Мне тоже всякая чепуха снилась. Наверное, надо было меньше на ночь твоих пирожков жрать.

Голова с пентаграммой захохотала сильнее. И Елена чуть слышно буркнула в ответ:

- Еще я же и виновата... Козел.

МАРИНА ТРУСЕВИЧ

Родилась в г. Новосибирске 21 ноября 1960 г. Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт. Жила и работала в г. Прокопьевске Кемеровской области. В 2005 году по семейным обстоятельствам переехала в Крым. В 2020 году вернулась в Новосибирск. Победитель и лауреат литературных фестивалей «Пристань менестрелей» (г. Балаклава), «Ялос» (г. Ялта), «Парад лауреатов» (г. Евпатория), «Интеллигентный сезон» (г. Саки), «Седьмое небо» (пгт. Николаевка, Крым). Публикации в журналах «Новосибирск», «Белая скала», в газетах «Литературный Крым», «Слово города», в сборниках «След», Евпаторийский литературный альманах. Главный редактор журнала «Белая скала». Член РОО «Союз писателей Крыма». Живет в Новосибирске.

ЗАЧЕМ

В мое окно стучится вьюга,
А в доме тихо и тепло.
Мы снова можем друг без друга,
И на душе спокойно и светло.

Ушла бессонница – подруга
Из бесконечности ночей.
Опять мы можем друг без друга.
О днях ушедших больше не жалею.

И пусть наш сад под снегом умер,
И наша мальва умерла.
Зато мы можем друг без друга.
Любовь ушла. Спасибо, что была.

И все бы хорошо... В камине угли
Дрожат последним утренним теплом,
Но вот зачем мы друг без друга?
Ответ нет. Лишь вьюга за окном.

* * *

Загадка гоголевских глаз
С прямым насмешливым прищуром,
Багетным забрана ажуром,
Ответ требует от нас.

И вот времен плетется вязь...
Пером великим жизневеда

Ведется честная беседа,
Цензуры-дуры не страшась.

И что-то надо отвечать...
Ей-ей, вранье тут не прокатит!
Ведь за него потом заплатят,
Кому в грядущее шагать.

Но так и хочется кричать:
Мы – не Коробочка, не Плюшкин,
Не городничему послушных
Воров чиновничая рать,
Нет, Николай Васильич, нет!

Мы знать не знаем Хлестаковых
И не гостили у Ноздрева,
Мы ладно скроены и сшиты,
И наши цели не забыты,

И делать что начавши гладью,
Мы не кончаем дело гадью,
Проекты наши – не прожекты,
Мы, ваши выучив конспекты,

Чтоб избу выгнать до венца,
Читаем книгу до конца...
От цепко-жадных мертвых душ
Храним живой душой народа

Необозримые угоды,
В веках зовущиеся Русь.

Вы докричались, дозволись,
Вы – Мастер слов подкинуть в пламя,
Чтоб обратились внутрь зрачками
Глаза и к Богу поднялись.

Но так, простите нас, пока
Ответить мы, увы, не можем
И на уста печать наложим,
Чтоб ненароком не соврать.

МАНИКЮР

Сорок лет без войны. В переулке танцует июнь,
Голубою косыночкой машет звенящим трамваем.
Белым парусом рвется с балкона узорчатый тюль,
И плывет кораблем дом, умытый ночными дождями.

– Деда, деда, скорее смотри! – оглушило седой кабинет.
Завтра бал выпускной, и семнадцатилетнее чудо
В платье, будто упавший с черемухи цвет:
– Полюбуйся, дедулечка, первым моим маникюром!

А у деда в глазах банно-прачечный женский отряд.
Умер день фронтовой, и не гнутся спина и колени.
– Ой, девчонки, как руки сегодня болят,
За три года войны так ни разу еще не болели!

– Да уж, руки, – и горько, – таким маникюр не грозит,
У медведихи лапы, и то красивее – с когтями!
И зашмыгав носами, уж плачет землянка навзрыд,
Только вдруг старшины звонкий окрик: «Отставить!»

Завтра рано вставать. Две машины кровавых бинтов
И рубахи солдатские кто для бойцов постирает?
Там ведь каждый из них к смертной битве готов...»
И тихонько: «Всем спать. Завтра в бой. Даром, что не стреляют».

Он берег их, как мог, среди горячего пара чанов,
Добывая им масло для съеденных щелочью пальцев,
Сам, контуженный, тонны таская бинтов,
Утешал: «Ноготки отрастут, вы, родимые, только не плачьте...»

Сорок лет без войны слышит в сердце седой капитан
Тишину, что тогда обмерла, по девчонкам горяя,
Богу молится: «Пусть не коснется война
Внучки розовых пальчиков с первым ее маникюром».

* * *

Когда мне станет все равно,
Как в дальнем поле пахнет мятой,
Как прячет небо за сосной
Края закатного халата,
Как нынче осенью опять

По-над поваленной березой
Сбегают вниз гурьба опят,
Ночные стряхивая слезы.

Когда мне станет все равно,
Что поутру поют трамваи,
Чем завтра кончится кино,
Такое грустное вначале.
Едят ли козы трын-траву,
Где заяц солнечный ночует,
И как мне снова к Рождеству
Мороз окошко разрисует

Когда мне станет все равно,
Чему во сне смеется дочка,
И что укрыто тишиной
У мамы в доме нынче ночью.
Как зреет ягода в тайге
И персики степного Крыма,
И что там тренд готовит мне,
Чтоб быть весной неотразимой.

Когда мне станет все равно,
День завтра праздничный иль будний,
Тогда меня уже не будет...

ЕЛЕНА ЛЕНЖЕТОВА (УЛЬЯНОВА)

Севастополь, с. Передовое

Родилась 3 марта 1976 года в г. Севастополе. В 1997 г. закончила Российскую Международную Академию Туризма в г. Москве, вернулась в Севастополь, вышла замуж. В 2009 г. закончила Тернопольскую Академию Народного Хозяйства. Проживаю с семьёй в Байдарской Долине в с. Передовом. Являюсь председателем фермерского хозяйства. Воспитываю 5-х детей – двух сыновей и трёх дочерей. Стихи начала писать в подростковом возрасте. Отдельные стихотворения печатались в украинских журналах «Мир семьи» и «Спасите наши души». В 2004 году к 200-летию со дня рождения Г.-Х. Андерсена была написана поэма «Русалочка» по одноимённой сказке. В 2006 г. была издана книга, в том же году написана поэма «Русалочка. Продолжение истории». В 2018 г. поэмы были напечатаны в 59 и 60-м альманахах «Планета друзей». Гран-при фестиваля «Седьмое небо» (2021 год). Член РОО «Союз писателей Крыма».

ЧЕТЫРЕ КРАСАВИЦЫ

Был воздух сладок и пьянящ,
А зной сменялся звездопадом.
Сложила Лето красный плащ,
Взлетев над задремавшим садом.

Ступая поступью царицы,
Всё платье золотом расшив,
Явилась Осень круглолица,
И в танце огненном кружиться
Старалась, всех обворожив.

И, как невеста, в белом платье
Чиста, надменна и нема
Идёт... О нет! Летит Зима,
Раскрыв холодные объятья.

Но снова станет не до сна,
Лишь ночью защебечут птички.
Смешная девочка Весна
Вплетёт цветы в свои косички.

ВЕЧЕР В МИСХОРЕ

Здесь конец эпохи и начало.
Южный ветер обдувает скалы.
Синева бескрайняя искрится.
Солнце на ночь отдыхать ложится,

Розовым укрывшись одеялом.
Здесь конец эпохи и начало.

Утром солнце над горой проснётся
Новый день и год и век начнётся,
И волна подружится с зарёю,
Поманит кого-то шум прибоя.
Две руки сомкнутся у причала.
Здесь конец эпохи и начало.

Пусть ветра морскую гладь волнуют,
Облака крылатые кочуют.
Пусть года, века, тысячелетья
На земле пройдут, в картинах этих
Акварель природа расплескала...
Здесь конец эпохи и начало.

ДЕТСКИЙ РИСУНОК
(детям Донбасса посвящается)

Дети рисуют маму,
Дети рисуют солнце.
Ярких оттенков гамма,
Свет из окошек льётся
В домике с острой крышей,
Рядом цветы и кошки.
Жизнью рисунок дышит.

Сколько надежд у крошки,
Что будет небо мирным,
Что будет мама рядом...
Детским глазам наивным
Плакать совсем не надо.
Пусть детский сон спокойным
Будет всегда и сладким.
Пусть прекратятся войны!

Я запалю лампадку.
В тихих своих молитвах
Я попрошу у Бога:
Пусть прекратятся битвы
Зла уже слишком много.
Ангел крылом коснётся,

В душах исчезнут шрамы.
Дети рисуют солнце,
Дети рисуют маму.

ДВЕ ДУШИ

Две души сошлись под небесами
И друг другу протянули руки -
Девочка с печальными глазами,
Мальчик, ненавидящий разлуки.

Посылали свет к земле недаром.
Как старались встречи стать причиной!
По одним и тем же тротуарам
Проходили женщина с мужчиной.

День за днём дела, долги до срока...
Время пролетало, как в безумье.
Не одни, но очень одиноко
Проживали жизнь свою в беззлобье.

Но однажды оказались рядом
На земле, как будто бы случайно.
И ему хватило только взгляда,
Чтобы в сердце поселилась тайна.

А она, искавшая ответы
Сквозь тревоги, страхи и сомненья
Всё ж пошла наперекор обетам.
И тогда открылось им виденье:

Воссияли вместе, словно пламя,
Отпустив давно земные муки,
Девочка с счастливыми глазами,
Мальчик, не боящийся разлуки.

* * *

Любовь нельзя завоевать,
Добиться, вымолить в поклоне,
Нельзя найти и потерять,
Как будто вещь забыть в вагоне.
Любовь нельзя приобрести,
Купить и получить в подарок.

И «хорошо себя вести»,
Жить без ошибок и помарок,
И этим заслужить любовь,
Решить, что этого достойны,
Просить и требовать, и вновь
Устроить мировые войны.

Вы в гневе можете кричать,
Что сердце вдребезги разбилось.
Или услужливо молчать,
Как раб надеяться на милость.
И ничего не получить.
В шторм трудно к пристани причалить.
Мы можем даже приручить,
Но полюбить нельзя заставить.

Любовь приходит в тишине.
Ложится крыльями на спину.

И ни прогулки при луне,
Ни восхожденья на вершину,
Ни подвиги, стихи, цветы,
Ни жизнь изнанкою наружу
Ей не нужны. Без суеты!
Ведь любят не дела, а душу.

ЛЮДМИЛА КУЛИК-КУРАКОВА

Ялта

Родилась 18 июня 1959 года в Оршанском районе, Республика Беларусь. Окончила Симферопольское медицинское училище по специальности «медицинская сестра». В настоящее время живёт в г. Ялта. Руководитель Ялтинского отделения Союза писателей Крыма. Лауреат 4-го Международного музыкально-поэтического фестиваля «ЯЛОС 2015» в номинации «Тайный гость» – проза. Лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Казантип поэтический» (Щёлкино), в номинации «Стихотворения, посвящённые Крыму» (2015г. 2016г.). Дипломант фестиваля «Интеллигентный сезон» (2017г.). Автор книги «Я буду рисовать стихами». Публикации в газете «Литературный Крым», журналах «Крым», «Белая скала» (Россия), «Соотечественник» (Болгария), «Метаморфозы» (Беларусь), «Новый меридиан» (США) и других изданиях. Соавтор 25 международных альманахов «Планета друзей». Лауреат закрытого конкурса альманаха «Планета друзей» (в номинации «Рассказ – бль»), получивший гранд ИСП на издание его авторов в приложении к журналу «Российский колокол» (2016г.). Благодарность КРУНБ им. И. Я. Франко «За активное участие в Празднике русской книги «Гармония поэтического слова» в рамках XI Международного фестиваля «Великое русское слово» (2017г.). Благодарность в честь «Дня Защитника Отечества» г. Севастополь ГР крейсер «Москва» (2018г.).

ЧУЖОЙ ПАКЕТ

На автобусной остановке осеннего южно-морского города стояла женщина средних лет, в красной куртке с чёрными полосками, в джинсах и чёрных сапожках. У неё в руках была красная дамская сумочка и два пакета с продуктами. Женщина нетерпеливо ждала автобус, подбегая к каждому, чтобы посмотреть номер маршрута. Её явно что-то волновало. Ей нужно было срочно уехать домой, собрать документы для дочери, и отправить в Москву. Старшая дочь поступила в Московскую академию и документы уже сегодня должны были быть в Москве. Но дочь не сразу увидела дату отправки документов, поэтому сейчас возникают нежелательные «гонки» для ног и мыслей. И на данный момент женщину беспокоила единственная мысль об отправке документов. Она их распечатала — штук сорок, насмотрелась на них, и теперь документы мелькали у неё перед глазами, как поезда на вокзале.

— О-о-о! Наконец-то подъехал нужный автобус, — мысленно воскликнула озабоченная женщина.

Встревоженная, но снаружи спокойная женщина с пакетами и сумочкой вошла в салон. Увидев свободное сиденье, она поставила тяжёлые пакеты, чтобы занять место, и пошла к водителю — оплатить проезд. Вернувшись к пакетам, женщина посмотрела на соседку, которая разговаривала по телефону, затем на худенькую старушку в плаще, которая приставала с вопросами к мальчику лет десяти: как же называется то, что летает вверху,

на небе, как самолётчик и фотографирует, и что-то ещё уточняла. Мальчику явно не нравились вопросы, он смотрел в телефон, морщился, но из вежливости отвечал любознательной старушке. Женщина подумала: хочется посидеть спокойно, в тишине, и, схватив целлофановые пакеты с сиденья, обшитого синей, ещё не потертой тканью, присела на свободное кресло напротив, где рядом сидела девушка, а её пальцы прыгали по буквам телефона, как сверчки. Но девушка не разговаривала по телефону — и это был плюс к умиротворению — отметила для себя женщина в эту секунду.

Уставшая физически и морально, женщина сидела без движений, и время от времени посматривала на пакеты, которые крепко держала в руках, пытаясь вспомнить их содержимое. В одном пакете — документы, — размышляла она, — в другом — маме купила конфеты, лекарство и печенье. А что у меня в этом маленьком потёртом пакете? Какая-то коробочка пластмассовая слегка просвечивается, и какие-то тряпочки? Что-то я плохо помню? Спешила... Спешила... Вот уже и память стала подводить меня. Ладно, дома разберусь. Главное, успеть отправить документы. А вдруг почта закроется? Нет, я должна прийти на почту до закрытия. Думаю, успею. Завтра другие планы нужно осуществить.

Автобус проехал несколько остановок. Женщине было видно, как назойливая старушка, которая приставала с вопросами к мальчику, стала наклоняться, заглядывая под сиденье. Затем она обсмотрела пространство вокруг себя и через минуту старушка вкрадчиво стала продвигаться вперёд по салону и, подойдя к женщине в красной куртке близко, посмотрела на пакеты и воскликнула:

— Этой мой пакет! Она указала рукой, и застыла в ожидании.

Девушка, напротив, тут же ответила ей:

— Да, женщина, как села с пакетами, так никуда и не вставала.

— Покажите пакет! — крикнула старушка изо всех сил, сотрясая воздух громким голосом.

— Ничего я вам показывать не буду. — Ответила женщина, держа пакеты, зажатые между сиденьями, и абсолютно уверенная в том, что весь тяжёлый груз вместе с пакетами принадлежат ей. Она всё делает правильно. А как иначе? Она так устала от сложившихся обстоятельств и беготни. И откуда взялась эта неугомонная старуха. Может что-то перепутала?

— Покажите вы ей пакет, и пусть отстанет, и успокоится, — вступая в разговор, возмутилась молодая пассажирка с телефоном. Женщина легко выпустила из рук белый потёртый целлофановый пакет. И тут, схватив его, резвая старушка подняла пакет вверх и проскандировала:

— Смотрите! Смотрите! Это мой пакет. Она воровка! Она украла мой пакет. Она и у вас украдёт пакеты! — Торжествуя, крутилась старушка вправо и влево, держа спасённый пакет, как знамя.

Женщина при этом не сделала ни одного движения. И у неё почему-то не возникло даже какого-то протеста. Она сидела, как отрешённая от мира, не понимая, что происходит. Пассажиры, как ни странно, тоже вели себя спокойно. Наверное, в другом автобусе, «доброжелательные» пассажиры при такой ситуации предпочли бы посоревноваться на лучшее оскорбление. По-видимому, в этом автобусе летал неведомый дух спокойствия. И никто не реагировал на возгласы старушки, и это её будоражило. Не увидев солидарности, старушка вышла на следующей остановке, но пока автобус стоял, она ещё раз забежала и прокричала:

— Она воровка! Она и у вас украдёт пакеты! — старалась убедить пассажиров разочарованная старушка, чуть ли не подбрасывая «драгоценный пакет», чтобы на неё обратили внимание.

Молоденькая девушка с короткой стрижкой оторвала взгляд от телефона и удивлённо спросила:

— Она опять зашла в автобус?

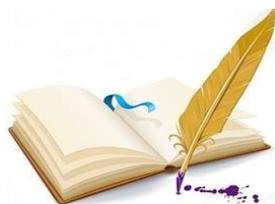
Когда суматошная старушка удалилась из автобуса, и он тронулся с места, то приветливая женщина, которая сидела сзади, обратилась:

— Вы знаете, — и женщина в красной куртке повернулась к ней, — я однажды передала деньги на билет, а затем и свой кошелёк, который был в руке. А потом его искала, выходя из автобуса. И у меня спросила молодая женщина: «А что вы ищите? Я ответила: — кошелёк. А она мне ответила, чуть ли не возмущаясь: — так вы же мне его сами отдали. Представляете, как бывает? А эта взбалмошная старушка. Она не в себе. Я ещё на остановке заметила — старушка ко всем приставала с вопросами. Но с ней никто не хотел общаться. А вот здесь ей представился случай.

— Вы понимаете, — вступая в разговор, сказала женщина в красной куртке. Я поставила пакеты на свободное место. Я в этом уверена на сто процентов. Поэтому забрав их, я сидела спокойно, думая о домашних заботах. Как оказался её пакет у меня в руках? И почему у меня не было никаких реакций на случившееся? Я ведь сидела, твёрдо уверенная в том, что все пакеты, которые я держу в руках, мои. Предполагаю, что, когда я отвернулась, чтобы оплатить проезд, старушка-энтузиастка подставила сзади моих больших пакетов свой маленький. У меня только такое объяснение. Со мной первый раз в жизни происходит такой вопиющий случай. Вот таким образом, получается, и подставляют людей. Это, наверное, предупредительный знак. И мне необходимо взять тайм-аут и отдохнуть, но только после отправки документов.

Дома женщина долго анализировала случившееся, но к другому объяснению так и не пришла. Она рассказала дочери. Дочь смеялась и

спрашивала: как же с тобой такое могло произойти? Но один вывод женщина сделала: больше никогда не ставить пакеты на свободное кресло в автобусе. Тяжело держать в руках пакеты, ручки которых режут без ножа руки, но зато надёжно, и без неожиданных неприятностей.

АЛЕКСАНДР ПАЙДУЛОВ

Тольятти

Родился 18 июня 1956 года в г. Артёмовск Свердловской области. С 1985 года живёт в г. Тольятти. Ветеран ВАЗа. Стихи печатались в журнале «Русское эхо, в альманахе «Стрежень». Автор поэтических сборников: «Одолей, моя Родина, смуту!», «На перекрёстке реальностей», «О времени, о жизни, о себе», «Полёт на НЛО», «Взыскующая лира», «Любить всё живое», «Души и страсти, и порывы», «Девушка по имени Любовь». Член Союза писателей России.

ВЕЧЕРОМ В СКВЕРЕ ИМЕНИ КАЛИНИНА

В сквер спешим влюблённой парой,
Где искрится юный смех...
Я в лирическом угаре
Стих забыл свой, как на грех.

А Любаша лепит ловко
Полновесные снежки.
Рядом бегают плутовка
С ветром наперегонки.

С неба падают снежинки,
Чистотой лаская глаз.
Под Любашины смешинки
Забываю рифмы враз!

Счастье выпало господне,
Отвечаю невпопад.
Сквер Калинина сегодня
На Любашин смех богат.

Под пушистой ёлкой встанем
На исходе января...
Целоваться не устанем...
Люба... молодость... Заря.

* * *

Встаёт заря порой ненастной,
И загорается восток,
Как будто дуэлянт бесстрастный
С усмешкой целится в висок.

Сквозняк гуляет по аллее.
И небосвод печально мглист,
Надежд напрасных не лелеет
Озябший одинокий лист.

Прощальным пламенем сияет
На беспощадном октябре.
Как будто к совести взывает,
Распластанный на алтаре.

Переосмыслить бы ошибки
Осенней этою порой.
И посмотреть вокруг с улыбкой,
Как положительный герой.

Но вновь, как лист осенний, стыну.
На стыке ветра и дождя,
Земную жизнь до половины,
Как Данте сумрачный, пройдя.

БРАТЬЯМ

В разливе рек весеннею порою
Искрится волжский молодой задор...
Ветра, как братья верные, со мною
О русской доле затевают спор.

Не иссякает молодость в волжанах —
Упрямых, работающих, озорных,
На Жигулёвском море-океане
Способных поработать за троих.

За всё про всё скажу судьбе спасибо!
Всё нужное свершилось в нужный срок,
Здесь, волжский жигулёвский неулыба,
Я обрести любовь однажды смог.

Здесь я не шёл накатанной дорогой:
Паденье и подъём — не суета!
Хотя порой казалась недотрогой
Лирическая светлая мечта.

Но свято веря в силу озарений,
И чередуя с удалью задор,
Приветствую новейших поколений
О русской доле неизбежный спор.

* * *

На бедных и богатых поделились.
Примерили намордник нам к лицу.
Застряла в горле княжеская милость,
Отец не верит сыну, сын – отцу.

И жизнь проходит – дуновеньем мига,
И подлость претендует правдой слыть.
И всяческий заморский шаромыга
Нас учит, как нам Родину любить.

А хочется – до боли и до дрожи –
Жить так, как предки жили испокон.
Ведь, ежели реальность подытожить,
Судьба страны поставлена на кон.

То рынок, то дефолт, то пандемия...
В хорошее уже не верю я,
Хоть имя судьбоносное – Россия
Не сходит с губ нахального ворья.

* * *

Заблудившись в космической бездне,
Мы попали на Землю, сюда.
Наш единственный путь не исчезнет,
Оставляем следы навсегда.

На Земле, нашей милой планете,
На Руси, где роднее нам свет –
Пусть рождаются новые дети...
Шлю потомкам горячий привет!

И, распутав судьбинушки путы,
Окажусь я на Млечном Пути...
Там и вечность – как будто минуты,
Там нетрудно дорогу найти.

Ну а здесь – все страдания измерив,
Как святыню, мы Русь сохраним,
Чтобы в счастье грядущего верить,
И идти неустанно за ним.

* * *

Нерадостны что-то прогнозы,
Нахмурилась волжская высь...
Меня обступили берёзы,
И листья, как свечи, зажглись.

И каждую хрупкой травинкой
Наш мир принимает грозу ...
И дождик целует тропинку
В покорно притихшем лесу.

Пусть струйки дождя – виртуозы –
Сплетают искристую нить,
Смывая усталые слёзы –
Негоже мужчине грустить.

Я только с тобой был счастливым
И боль эту в сердце несу...
А дождь, превратившийся в ливень,
Целует тропинку в лесу.

* * *

Лето грустно клонится к закату,
Словно этот пасмурный денёк,
Что, печалью августа объятый,
Неприкаян так и одинок.

Сравнивать с собою смысла нету.
Дочка есть и внуки у меня...
Есть призванье русского поэта.
Что грустить, судьбинушку кляня?

Не слонялся в жизни по Парижам,
Да и счастья не искал вдали...
Но зато друзьями не обижен
На просторах милой мне земли.

И когда порою соберётся
Все моё семейство за столом,
То в окно заглядывает солнце
И грустить не надо о былом.

СНИСХОДИТ СНЕГ

Снисходит снег! Сначала незаметно,
Потом всё явственней с небес летит.
И на глазах пейзаж осенний бедный
Кристалльный чистый принимает вид.

Бесснежье уступает белоснежью...
Любовь моя, зачем ты хмуришь бровь?
Смотри, какой он нежный и безгрешный –
Наш первый снег, как первая любовь.

И сердце от восторга замирает
В плену у первозданной тишины.
Снисходит снег и землю одевает
В шубейку горносталя до весны.

Я ВЕРЮ В ЭТО!

Реальность мира принимаю,
Такой, как есть... и без прикрас.
И в холод зим, и в светлом мае
В Россию верю я сейчас.

Уйдёт всё зло, исчезнет ужас
Усталых, безнадёжных дней,
И снова в вальсе нас окружит
Сирень. И станет веселей.

Я верю в это! Жизнь не вправе
Надежду, веру обмануть.
И бога власть страну заставит
С тропы гибели свернуть.

* * *

Бездонность неба надо мною...
Лежу, качаюсь в гамаке...
Припомнил детское, родное,
Что скрылось в прошлом, вдалеке.

Там мать меня качала в зыбке,
Скрипел над зыбкой тихо крюк...
И свет от маминой улыбки
Всё озарял, что есть, вокруг.

И было так легко, покойно
Лететь, лететь сквозь тьму времён...
Под песню, что лилась привольно,
И погружаться в сладкий сон.

И там, во сне, как близость счастья
Понять, как светел с мамой путь...
Ах, мама! Нет на свете власти
Тебя, родимую, вернуть!

ДИКИЕ СЛИВЫ

Лесная глушь расщедрилась плодами.
И вот в разгар сентябрьского дня,
Светясь в листве лиловыми боками
Призывно смотрят сливы на меня.

Обласканная свежестью лесною.
Откуда, слива, ты взялась в бору?
Со здешней подружилась тишиною
И нежишься на ласковом ветру.

Ты путников плодами угощаешь
Шушукаешься с соснами в тиши.
Чужой себя отнюдь не ощущаешь
И сливы несравненно хороши!

А в лес-то приходил я за грибами...
Ты вслед мне машешь: «Приходи ещё!».
И светится лиловыми плодами
Корзинка, оттянувшая плечо.

* * *

Зимняя стужа уходит... С рассветом
Вновь оживляется сонный ручей...
Лес, серебристой вуалью одетый,
Солнце встречает объятьем ветвей.

Снег исчезает под тёплыми днями,
Только ночами вдруг новый ледок
Странно возникнет, чтоб в полдень лучами
Вновь превратиться в ручьи у дорог.

Несколько дней – и сугробов не будет.
Сколько уж вёсен случилось пройти,
Только вот эта поутру разбудит
Радость в сердечке на добром пути!

Будто бы то же, что было и прежде,
Только мне ветер по-новому свеж,
Треплет порывами лихо одежду...
Время весны, перемен и надежд!

* * *

Вечерний воздух тихий, свежий.
Спокойно, нет и ветерка.
И цвет берёз – пока что нежный,
В листве – ни жёлтого листка!

И летней негою последней
Я чую, нежатся они,
Глядят в закат пурпурно-медный,
Не зная будущие дни.

Берёзы счастье посетило
Перед осеннею порой...
И обнимаюсь я с берёзкой милой,
Прощаюсь с летнею красой.

Душа Вселенной

Она одна – душа Вселенной.
Одна на всех, живущих в ней.
Её сознание – сокровенно
Среди веков, годов и дней.

Милы галактики свеченьем.
Повсюду мерность и закон,
В котором стройное течение
Событий, данных испокон.

Живёт душа большим размахом!
В ней все, как есть, отражены:
Без тени слабости и страха.
Мы звёзды в ней! И все – нужны!

ДАЛЬНИЙ БЕРЕГ

На берег Волги выйду спозаранку.
Какая тишь, да гладь, да благодать,
И увертюрой птичья перебранка
Звучит, и далеко её слышать.

Покрыт росой зябкой подорожник...
Любуясь на предутренний мираж,
Вздохну: «Ну почему я не художник?
Всё это так и просится в пейзаж...»

До сладкой боли это всё знакомо –
Лесок неброский, скромные цветы,
И я здесь вовсе не в гостях, а дома!
Вот-вот из леса – знаю! – выйдешь ты.

Но ты, увы, не выбежишь навстречу,
И, обречён на вечный непокой,
Я образ твой в стихах увековечу,
Как этот тихий берег за рекой.

КОВАЛЬКОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ

Ярославль

Родился в 1962 году под Ярославлем, в деревне Красная Горка. Окончив в 1990 году Ярославский политехнический институт по специальности «инженер-конструктор двигателей внутреннего сгорания», работал инженером-технологом, а затем связал свою жизнь с провинциальной журналистикой. В 90-е годы XX века и в новом столетии работал корреспондентом и главным редактором заводской газеты, редактором заводского радио, корреспондентом и заведующим отделом ярославской областной газеты «Губернские вести», корреспондентом областного телеканала «Центр-ТВ» и руководителем редакции информационных программ ВГТРК «Ярославия». В 2001-2017 гг. заведовал отделом социально-экономической жизни областной газеты «Золотое кольцо», был главным редактором областной газеты «Ярославская неделя», заместителем главного редактора областной газеты «Северный край Ярославский регион». В 2017 году занимал должность пресс-секретаря Музея истории города Ярославля. С 2018 года и по настоящее время – главный редактор областной газеты «Караван-РОС». Первые поэтические публикации Вячеслава Ковалькова появились в середине 80-х годов на страницах многотиражной газеты. В 1999 году в Ярославле был опубликован его первый поэтический сборник «Барышне в альбом». В 2010 году там же увидела свет вторая книга стихотворений — «По волне моей». В 2016 году в Ярославле была опубликована первая книга прозы В.А. Ковалькова «Век серебряный, столп медный». В 2017 году он был принят в Союз писателей России, около года возглавлял ярославское областное отделение этой общественной организации. В мае 2019 года добровольно вышел из СПР. В июне 2019 года вступил в Литературное сообщество писателей России. 14 июня 2019 года назначен директором ЯРО ЛСПР. Член Союза журналистов России с 1995 года; член совета Ярославского областного отделения СЖР.

АНТОНИНА МИЛОССКАЯ

Светлой памяти медного столпа посвящается

Все дело в гребле

Не один десяток лет стоит внушительная женская фигура в угловой нише здания на улице Советской. Девушка в полуповороте демонстрирует крутое бедро и поднятый над головой мяч. Эротика эпохи монументализма сквозит даже через обозначенный в камне купальник. Почему, кстати, с мячом, а не с веслом? По тем временам предпочтение отдавалось гребле. То ли народу предлагалось налечь на весла и в темпе продвигаться к светлому будущему, то ли просто в моде были байдарки. Только спортсменов ваяли в обнимку с веслами – не с лодками же. А наша, ярославская – с мячом. С чего бы это?

– Да, с того самого, голубчик, что Гошка больно в футбол любил гонять по молодости.

– Ху из Гошка, то есть при чем здесь футбол, сопливый пацан, в него игравший, и каменная матрона в нише? – интересуюсь я у согбенной

бабули, которая прошамкала фразочку, заметив мое любопытство к монументальной лепнине.

– Так ведь это ж я там с мячиком-то...

– С каким мячиком, бабушка? Ау, гражданочка, девочка на шаре?

– Да я тогда, голубчик, уже не девочкой была. Но если надо, могла бы и на шар взобраться.

– Так это что же получается? С вас, что ли, скульптор фигуру эту ваял?

– Долго же до вас, молодых, доходит. С меня, конечно, неужто не видишь!

Не такой уж я молодой, но до меня дошло не сразу. Старушка представилась Антониной Валентиновной, говорит, что «хоть годков и много, но еще о-го-го!» Действительно, старческой неопрятности не замечалось: шубка с претензией на стиль, почти незаметно побитая молью меховая шапочка и яркий макияж. Прямо, индийские мазила. Через дорогу, в кафе «Полина» (столовая № 1, обкомовская), Тоня, так она просила себя называть, за чашкой кофе с коньяком поведала про дела давно минувших дней, преданья старины, уж извините, глубокой.

Далеко не каждому удается лицезреть себя воплощенным в камне. Когда-то жили и тихо почили люди, с которых Роден ваял в Париже знаменитый поцелуй или Вучетич взметнул на Мамаевом кургане Родину-мать. А Антонина Валентиновна, натурально, местная Венера Милосская. Притом живая еще, хотя и порядком одряхлевшая. Говорит пришепетывая, довольно бойко, вплетая в разговор события разного времени. Способность сохранять ясность памяти и стройность рассуждений, несмотря на почтенный возраст и толику спиртного, еще больше возвысили бабулю в моих глазах.

Ну так как же, каким образом проистекали таинственные отношения художника и модели? Как в задымленности ярославского ландшафта взору Аполлона явилась легконогая нимфа и тронула своей красотой божественные струны его инструмента? Лиры, кажется. Какой такой прибрежный грот послужил им кровом?

Путем ткачих

Тоня была простой ткачихой с Перекопа. Ни о каких художественных изысках понятия не имела. Как все девчонки, бегала в киношку и рыдала над популярной в то время индийской картиной «Бродяга». В пожилом возрасте ее в высшей степени потрясла мелодрама «Бобби». Тоже индийская. То есть несмотря на все перипетии судьбы, эстетические претензии бабули остались на уровне цеха ткацкой фабрики.

Молодая Тоня занималась в кружке ОСОАВИАХИМа. Пожилые люди помнят – это общество содействия армии, авиации и химической промышленности. Предшественник ДОСААФа, который тоже угробили,

до кучи, с тоталитарной системой. Сегодня детишек на физкультуру палкой не загонишь, а в ту пору молодежь всю готовилась к труду и обороне. Девчонки не отставали от пацанов – бегали, метали учебные гранаты, прыгали с парашютом.

Аккуратно интересуюсь, не пришлось ли Антонине Валентиновне встречаться с нашей знаменитой Чайкой – Валентиной Терешковой. Та ведь начинала путь в космос тоже из ткачих, из летного клуба не вылезала.

С Терешковой у Антонины Валентиновны провал. Разминулись они во времени. Подозреваю, что Тоня прыгала с парашютом намного раньше первой женщины-космонавта. И когда юная Валя взмывала над Ярославлем на учебном самолете, уже вполне созревшая Тоня погружалась в угар полубогемной жизни на душной палубе ресторана «Поплавок». Это заведение покачивалось в ту пору на волжских волнах (сегодня там «Волжская жемчужина»), и нынешний ярославский «Поплавок» в пойме Которосли – лишь слабое отражение отшумевшего собрата.

Старина Корбюзье

Однажды за столик подсел продвинутый такой молодой человек. Широкий пиджак, взбитый чуб, одним словом, стилига. Это был Георгий Гаккен – прогрессивный молодой скульптор из среды «золотой молодежи». Гоша демонстративно мусолил «Беломор», какого-то Корбюзье называл «старина Корбюзье», восхищался Эрнстом Неизвестным, но говорил, что тот не умеет зарабатывать деньги.

Тоня хлопала глазами, по-дурацки хохотала в самых неожиданных местах и проникалась чувством. «Кто такой этот Корбюзье? Он родственник твой, что ли?» – ни секунды не думая, по привычке ляпнула фабричная девчонка. И тут же осеклась. Знакомый жестко прищурился, и она поняла, что сейчас получит в ухо. В ее амурной практике такое случалось. По молодости, говорит, была крайне неразборчива. Но художник ведь не вохровец какой. Пронесло.

Впредь всякую «ерундицию» она проявляла осторожней. Но за прыткий язычок свой, очевидно, страдает до сих пор. Об этом говорил левый глаз, густо замазанный тональным кремом.

Поплавковое знакомство стало первым шагом Антонины Валентиновны на пути в анналы ярославского зодчества. Развитие отношений Тони и Гоши можно проследить на примере воплощения образов. Старушка закатывает глаза под потолок со словами: «Ой, что вы, голубчик, поначалу он лепил меня только в одежде».

Близнецы-братья

Женщина в тоге с фолиантом в руках, изображающая науку и знание, стала первым воплощением возникших симпатий. После ночной смены

Тоня шла в мастерскую, и там Гоша драпировал ее в ткань. Он старательно располагал складки, потел над каждым изгибом и твердил, что в данной работе это главное. В руку Антонине он совал стиральную доску – чтобы легче держать было. Тоня чувствовала себя кинозвездой, а после двух-трех часов позирования не чувствовала себя вообще. Вспотевший Гоша отпаивал подругу шампанским и приговаривал: мол, я ж тебя на проспекте поставлю, весь Ярославль на тебя смотреть будет.

Параллельно со статуей науки прогрессивный скульптор ваял фигуру искусства. Разница-то несущественная, особенно для человека малоосведомленного. Как Зита и Гита из одноименного индийского фильма. Как партия и Ленин – близнецы-братья. Формула и расчет легко укладываются в те же скульптурные формы, что и вдохновение с интуицией. Во всяком случае, это блестяще доказал ярославский скульптор Георгий Гаккен. За что ему самому полагается памятник воздвигнуть.

Вместо стиральной доски он втиснул в гипсовую заготовку перепачканный красками мольберт – получилось убедительно. Чиновники приняли на ура. Гоша, очевидно, уже прекрасно ориентировался в подводных течениях мутного потока под названием «госзаказ». Поток хорошо кормил, если не обращать внимания на некоторую замаранность идеалов чистого искусства. Обалдевшей ткачихе эти душевные борения были неведомы. Она и по сей день считает, что «наука» и «искусство» есть чистейшей прелести чистейший образец.

Позже я прошелся по местам боевой славы скульптора Гаккена. По тем из них, о которых помянула моя побитая молью участница событий. Я попытался представить создателя в момент его вдохновенного взлета. Я встал на его место. Я понял, что чувствует Церетели, проходя по столице, а наш Мухин – по нашей Стрелке. Я ощутил себя, по меньшей мере, Шемякиным. Я был готов придушить любого, кто бы вякнул, что это халтура. Прохожие, завидев меня, шарахались в разные стороны.

А где-то там, в прошлом, захмелевшая Тоня только глупо улыбалась и не верила ни одному слову скульптора. Когда она увидела себя в угловой нише дома, выходящего на клуб «Гигант», то чуть не упала. Лип в ту пору не стояло, прикрыться было нечем. А может, деревья уже посадили, только сажены не могли скрасить пустоты пространства. Сейчас Антонина Валентиновна этого уже точно не помнит. Осталось лишь ощущение, что тебя выставили в исподнем перед целой демонстрацией. В «Гигант» на танцы собирался не только городской народ, но и молодежь с окраин. Ей казалось, что ее узнает чуть ли не каждый.

Так встала статуя искусства. А изваяние науки обратилось в сторону парка, где резвились дети и птицы. Невинные существа. Перед ними было не так стыдно.

Стыдно, когда видно

Прогрессивный скульптор получил приличный гонорар, и палуба «Поплавка» закачалась. Штормило неделю. Гаккен глумился над «старинной Корбюзье» и без конца твердил, что французик из Бордо загнулся бы в этой гребаной глухомани, а он вот умудряется разумное, доброе, вечное сеять. При слове «сеять» Гоша укладывал руку Тоне на зад и обещал из нее «наяду сделать». Счастливая ткачиха поинимала, что такое «сделать», а вот «наяда» ее настораживала. Антонина Валентиновна сегодня смеется: дескать, не знала тогда, что наяда – это всего лишь змея водяная. Не спешу разубедить старушку, лучше послушать дальше.

Как-то поутру еще сонный Гоша произнес знаковую фразу: «Теперь пора лепить в натуре». Отношения художника и модели поднялись как раз на тот уровень, что только природы и не хватало. Так появилась обнаженная Антонина-первая. Она как раз и была с веслом. Гипсовую фигуру установили в парке культуры и отдыха шинного завода на Волжской набережной среди прочих футболистов и дискоболов.

Стоять в компании на всеобщем обозрении оказалось не так стеснительно. Зато и славу пришлось делить. Однако же недолго. Знойное воплощение советской школы гребли было варварски расстреляно в год смерти Сталина. Напоминаю Антонине Валентиновне, что нынче круглая дата кончины вождя и одновременно ее гипсового изваяния.

Уголовщина в парке культуры

А пятьдесят лет назад в парке культуры случилась дикая заварушка со стрельбой. После смерти Иосифа Виссарионыча его сподвижник Берия повыпускал из тюрем даже самых отпетых уголовников. И началось... На танцы в те времена тоже в подпитии ходили. Ну и зацепился один фраер за другого. И давай учить друг друга по фене ботать. Слово за слово, телом по столу – завязалась драка. И так она резко набрала обороты, что даже гипсовый футболист в челюсть получил.

А народу было человек триста. Девицы с визгом бросились наутек. Из женского пола среди разъяренного мужичья осталась только Тоня с веслом. Замелькали финки, засвистели над головами ремни с литыми бляхами, кто-то уже хрипел под ногами. Уронили конного милиционера вместе с лошастью. Тот заорал громче животного.

Тогда власти вызвали на подкрепление вооруженных курсантов из военного училища. Те оцепили парк и стреляли в каждого, кто высунется из-за забора. Осаду держали чуть ли не сутки. Стрельба шла с обеих сторон. Война ведь буквально вчера закончилась, оружия в стране было навалом, особенно у блатных.

Когда народ остыл, посчитали убытки. Антонина Валентиновна говорит, что были убитые и раненые. Фигура спортсменки лежала на земле и была перепачкана кровью. Очевидно, кто-то из подстреленных за ней прятался. Она раскололась в нескольких местах. Лицо было разбито вдребезги шальной пулей. Говорит, когда увидела – заплакала. Георгий Гаккен внимательно осмотрел пострадавшую со всех сторон, прищурился и сказал: «Полнейшая хана». Потом взял под руку плачущую Антонину и поволок в сторону «Поплавка». Так речной ресторанчик наряду с фуршетом по поводу рождения изведаль тризну по случаю гибели.

Помпея по-ярославски

И Гоша решил, что никаких больше весел. Однажды Тоня заметила в его мастерской монтажные пояса, каски, робы и прочую строительную амуницию. Появился даже фрагмент кирпичной кладки. Перепевая известный советский шлягер из фильма о веселых ребятах, Георгий насвистывал: «Нам стройка пить и любить помогает...» Антонина Валентиновна вспоминает, что думала, он будет лепить ее обнаженной для композиции «Последний день Помпеи». Она видела среди прочих такую картинку. Ей даже нравилось очень. Такой трагизм, мир рушится, а люди спасают детей и стариков. На глаз наворачивалась слеза. Потом скульптор прямо на репродукции порезал селедку, остатки трапезы завернул в замусоленную бумажку и выбросил в ведро. Помпея сгнула еще раз, уже в Ярославле.

Теперь Тоня позировала в брезентовых штанах, гигантских башмаках и с красной косынкой на голове. Она еще тогда удивилась, почему именно красной. Ведь мастер не собирался раскрашивать свою работу в разные цвета. Задала по этому поводу вопрос Гоше.

Гаккен пожевал «Беломорину», прищурился и посмотрел на Тонию как на последнюю дуру. С досады даже наотмашь жахнул комок глины обратно в ведро. Дескать, молчи, ткачиха, коли не понимаешь, я же вот не лезу в твои веретена и, как их там, пальца разные.

Тоня прикусила язык и поняла, что под горячую руку мастера лучше не попадаться, тем более когда на ладони лежит увесистый кусок материала. Он мог бы полететь в другую сторону.

Теперь фигура женщины-созидателя наряду с мужчиной подобной же профессии украшает фронтоны клуба Строителей на улице Кудрявцева. Когда Гаккен успел слепить мужика и его ли рук это дело, Антонина Валентиновна точно сказать не может. Кроме Гоши, прочие мужики ее тогда совсем не интересовали.

Любить по-крупному

Говоря это, она отводит в сторону глаза и берется за помаду, чтобы поправить губы. И сообщает, что Гоша любил, как лепил. Делал это неистово, брал целиком, в полную ладонь. Детали доводил после. Если силы оставались. Всякие там шпицштихели да болштихели его не касались. Скульптор – это ведь не гравер какой-нибудь, чтобы с козьями разными колупаться.

Раз уж заговорили о любви, то осторожно интересуюсь, насколько верен был своей страсти ее Орфей. Может, он еще кого использовал в разных творческих качествах. Брови собеседницы подлетели под самую шапочку: «А как же иначе, голубчик, как же иначе...»

Я озадачен. Ни фиги себе, думаю, мы тут сексуальную революцию вершили в жаркие моменты перестройки и даже некоторый последующий период, а в Ярославле уже свершилось всё давным-давно. Я так подозреваю, что и капитализм отсюда никуда не уходил с момента мятежа 1918-го года, когда в гостинице «Бристоль» прихлопнули комиссара Нахимсона. Чего он там делал, в номерах-то? Сексуальную революцию, что ли?

У прогрессивного скульптора имелись, оказывается, уж не знаю насколько его порочащие связи. Бабуля воспринимает это как сплошное художественное полотно. Утверждает, что к этому так относилась на протяжении всей жизни. Вспомнив об индийских «Бродяге» и «Бобби», охотно верю. Говорит, мол, Гошу не устраивали размеры отдельных частей ее фигуры. Ну, вот бюста, например. Разгоряченная коньяком и кофе, бабушка пытается расстегнуть шубку на груди. Я чуть не подавился. Что вы, что вы, неужели я посмел бы не поверить!

На этот случай имелась некая Люська с молокозавода. Я представил, какой она имела бюст. Тоня, так просила называть себя собеседница, подтвердила мои догадки: «Такой, такой...» Что-то я не видел в нашем городе похожих изваяний. Может, это невосполнимая потеря? Поезд ушел. Люське нынче тоже, поди, за 80, если жива еще. Теперь о ее бюсте не может быть и речи.

Бабушка хихикает, дескать, в скульптуре девушки с мячом всё ее, Тонино, только мяч вылеплен с Люськиных прелестей. Меня бросает в жар. Наверное, от кофе. А может, от коньяка. Хотя, возможно, и от Люськи.

Губа не дура

Еще одну страсти звали Нина. Эта была худой и долговязой. В скульптурной композиции на площади Труда она дотягивается до мяча. А Тоня та, что пониже. Между ними не хватает только Гоши Гаккена. При

жизни он там чувствовал себя в кураже. Собеседница до сих пор удивляется буйной фантазии творческой натуры.

«На всё хватало мужика», – вздыхает она.

Пытаюсь ее утешить, мол, не перевелись на Руси богатыри. Она заинтересованно смотрит в мою сторону. Я пожалел, что рот открыл.

Бабуля неожиданно встает из-за столика. Я подумал, что в туалет. Сижу, допиваю напиток. Когда понял, что она просто ушла, было поздно. Прописная истина, что от халявы еще никто не уходил, на этот раз не сработала. И что там стало с Гаккеном, неясно.

Давно нет на Волге того изначального ресторана «Поплавок», где встречались художник и модель. На его месте сегодня «Волжская жемчужина» с иными персонажами. У «Гиганта» выросли огромные липы, а в детском парке их, наоборот, спилили. Чтобы вороны меньше гадили. Вглядываюсь в гипсовую фигуру с мячом и понимаю ваятеля – губа была не дура. Было чем вдохновляться. На память приходят строчки:

*Так, значит, вовсе нет халтуры,
Коль прах способен на полет.
Ну, что с того, что бабы – дуры.
Зато творение поет.*

ИГОРЬ МИШЕНКОВ

Тверь

Родился в 1971 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Военную службу проходил в Группе советских войск в Германии. Стихи пишет с 2016 года. Печатался в журнале «Сызранская излучина», электронном литературно-художественном альманахе прозы и поэзии «Новый российский писатель». Автор поэтических сборников "Пусть любовь украшает ваш дом" (2019), "Лабиринт" (2021), "Узы дружбы" (2022). Ресторатор. Инструктор по каратэ-до.

НЕ ПОЗВОЛЯЙ СЕБЯ ТЕРЯТЬ

Не позволяй себе, мой Друг,
Себя терять в часы напастей -
Имеем право мы на счастье
В тревоги дни, в разгулье вьюг!

Беда коварна: ждёт от нас,
Что мы в её прихода час
Свой нос в смятении повесим -
Таковыми мы ей в самый раз.

*Мы приходим из тьмы и уходим во тьму,
Кто бесследно, а кто - оставляя след.
Для чего - это ведомо только Ему,
Для чего-то когда-то создавшему Свет...*

О ВЕЧНОМ

ИСКАНИЯ

Снова тщетно пытаюсь найти ответ
На волнующий долгие годы вопрос:
Для чего появился на этот Свет,
И за что на том Свете мне будет спрос?

Вновь подушками пальцев стучу в виски
И от мыслей о вечном болит голова.
Почему у людей не всегда по-людски,
И с делами расходятся часто слова?

Мной развенчаны мифы о братской любви,
Мной доказано: правды у сытых нет;
Благородству не учат, оно в крови;
На заказ не творит настоящий поэт...

Мы приходим из тьмы и уходим во тьму -
Кто бесследно, а кто - оставляя след.
Для чего? Это ведомо только Ему,
Для чего-то когда-то создавшему Свет.

СКВОЗЬ ТЕРНИИ

В тысячный раз открываю заново
Книгу написанной кем-то повести;
Старенькой сцене шью новый занавес,
Новое прозвище - выцветшей совести.

Нет искупленья грехам без раскаянья,
Платьем не скроешь изъян неисправленный;
То, за что держимся крепко, отчаянно,
Часто свободой пахнет подавленной.

Как успокоиться в гонке немислимой?
Как получать без надрыва, что надобно?
Слаще ль, что в схватке безумной выстрадал?
Горько ли всякое варево-снадобье?..

В лодку сажусь и срастаюсь с веслами -
Путь мой отныне лежит по течению.
В детские игры играя со взрослыми,
Прячу за пазухой крест на везение.

ДОВОЛЬНО ВОЙНЫ

...А, впрочем, не довольно ли войны?
И нужно ль жить извечною тревогой?
Я радуюсь пришествию весны -
Лучам на подоконнике пологом;
Капели звонкой, что ласкает слух
Уж день который в нашем Подмосковье;
Шальному воркованию пичуг;
И кошке, задремавшей в изголовье.

Довольно тьмы! В окошко новый март
Стучится, наполняя предвкушеньем.
И я бегу в весну - там новый старт,
И зимних снов моих разоблаченье.

ЛЕТИ, МЫСЛЬ!

В глубине черепной коробки
По отлогим ухабам мозга,
Фору делая чувствам робким,
Скачут мысли мои, как козы.

Подстрекают меня к поступкам,
Наставляя на путь исканий.
Мысль - души моей теплой рупор,
Мысль - мерило о жизни знаний.

Спится плохо - привыкший думать
Днем и ночью, такая штука,
Даже если хмельной я в умат,
Даже если не гложет мука.

И никак не найти мне вожжи,
Что коней этих сдержат морды;
И морщины от дум на роже
Пуще тех, что мне дарят годы.

Может взять, и не думать вовсе?
Всё о жизни расскажут книги.
Но, привыкши с весны, под осень
Уж не возьмётся по-новой мигом.

Да и с думами мне - что надо,
До всего мне дойти охота
Головою своей, чтоб складно
Мне читалось Дюма и Скотта.

КОГДА СТРАДАЕТ ЧИСТОТА

Когда страдает чистота
От рук завистников корявых,
Мне жаль не ран её кровавых -
Всё встанет на свои места,
Всё заживёт, лишь дайте время,
И обратится тело в кремень,
И вновь задышит чистота.

Мой страх иной за чистоту:
Когда немытые ручища

Лицо её наощупь ищут,
Чтоб грязью смазать красоту,
Скорблю, что вновь в чести манеры
Иметь нахальство рушить веру
В любовь, в добро и в чистоту.

СЕГОДНЯШНИЙ Я

Я расставить над «и» точки
Тороплюсь - точек много, а «и» одна.
Мне порою хочется очень
Замолчать, хоть ещё моя мысль не ясна.

Часто я ухожу сутулясь,
Чтоб не видели силу моей спины,
В капиллярах пустынных улиц
Оставляя осколки Кувшина Вины.

Я спешу отыскать ключик
От двери, за которой припрятан мой крест.
Мой берёдит рассудок Тютчев,
И его незабвенный, нетленный лес*.

Поколение моё уходит,
А у тех, кто остался, колени хрустят.
Уж не молод и я, вроде,
Но неслыханно юн моих планов стяг.

** «Дым» (Здесь некогда могучий и прекрасный...) Ф.И.Тютчев, 1867г.*

ДОБРЫЙ – НЕ ЗНАЧИТ СЛАБЫЙ

Почему те, кто с нами по-дружески,
Часто выглядят как-то... не мужественно?
И совсем уж неубедительны
Те, кто с нами весьма обходительны.

Или вот ещё чудики - вежливые.
Те совсем, словно с времени прежнего:
Без «спасибо» не могут, а «здравствуйте»
Говорят всем и всюду с пристрастием.

Почему, если добр, то кажется,
Что такой ни на что не отважится,

И его, добряка, за пришибленного
Принимать мы привыкли ошибочно?

С силой часто мы ассоциируем
Тех, кто нас там и здесь провоцирует,
Тех, кому наплевать на приличия
От приличных людей в отличие.

В тему эту имею я мнение:
Доброта часто есть проявление
Обладателя силы недюжинной.
Не спеши, стало быть, незаслуженно

Наделять человека приветливого
Ярлыком слабака бесхребетного -
За радушием встретить можно
Тех, кого победить невозможно.

СЛОВО С ДЕЛОМ

Мы твердим: время лечит раны;
Мы бубним: точат воды камни...
Почему мы всегда гуманны,
Пока окна скрывают ставни?

Почему, только выйдя за двери,
Сторонимся домашних истин,
И от нашей диванной веры -
Ни клочка, как от жжёных листьев?

Почему присягаем клятвам,
Когда требует клятвы время,
Но чуть что - и слова проклятья
Льём из уст, как на землю семя?

А задуматься б на минутку:
Как велики мы были б, люди,
Если б были покрепче скруткой,
Если б бросили словоблудить?!

Если б так: как сказал - так сделал!
Если б подняли в весе слово –

Вот за это душой и телом
Я болеть навсегда готовый.

ДОНЧАНАМ

Мы с вами в эти дни, сыны Донбасса!
И были рядом эти восемь лет,
Когда из года в год, от часа к часу
Беды все явственней маячил силуэт.

Когда завистники к свободе вашей воли
Бросали лап своих немых злую плеть,
Мы, стиснув зубы в состраданьи к вашей боли,
Молили Бога, чтоб отвёл старуху-смерть.

Мы были рядом, пусть незримо, знайте это,
И не останемся и ныне в стороне.
Расплата близко! И врагу его монетой
Воздаст Россия за удары по спине.

Своих не бросим, как кому бы ни хотелось,
У нас в чести живот для друга не жалеть.
Храни вас Бог, и пусть пребудут с вами Смелость,
И Вера в Правду, и стоять за землю Честь!

ПОЖИЗНИ ОСТАВЛЯЯ ЗА СПИНОЙ

Полжизни оставляя за спиной,
Что взять с собой решусь, а что забуду?
В висках не тронут, впрочем, сединой,
И не снискал определения зануды;

Прочтённых книг по пальцам перечесть,
Дел завершённых мало, ой как мало;
Не падок, к счастью, на хвалу и лесть,
Но скор весьма на беспричинные скандалы.

Что ж до ума, не мне судить, но если взял
Я мудрость времени хоть капельку - отрадно;
А коли нет, и дров немало наломал,
То всё ж живой, и оттого не столь досадно.

Я наследил - и в том есть Божий знак –
В тысячелетях двух, не чудо ль, право?!

И в двадцать первом свой продолжу шаг,
Не менее уверенный и бравый.

О да, полжизни, что полгода: раз - и нет!
Полдела сделано, но больше половины
Осталось всё же - мой таков тому ответ,
Кто время меряет часами и аршином.

«УЧИТЕЛЯМ»

За тех, кто учат, как мне жить,
Я поднимаю тост!
За нас двоих им суд вершить,
Мой путь же тих и прост.

Им не даёт покоя всех
Моих ошибок шлейф;
На мне ж - лишь мой единый грех.
Налей мне, друг, налей!

В трудах их дни, их тяжек крест:
Влача свои тела
И будней сдерживая пресс,
Мои судить дела.

Я ж празден, сыт и лишь собой
Занятым поглощён;
Тогда как зыбок их покой -
За мой радеют сон.

Глубок и долог реверанс
Вам будет мой, о да!
И отрабатывать аванс
Не месяцы - года...

P.S.

Я конечно смеюсь, это ясно.
Мой читатель поймёт всё прекрасно!
Прежде чем в дверь чужую просовывать нос,
Ты себе адресуй очень важный вопрос:
«Достаточно ли совершенен я сам для того,
чтобы иметь право искать несовершенство в других?»...

АНДРЕЙ ПУЧКОВ

Сосновоборск

Родился 24 июля 1963г. в посёлке Хандальск, Абанского района, Красноярского края. После демобилизации из Советской Армии служил в МВД на различных должностях. В 2006 г. вышел в отставку. Печатался в журналах, альманахах и коллективных сборниках России. Лауреат международного литературного конкурса «Русская душа», посвященного 90-летию В. М. Шукшина, проводимого Международным союзом русскоязычных писателей, литературного конкурса Русского Космического Общества «Империиум Человека – Эра Косматики», творческого конкурса, посвященного противодействию идеологии терроризма и экстремизма в номинации «проза», победитель второго Международного конкурса русской литературы "ЛитПроСвет".

УДАЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Я стоял на холме и смотрел на деревню, мирно посапывающую под снежными барханами. Солнце, покрасневшее от мороза, гигантским колесом медленно и величественно катилось к земле, разбрасывая в стылom воздухе багровые сполохи. Тишина стояла такая, что даже не верилось! Я переступил с ноги на ногу, чтобы услышать скрип снега и вынырнуть из безмолвия в реальность. Тишина. Казалось, что застывший воздух сковал все звуки, которые могли бы появиться в этом таёжном зимнем безмолвии.

– Эге-ге-ге-е-е-е!.. – заорал я в надежде, что крик всколыхнёт лесную глушь и покачнёт неестественно прямые, упирающиеся в безоблачное вечернее небо, неподвижные столбы белого дыма, поднимавшиеся от каждой избы.

– Эге-ге-ге-е-е-е!..

– Э-э-э-й! Степаныч!.. – услышал я сквозь сон голос Мишки «Черепка» и, открыв глаза, уставился на мощные брёвна блиндажного потолка.

Вставать не хотелось, тем более после такого сна. Закрывать бы опять глаза да досмотреть!.. Может, и морозец почувствую! Может, он нос и уши пощиплет! Как тогда, в детстве...

– Ну и чё ты как потерпевший орёшь? – зевнул я, выбравшись из блиндажа в окоп, и зябко поёжился, вопросительно посмотрев на напарника.

Мишка, приткнувшись к брустверу окопа, вкусно чавкал бутером и через бинокль всматривался в сторону нашего тыла.

– Ты чего? Пути отступления себе, что ли, намечаешь? – поддел я Мишку и, сев рядом на пустой ящик от патронов, потянулся. – Бандерлоги, они вроде как с другой стороны, ничего не попутал?

– Да не-е-е!.. Тут другое! Кого-то нелёгкая занесла! БТР, вон, эскортом. Значит, опять кто-то там, наверху, что-то придумал, а мы эти задумки воплощать будем!

– Это верно, – согласился я, встал, ещё раз потянулся и, поудобнее устроившись на ящике рядом со своим вторым номером, коим Мишка и является, спросил:

– Куда смотреть-то?

– Да вон, возле бывшей водокачки восьмидесятый пристроился! Видишь? Из-за него тёмно-синий крузёр морду высунул. Вот на нём гости и прибыли.

– Ага, сейчас глянем, – пробормотал я и навёл СВД на кучку военных, которые топтались возле своих машин и с любопытством осматривались по сторонам.

Прижался щекой к упору и привычно убрал в прицеле полутени. Поймал себя на мысли, что на автомате подгоняю фигурки людей под разметку и определяю расстояние до них.

– Вот бы кто-нибудь сообщил им, что они на мушке у снайпера, – хихикнул Мишка, – на цирк бы посмотрели!.. На куриный!

– Это точно! – поддакнул я напарнику, не отрываясь от прицела. – Носиться начнут покруче клуш деревенских! Штабные почему-то думают, что суетливой беготнёй можно создать проблемы снайперу.

И я сплюнул, вспомнив, как «азовские» стрелки разом грохнули трёх наших штабных офицеров, которых нелёгкая занесла на линию разграничения. Не получилось у них от пули убежать! От пули надо прятаться, а не бегать. Хотя...если умеючи... Но откуда у них возьмутся эти специфические навыки.

Мы с Мишкой отобедали, закончив греметь ложками по котелкам, и теперь неторопливо смаковали чай. Я осторожно прихлёбывал из большой фарфоровой кружки горячий напиток, заваренный с известными только нашему повару травами. Напарник, в отличие от меня, насладиться горячим чайком не мог. Он пытался его пить, постоянно дуя в кружку, но это мало помогало. Железная кружка обжигала губы. Я гаденько захихикал, когда Мишка в очередной раз обжёгся и, выругавшись, поставил кружку на стол.

– В первый же выход в «серую» зону у какой-нибудь бабульки кружечку, как у тебя, прикуплю, – уведомил меня напарник и опять взялся за свою железяку.

– Ты уже месяца три себе кружку добываешь, да всё никак...

– Да знаю я, знаю!.. – перебил меня Мишка. – Просто забываю всё время! Делом я там всегда занят!

– Это каким таким делом?

– А вот таким!.. Пока ты там прогуливаешься, я вынужден бдить, тело твоё снайперское охраняючи.

– Степаныч! – засунув голову в дверь блиндажа, заорал «Гаврик» – невысокий худощавый татарин, исполняющий неизвестно какую роль при штабе. – Давай бери свою «черепушку» и ходи до Маклая! Дело у него к тебе.

– Сам ты «черепушка»! – заорал в ответ Мишка и запустил в посыльного пустым «цинком», который он использовал вместо пепельницы.

«Гаврик», взвизгнув, спрятался за дверью и что-то проорал на языке родных осин.

– Мамай недобитый! – пробормотал Мишка и начал собирать окурки, разлетевшиеся по всему блиндажу.

Я засмеялся – худощавое Мишкино лицо с кожей, обтягивающей прямой подбородок и скулы, действительно смахивало на стилизованный череп, отсюда и прозвище.

Сразу к командиру не пошёл, отправил туда Мишку, а сам, чтобы разнюхать что к чему, направился к гостям.

– Здоров, ребята! – поприветствовал я бойцов у прибывшего БТРа и сел на корточки, привалившись спиной к могучему колесу. – Откуда гости? Наши? Али как...

– А хрен его знает! – хмыкнул лежащий на крыше БТРа боец, судя по масляным пятнам на камуфляже, механик-водитель. – Нам, батя, не докладывали, сдёрнули с места и отправили. Гости есть среди них или нет, нам знать без надобности.

– А чего они не на броне? А на этой фиговине, – кивнул я в сторону японского красавца.

– А это они до первого обстрела форсят! – засмеялся другой боец, удобно развалившийся на выложенной из битого кирпича лавке. – Как первый раз прилетит, так сразу же внутрь забьются, а потом и танк потребуют! Были уже случаи.

– Степаныч! Давай сюда! Ждут! – высунулся из командирского блиндажа Мишка и махнул мне рукой.

Я поднялся, попрощался с бойцами и потопал к напарнику.

Почему нашего командира батальона, майора Свиридова Алексея Николаевича, прозвали Маклаем, я не знал. Маклай и Маклай, не лучше и не хуже других. Хотя, подозреваю, что командира немало поболтало по жизни, вот к нему и приклеилась фамилия русского путешественника Миклухо-Маклая.

– Проходите, присаживайтесь! – пригласил нас комбат и движением руки указал на свободные стулья, стоящие возле его стола, на котором была развёрнута крупномасштабная карта.

Как и ожидалось, у командира были гости – два человека. Один в гражданке, одет неприметно: тёмно-серая матерчатая куртка, чёрная футболка и штаны. Но по манере держаться и выправке сразу видно – кадровый военный. Примерно сорок пять лет, мой ровесник. Глаза спокойные, но не оставляло ощущение, что в случае чего они прищурятся и начнут выискивать цель. В общем, волк стреляный, и за себя постоять сможет.

Второй, в отличие от своего неподвижно сидевшего напарника, без движения усидеть не мог, всё время перебирал под столом ногами, словно ему жали ботинки. Руки тоже не знали покоя и жили суетливой жизнью, перекладывая с места на место карандаши, ручки, линейки – всё, до чего дотягивались. Но больше поражало его звание – полковник! И это несмотря на то, что ему от силы чуть за тридцать. Было видно, что третью звезду он получил недавно, так как время от времени косился на свои плечи. Сначала мне, со свету, грешным делом показалось, что это старлей! Но нет, точно, полкан! Большие звёзды едва поместились на маленьких погончиках новенького, пиксельного камуфляжа.

– Как вы уже знаете, – начал комбат, дождавшись, когда мы устроимся за столом, – неделю назад к «азовцам» прибыла батарея гаубиц, которая расположилась в десятке километрах отсюда и три дня назад сработала по жилому сектору.

Майор помолчал, давай время свыкнуться с этой мыслью, а потом, приподнявшись и ткнув карандашом в карту, продолжил:

– Основные удары пришлись сюда и сюда. Есть погибшие – ребёнок и две женщины...

Новостью это не было. Мы это знали. Снаряды разорвались прямо во дворе пятиэтажки. Новостью было то, что комбат не представил нас с гостями друг другу. Если в тайны играть начали, значит точно какая-нибудь дрянь ожидается.

– Они это и без нас знают, – перебив командира батальона, сказал полковник и взял карандаш, постучав им по столу, ожидая, что кто-то из нас выскажется. Не дождался.

– Они это знают, – повторил он и, ещё пару раз стукнув карандашом по столу, добавил, – но они не знают, кто командовал батареей, обстрелявшей посёлок.

Полковник помолчал немного, а затем резко поднялся и прошёлся по блиндажу, остановившись позади нас с Мишкой. Я еле удержался от того, чтобы не обернуться. Не люблю, когда за спиной стоят! Напрягает, знаете ли.

Передо мной на стол упало несколько цветных фотографий хорошего качества, запечатлевших молодого мужика тридцати пяти лет на фоне Киевского «Самсона». Лицо полное, но не заплывшее, стрижка короткая, под коричневой курткой тельняшка. Куртка гражданская, без нашивок, поэтому определить его принадлежность к роду войск, да и вообще к вооружённым силам было невозможно.

– Молейко Егор Демидович, полных тридцать семь лет, кадровый военный, капитан, служил в береговой обороне ВСУ в Крыму. В четырнадцатом году, после известных событий, сбежал на Украину. Несколько лет о нём ничего не было известно, кроме того, что он совершал

набеги в зону конфликта, командуя обстрелами жилых зон. Три дня назад он опять всплыл. Ну а результаты его появления вам уже известны.

Полковник вернулся на место, сел и, опять постучав ручкой по столу, спросил:

– Вам, наверное, интересно, зачем я всё это рассказываю? Никаких мыслей не появилось?

– Появились мысли, – вздохнул я, – как не появиться? Я так понимаю, что этого Молейко Егора Демидовича надо ликвидировать, так сказать, в назидание, чтобы неповадно было. Тем более что он на этот раз оказался близко к нам. Отомстить, одним словом.

– Именно! Чтобы они тоже боялись, знали, что не бессмертны.

– Да, мы с этим согласны, – кивнул я и мельком глянул на напарника.

Дождлся, когда Мишка тоже кивнёт, и спросил:

– Нам только не понятно, каким образом снайпер, который должен убрать этого типа, – ткнул я пальцем в фотографии, – подберётся к нему на дистанцию выстрела? До батареи, насколько я знаю, добрый десяток километров. Сколько-то мы пройдем по «серой» зоне, это возможно: и мы, и добробатовцы там ходят. Однако останется ещё очень даже приличное расстояние, преодолеть которое весьма и весьма проблематично!

– Охотно верю! Проблема есть! – легко согласился полковник и опять постучал карандашом по столешнице. – Но ведь эта проблема решаема! Уже ведь ходили и, насколько я знаю, не один раз!

Не дождавшись каких-либо возражений, полковник посмотрел на своего молчаливого спутника и сказал:

– Капитан, прошу Вас!

Поморщившись, как от зубной боли, тот, не глядя на большезвёздного соседа, вдруг выдал:

– Я изначально был против такого способа проникновения на сопредельную территорию. И по-прежнему считаю, что...

– Я бы Вас, капитан, попросил держать при себе то, что Вы считаете! Решение принято, и Вам осталось только поделиться с исполнителями новостью.

– Я так понимаю, что Вы в исполнители назначили нас, – кивнул я в сторону Мишки, – и почему-то решили, что мы согласимся с этой самоубийственной авантюрой! Да! Ходили мы туда, но не более чем на два-три километра.

– Прошу Вас, капитан, сообщите, что нам удалось узнать! – опять повторил полковник и, посмотрев на меня, добавил:

– Как только узнаете, каким путём доберётесь до нужного места, я приведу доводы, почему Вы не только согласитесь, но и с радостью отправитесь пристрелить этого Молейко!

Я с трудом проглотил вставший в горле комок.

– Это правда ОН? – спросил я и посмотрел на капитана.

– Да, старшина, это именно он командовал обстрелом, когда погибли Ваши жена и сын. Ошибки быть не может. Поверьте, мы самым тщательным образом собираем доказательства виновности...

– Я знаю это и потому верю Вам, – не дал я ему договорить, – давайте вашу идею, что придумали-то?

Капитан посмотрел на молодого начальника и тот, вытащив карту из лежащей на столе папки, развернул её и подвинул к нам:

– Зелёной линией обозначен путь, по которому вы доберётесь почти до самой батареи. Это коллектор – подземные коммуникации, в которых когда-то проходили линии связи Министерства обороны Советского Союза. Поскольку этим коллектором пользовались военные, информация о его наличии и тем более местоположении строго засекречена. Другими словами, о нём не знает никто, и, по нашим сведениям, не знают до сих пор. Нам повезло, что бывшие военные, проходившие здесь службу, вспомнили о нём и предоставили сведения.

Полковник подался вперёд и ткнул карандашом в карту.

– Коллектор берёт начало в «серой» зоне, вот тут, – сместил он карандаш к зелёной точке, – а затем проходит под лесополосой, ширина которой составляет примерно сто метров. С обеих сторон от лесополосы дороги, грунтовая и заасфальтированная, ведущие в посёлок, из которого и был произведён обстрел. Выход из коллектора расположен на территории бывшей воинской части, где имеются с десятков разрушенных кирпичных зданий. От этих развалин до нужной батареи не более полукилометра. Я думаю, что эти руины можно использовать как позицию для стрельбы.

Словно во сне слушая бормотание штабиста, я не мог сосредоточиться на его словах. Перед глазами всплыла дикая картина – мой сын, мой мальчик, лежит на спине, зажимая рану на груди ладонями, из-под которых толчками вырывается кровь...

Я поддерживаю голову сына, чувствуя, как его колотит мелкая дрожь. Он вздрагивает всем телом последний раз и затихает, обвиснув на моих руках. И тогда я начинаю выть. Я стою на коленях и, прижимая к себе неподвижное тело сына, вою, как волк, вою тоскливо и протяжно, раскачиваясь из стороны в сторону...

* * *

– У тебя есть вопросы, старшина? – обратился ко мне полковник, игнорируя Мишку.

– Нет, товарищ полковник, вопросов нет. Разве что... выйдем мы не завтра, а через три дня, в одиннадцать часов вечера.

Полковник несколько секунд разглядывал меня, словно впервые увидел, а потом спросил:

– Почему так долго? Почему через три?

– А я, товарищ полковник, не люблю торопиться, – пожал я плечами, – каждую охоту тщательно готовлю. Мне надо три дня!

– Хорошо!.. Три, так три – на том и порешим. Надеюсь, за это время батарея позиции не поменяет. Всё, свободны!..

От сопроводительного отряда по серой зоне я категорически отказался, заявив полковнику, что и два-то человека много, а если через зону начнёт ломиться целый отряд, то нас не заметит только ленивый. Мы идём вдвоём.

– Целых три дня! А ты чего столько дней-то запросил? – поинтересовался Мишка, когда мы отошли от блиндажа комбата на приличное расстояние. – Чё сделать-то за это время хочешь?

– Какие там три, – усмехнулся я, – сегодня ночью и выйдем.

– Какого хрена?! Почему?!.. Ты чего, затылок что ли себе шокером почесал?!

– Сам подумай, мозгами пораскинь...

Несколько минут шли молча, а потом Мишка поинтересовался:

– Не веришь им?

– А ты веришь? – вопросом на вопрос ответил я.

– Честно говоря, теперь уже не очень. Уж больно у него как-то всё гладко получается. Залезли. Прошли. Вылезли. Выстрел. Ушли обратно.

– Вот именно, – вздохнул я, – если об этом сооружении вспомнили наши военные, то могли вспомнить и украинские, которые тогда тоже Союзу служили. И попадёмся мы с тобой, как куры в ощи́п.

– Тоже верно, – согласился напарник и, ускорив шаг, спросил, – насколько я понимаю, мы сейчас топаем за бандеровским тряпьем?

Я кивнул.

* * *

О том, что надо в военкомат, я узнал случайно, от соседа, который после смерти моей семьи частенько забегал ко мне. Проверял, не наложил ли я на себя руки. У меня действительно были такие мысли.

Через три дня после смерти сына, не приходя в сознание, умерла и моя жена, раненная тем же взрывом. Жизнь после этого потеряла смысл. Единственное, что несло облегчение, если это можно так назвать – жена не узнала, что сын умер.

– Ты бы, Степаныч, к военным подавался, туда тебе щас дорога, – как-то раз посоветовал сосед, – может, и отведёшь душу-то. Завалишь бандеровца какого! Глядишь, и полегчает.

Сосед был прав, может, и полегчает, тем более что находиться одному в пустой квартире было невыносимо.

– Слышал я о Вашем горе, – вздохнул военкоматский подполковник, к которому меня направили как добровольца, – и сдаётся мне, что Вы теперь смерть искать будете.

– Нет, не буду, передумал уже, – усмехнулся я, – нельзя мне, командир, теперь умирать, должны мне эти твари слишком много! И пока они сполна со мной не рассчитаются, я на тот свет не собираюсь.

– Я так полагаю, что за это они с Вами никогда рассчитаться не смогут, – вздохнул подполковник и, открыв какой-то журнал, спросил:

– Что умеете-то хоть?

Умел я многое. За прожитые годы научился. Но главное, что у меня за плечами было – это умение стрелять.

Родился я в небольшой сибирской деревеньке, где основным промыслом была охота. С отцом в лес ходил с десяти лет и в одиннадцать уже бил белку в глаз, в прямом смысле слова. Из мелкашки, конечно. Окончил школу-интернат, потом армия. Отслужив, в деревне уже жить не смог, скучно было. Молодость брала своё – хотелось движения и каких-то перемен. Поболтался по России-матушке, а потом судьба забросила в украинский Донецк, где я устроился на металлургический завод, встретил любовь, родил сына...

После окончания курса снайперов попал наконец-то на линию разграничения. Да. Убивал. Много убивал. Думал, легче будет. Но нет, легче не становилось. Наверное, смертей должно быть больше. Ненависть грызла так, что ночами зубами скрипел. Поначалу даже Мишка просыпался от этого. Потом ничего, привык, перестал внимание обращать. Когда удавалось подобраться к бандерлогам поближе, я видел в прицел их усатые рожи и стрелял прямо в хари!.. Стрелял, стрелял, стрелял!.. С удовольствием чувствуя, как в моё плечо толкается их смерть.

Мы с Мишкой не воспользовались обнаруженной штабом дорогой. Решили не рисковать и идти по старинке. Вышли часов в одиннадцать вечера, отмахали километров десять в сторону и уже там потихоньку перебрались на украинскую территорию. И, держась подальше от дороги, вернулись почти к тому самому месту, откуда вышли. Дальше не пошли – дождёмся рассвета, осмотримся и решим, что делать.

Часов в девять утра по асфальтированной дороге, бегущей с одной стороны уже известной нам лесополосы, зашныряли машины: и поодиночке, и в составе небольших колонн, и военные, и гражданские, проскочило несколько БТРов. Над каждой машиной, развевался жовто-блакитный флаг, а то и не один. Если с военными понятно, то гражданские, скорее всего, нацепили флажки, чтобы обезопаситься от защитников украинского отечества путём демонстрации приверженности к идеалам украинской же демократии.

– Как ты думаешь? – спросил вдруг Мишка, когда мы, замаскировавшись возле дороги на небольшом пригорочке, осматривали окрестности. – Этот полкан – москвич? Или наш, местные своего такого вырастили?

Я пожал плечами:

– Думаю, что наш! Сначала, правда, мне показалось, что москвич. Только у них в тридцать лет можно даже генералом стать, про полковников я вообще молчу! Но теперь, по-видимому, и на наших эта зараза перекинулась.

Время шло, ничего интересного не происходило, и мы решили, что ещё часок ждём, а потом потихоньку выдвигаемся. Но планы круто изменились. Осматриваясь в очередной раз, я заметил, как с украинской территории прямо в нашу сторону пылят БТР и две «Буханки».

– Глянь-ка, – толкнул я локтем Мишку и ткнул пальцем в нужную сторону.

– Вот же ж, ё... прст! – выдал напарник, полюбовавшись на безрадостную картинку. – Что делать будем? Домой рванём? Здесь недалеко наша тропа есть.

Домой мне не хотелось, очень не хотелось. Тварь, которая убила мою семью, здесь. А если он сменит позиции? Резонанс от смерти ребёнка уже пошёл! Вполне может и сбежать. Ищи его потом. Если дела так и дальше пойдут, он, чего доброго, своей смертью подохнет, а этого я допустить никак не мог. Решение пришло само собой. Вернее приехало в виде расхлябанного, раскрашенного в камуфляжные цвета УАЗика.

– Так! Мишка! Давай цепляй на голову ихнюю кепку и айда на дорогу! – прошипел я и, вытащив из-за пазухи кепи с жёлто-синим флажком, напялил на голову.

– Степаныч! Ты чего, на этот раз головушкой ночью в пол ткнулся, что ли? Мы ж с тобой на дороге будем, как три тополя...

– Вот именно, что будем. Обязательно будем. И попросимся, чтобы нас подвезли. Тем более что вон, как раз и транспорт нарисовался!

И я, уже не скрываясь, встал и направился к дороге, размахивая, как мельница, руками.

– Оттуда? – кивнув в сторону серой зоны, спросил сидевший рядом с водителем мужик.

– Ага, оттуда, – буркнул я, расположившись на заднем сиденье. – Шуганули нас, еле смылись!

Мужик хохотнул:

– Это бывает! Сам до ранения хаживал, а потом всё, москали зацепили, отбегался! – и он постучал кулаком по бедру, показывая, куда его зацепили.

Кто это такие, я не определил. Ни одной нашивки на форме. Да и самой формы-то не было! Какая-то смесь камуфляжа с «горкой». Подраненный москалями пассажир в годах, несуетливый, с неизменными усами и бритой головой, но не профессиональный военный, это сразу заметно. Наверное, как и я, несколько лет под ружьём, не больше.

Второй – водила, молодой, года двадцать три, может, чуть больше. Стрижка короткая, безусый. Этот на военного больше походил. Но опять же,

чёрт его знает!.. Одет так же не в масть. Складывалось впечатление, что они выбирали одежду из кучи. Находили что получше и надевали, не обращая внимания на то, что она разного цвета.

– До кого направляетесь? – поинтересовался пожилой, когда мы уселись и пристроили стволы. – Если судить по винтарям, то до Дениса?

Я откровенно вытаращился на него и спросил:

– Ты, братан, от жизни отстал! Где тебя носило-то? Денисенко уже неделю как перебрался на полтора десятка километров южнее! До Черенка мы подались.

– А! Да-да-да!.. – хлопнул тот себя по лбу. – Как же, как же, знаю! Вася Черенок! С такой фамилией и кликухи не надо!

И он засмеялся, запрокинув бритую голову. Закашлялся, опустил стекло, смачно харкнул в окно, а потом, обернувшись к нам, сказал:

– А вот про Дениску забыл. Старею, видать, старею, – и он горестно покачал головой.

Я хмыкнул про себя: «Стареет он! Проверятьщик хренов! Наша разведка получше вашей работает. Ни разу ещё не подводила».

– Сколько москалей-то завалили? – спросил, мельком глянув, водитель.

Видно было, что ему хочется поговорить, скучно ехать с таким напарником как усатый. А тут сразу двое свеженьких попутчиков, да еще и из запретной зоны пришедших. Как тут лясы не поточить про москалей треклятых.

Я посмотрел на пожилого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами. Тот, встрепенувшись, ткнул водителя кулаком в плечо и прорычал:

– Ты, Сёма, лучше рули молча, коль не ведаешь, какие вопросы задавать можно, а какие нельзя.

Он фыркнул и, откинувшись на спинку сиденья, повторил:

– Москалей завалили... надо же!.. Ты вот лучше скажи, – вдруг спросил он, – а чем ты-то сам от москаля отличаешься? У меня хоть усы вон есть! – и он ладонью пригладил длинные, обвисшие почти до подбородка, усы. – А у тебя что? У тебя, Сёма, ничего, у тебя даже усов нет. Не растут они у тебя! Москаль ты, Сёма! – наконец выдал он и довольно расхохотался.

Ехали быстро, даже догнали пару воинских затентованных «Уралов», которые проехали десятью минутами раньше.

– Обгоняем? – спросил водила, коротко глянув на усатого.

– Да не, не стоит, – пробурчал тот, близоруко всматриваясь в идущие впереди машины, – отстань подальше от них, чтобы выхлоп не глотать, и езжай, не торопись, а то и так быстро прём, на месте ждать придётся.

Он повозился на сиденье, а потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал:

– Терпеть не могу ждать...

Дальше ехали молча. Водила молчал, потому что обиделся, а усатый, потому что хотел спать. Он клевал носом, и когда голова падала на грудь, как конь дёргался, вскидывал голову, чтобы опять задремать.

* * *

– Что, решили горилкой нервную систему подлечить? – засмеялся усатый, когда мы выбрались из машины возле небольшого магазинчика, у которого я попросил остановиться.

– Ага, как же, полечишь тут, – засмеялся Мишка, – здесь ничего крепче газоды нету! Защитники Отечества всё реквизируют – давненько уж завозить перестали.

– Это точно! Бойцы всегда в тонусе должны быть, по-другому никак, иначе разбегутся!.. – хохотнул усатый и захлопнул дверцу машины.

– Как думаешь Степаныч, кто это? – спросил Мишка, глядя вслед машине и пристраивая винторез на ремень.

– Да хрен его знает, Миш! На бандерлогов или ещё какую дрянь не похожи, никаких цацек не налепили, – ответил я и внимательно осмотрелся.

– Что это вдруг не похожи?.. Просто не каждый любит обвес носить и всё.

– Ну, во-первых, трезвые они, это не основной показатель, но значимый. Говорит, что ранен был? Брехня, в нынешние времена настоящий вояка не будет хвастать ранением, полученным на этой войне. Скорее всего, рисовался перед новенькими, то бишь перед нами, а может и перед своим водителем. Во-вторых, видел их рацию?

– Видел, и чё? – хмыкнул напарник. – Рация-то причём?

– Притом... плохенькая рация, слабенькая, да и машинка старовата. По этим признакам вроде на ВСУшников похожи, но сам же видел, не военные они. А бандеровцев западные покровители, да и местные спонсоры нехило так снабжают, не держат они такого барахла.

– Ну да, похоже на то, – пробормотал Мишка и, перехватив бесшумку поудобнее, спросил:

– А может, они того, по нашу душу? Присмотрелись. Торопиться им некуда, мгновенно сбежать мы не сможем. Понаблюдают, а потом и возьмут, тёпленькими.

– Всё может быть, поэтому будь готов, если что...

– Всегда готов! – по-пионерски ответил Мишка и хихикнул.

– Хватит ржать, – прошипел я и осмотрел пустую улицу, – прятаться надо, чем быстрее, тем лучше.

И, озираясь, направился к неизвестно каким чудом сохранившемуся здесь и, что самое невероятное, функционирующему магазину.

Магазинчик небольшой, однако, рядом с окном пристроился стол с тремя расшатанными стульями, по всей вероятности, для тех покупателей, которые пожелают здесь и употребить свою покупку.

Я сел за стол и, осмотревшись, спросил у продавщицы – упитанной, улыбчивой женщины, одетой в модную сейчас вышиванку:

– Чего это у вас никого нет? Ни на улице, ни по оградам. Неделю назад другая картинка была!

Продавщица перестала улыбаться и, оглядев меня с ног до головы, тяжело вздохнула:

– Так попрятались все, мил человек! Страшно под бомбы-то попасть... вот и разбежались кто куда.

– Под какие такие бомбы? – не понял я. – Они же по домам не бьют.

– Бить-то не бьют, – опять вздохнув, сказала женщина и смахнула с прилавка несуществующие крошки, – да вот только с нашей стороны, говорят, несколько дней назад к ним прилетело!.. Женщин да деток побил! Вот и боимся, что ответить могут.

– Ну да, ну да, – пробормотал я, выглядывая в окно, – всякое в наше время бывает. Вы, наверное, правы, поберечься людям надо.

– Сами-то что хотели? Если водочки, то нету её, давненько уже.

– Да не, нам бы простой водички пару бутылочек, – улыбнулся продавщице стоящий возле прилавка Мишка и положил на столешницу пару помятых купюр, – желательна холодненькой, если есть. Жарко...

– Есть, хороший мой, есть холодненькая, как не быть-то, – засуетилась продавщица и нагнулась куда-то под прилавок.

Покопошила там несколько секунд и, вынырнув, поставила на прилавок две запотевшие пол-литровые бутылки с водой:

– Может, ещё чего? Покушать?.. Пирожки с капусткой есть, свеженькие! Мишка вопросительно посмотрел на меня.

– Бери по парочке, как раз и перекусим! – Мишка кивнул и добавил ещё купюру.

Пирожки мы заточили прямо в магазине, благо, что из окна улица просматривалась в обе стороны. И если что, меры успели бы принять.

Если откровенно, то нам повезло. Дико, невероятно повезло! Здесь не было военных – ни армейцев, ни бандеровцев. В ожидании ответки разбежались все. Скорее всего, украинская армия сюда и не заходила, об этом разведка не докладывала. Зато бандерлоги водились! Это я знаю точно – сам видел и не только видел!.. Выбирались мы с Мишкой пару раз на их территорию, хорошо тогда поработали.

– Что делать будем? – спросил напарник, когда мы, доев пироги, покинули магазин и спрятались в палисаднике брошенного дома. – Может, рванём к воинской части, откуда батарею видно, заодно и окрестности рядом с входом в коллектор осмотрим?

– Не, Миш, опасно! Не такие уж мы с тобой гении маскировки и разведки! Если вход охраняется, чем отбрехиваться будем? А вдруг

нашумим, значит нам дорога только в «серую» зону и останется, если живы будем.

– А что тогда?

– А мы, Миш, прямо по дороге, не скрываясь, потопаем скорым шагом к батарее.

– Очумел?! Заметят же, на раз!

– Конечно, заметят! В первую очередь местные жители и заметят, им, в отличие от бандеровцев, бежать некуда, дома они. По подвалам сидят...

– А если позвонят кому? Здесь наверняка их наблюдатели есть.

– Ну и пускай звонят, патрули в прифронтной территории никто не отменял. Тем более, мы в их цвета выпачканы вроде как свои.

– А если нарвёмся...

– А если нарвёмся на их патруль, то действуем по обстановке.

– Ну, ты наглец Степаныч! Мне нравится...

– А мне нет, – прошипел я и, прижимаясь к заборам и домам, побежал в сторону расположения батареи.

Один раз повезло, мы успели заметить группу людей раньше, чем они нас. Упали на землю и, пятясь задом как раки, сдали назад. Вскочив, рванули через узкий переулок на другую улицу.

Попались, когда уже прошли частный сектор и вышли к двухэтажным домам. Пригнувшись, я высунулся из-за палисадника, осматривая улицу, и всей кожей почувствовал взгляд. Обернулся и заметил на другой стороне улицы трёх военных, внимательно нас разглядывающих. Стал тыкать пальцем вверх и махать рукой – прячьтесь мол.

Те недоумённо уставились в небо. Я принял слегка в сторону, чтобы не оказаться на линии Мишкиного огня, и демонстративно поглядывая в небо, короткими перебежками побежал к ним. Наглеть – так уж по полной программе!

– Вы чего так выперлись? – спросил я, выпучив на них глаза. – Жить, что ли надоело?

– Чё это вдруг жить надоело? – спросил самый старший по виду мужик и махнул рукой, чтобы в меня не тыкали стволами. – Чё нам тут может угрожать? Мы вроде как дома, – усмехнулся он, и меня обдало густым запахом перегара.

– А теперь могут пристрелить прямо оттуда, – ткнул я пальцем в небо, – и дом родной не поможет! Неужто ещё не видели?..

– А чего мы там должны увидеть? Авиации-то у сепаров нету, – задрал голову вверх второй, и, сняв с головы кепи с трезубцем, вытер им потное лицо.

– Дрон вы должны были увидеть! – рявкнул я и зло уставился на старшего, всем видом давая понять, что его веселья не поддерживаю. – И не

простой дрон, а дрон, из которого дырку в голове можно за километр сделать.

– Да ладно! Брешешь! – не поверил старший, но благоразумно ушёл поглубже под раскинувшиеся ветки черёмухи, возле которой они и стояли.

– Ага, специально вас искал, чтобы побрехать, – окрысился я и, сунув ему под нос СВД, сказал:

– Уже целый час за ним охотимся, но его, падлу, сбить трудно, всё время двигается...

В подтверждение моих слов где-то недалеко, за домами, раздались один за другим два выстрела.

– Вот чёрт! – выругался я. – Там наши были!.. Сидите пока здесь и не высовывайтесь!

Не обращая больше внимания на забившихся под черёмуху бандеровцев, я махнул напарнику рукой и побежал в сторону, откуда раздавались выстрелы.

Вечер и ночь провели в старом полуразвалившемся сарае, который доживал свой век на краю картофельного поля, в сотне метров от хозяйского дома. Владельцы у поля были, убегать не стали и спокойно занимались домашними делами, безбоязненно расхаживая по двору. Не поверили, наверное, что наши могут открыть стрельбу из орудий по жилым домам. К сараю они даже не приближались, видимо давно поставили крест на когда-то нужной постройке.

Батарею обнаружили без труда, ещё с вечера. Бандеровцы разместили её во дворе стоящих буквой «П» трёх кирпичных двухэтажных домов. Им не пришлось даже маскировать орудия, они знали, что если наши узнают о них, то ответить не смогут. Слишком близко к домам размещены орудия.

Рано утром, под прикрытием разросшихся кустов сирени, которая, как сорняк, за несколько лет заполонила всё вокруг, подобралась к ближайшей двухэтажке. Стараясь не шуметь, через окно забрались в пустующую квартиру на первом этаже.

Эту квартирку я заприметил уже давно, в ней не уцелело ни одного окна, причём причину разрушений мы так и не установили. В пределах видимости не было ни одной воронки от крупнокалиберных снарядов, взрывной волной которых могло бы выбить стёкла. Ни пулевых отверстий, ни осколочных, ничего такого. Скорее всего, окна просто выбили изнутри, и теперь квартира, словно обидевшись на то, что с ней сотворили, оскалилась на мир острыми осколками стёкол.

Приоткрыв дверь квартиры, несколько минут прислушивались. Убедившись, что в подъезде никого нет, мы, стараясь даже не дышать, поднялись на второй этаж, откуда через подъездный люк забрались на чердак.

Позиция загляденье. Одно из слуховых окон выходило на батарею. Крыша под окном круто уходила вниз и не мешала обзору. До орудий недалеко, метров сто пятьдесят, не больше. В случае чего отступить сможем быстро, скатиться с чердака до первого этажа – дело нескольких секунд, но мы рассчитывали, что в таком темпе ретироваться не придётся. Стрелять из СВД нельзя – грохот будет такой, что нас даже с другого конца посёлка вычислят! Из «винтореза» же в самый раз! Никто ничего не услышит. Пока разберутся, что, кто и откуда, мы уже будем далеко.

Молейко нарисовался вечером. Я уж было подумал, что всё, сегодня нам не повезёт, но нет. Вот он, гад! Приехал! Выбрался из патриотичной жёлто-синей «Нивы» и, не торопясь, этак по-барски, начал осматривать хозяйство. На пьяные выкрики своих бойцов, кучковавшихся возле деревянного стола со стоящей на нём бутылью с мутной жидкостью, он благоразумно внимания не обратил. Понимал, что это не вооружённые силы могут спяну и морду набить. Постоял немного и, будто почувствовав неладное, начал с тревогой осматриваться.

– Пора, Степаныч! – прошептал Мишка. – Эта сволочь заподозрила что-то, как бы не смылся!..

– Не успеет, – усмехнулся я и навёл сетку прицела на пах убийцы своей семьи.

«Винторез» дёрнулся, кляцнув затвором, и Молейко согнулся, схватившись руками за низ живота. Он заорал не сразу, постоял скрюченным пару секунд, пока жуткая боль не захлестнула его мозг полностью, а потом, завалившись на бок, завизжал. Он орал громко и страшно, не переставая тянул и тянул на одной ноте, как будто у него вместо лёгких были установлены кузнечные меха.

– Это ещё не всё, сука! – ощерился я и, прицелившись в коленную чашечку, нажал на спусковой крючок.

Визг резко оборвался и перешёл в хрип. Молейко, продолжая зажимать пах одной рукой, пытался другой дотянуться до искалеченного девятимиллиметровой пулей колена. Я перевёл прицел на его лицо и с удовольствием увидел перекошенный в крике рот, из которого обильно текла кровь.

– Миш! – повернулся я к напарнику, лежащему рядом. – А ведь он себе язык откусил!

И опять прикинув к прицелу, злорадно прошептал:

– Но я ещё с тобой не закончил! Продолжим... – и следующим выстрелом раздробил лежащему на земле человеку второе колено.

– Надо уходить! – раздался над самым ухом Мишкин голос. – Ты слышишь, Степаныч! Всё! Уходим!.. Степаныч... – и напарник вдруг захихикал:

– Степаныч!.. Хватит храпеть, а то всех бандерлогов распугаешь.

– Да всё, всё... проснулся уже, – пробормотал я и сел, привалившись к печной трубе спиной.

Подождал, пока сердце перестанет скакать в груди, вытер рукавом взмокшее лицо и спросил:

– Чё там? Новости есть какие?

– Не, пока ничего нового, тихо, – ответил напарник и, сплюнув, добавил, – если завтра не появится, надо будет сваливать...

– Согласен, – пробормотал я и прикрыл глаза, чтобы Мишка не заметил моего страха.

Я боялся! Боялся, что когда придёт время, я не выдержу, и всё произойдёт, как во сне. В этом кошмаре, где я перестал быть человеком. В кошмаре, в котором душу терзала радость осознания того, что от моей руки в муках умирал человек, пускай даже такая мразь, как Молейко.

* * *

Он появился, когда смеркалось. Пешком, в компании двух военных. Это были именно военные, форма которых оснащалась всеми положенными атрибутами вооружённых сил Украины. Сам же Молейко был одет в камуфляж без знаков отличия. Скорее всего, специально не обозначал себя как кадрового военного, чтобы обстрелы не приписали украинской армии.

Все трое остановились посреди двора, напротив задранных кверху стволов орудий. Поговорили, энергично жестикулируя руками, а потом разошлись каждый к своему орудию и закопошились возле щитков.

– Прицелы, суки, снимают! – прошипел Мишка и, отложив бинокль, взялся за СВД.

– Даже не думай! – цыкнул я на него. – Успеешь ещё...

– Ты тоже не тяни, а то стемнеет, и хрен мы его больше увидим! Сматываются они...

– Вижу... – пробормотал я и, отойдя от слухового окна на пару шагов, упёрся плечом в вертикальную стойку, поддерживающую крышу.

Несколько раз глубоко вздохнул, выдохнул, поймал в прицеле «винтореза» стриженный затылок Молейко, копошившегося возле орудийного щитка, и плавненько потянул спуск.

Клацнула затворная рама, и раздался хлопок, показавшийся оглушительным под шиферной крышей. Я посмотрел в прицел и увидел, что Молейко замер, просунувшись головой вперёд, к орудийному казённику. Его тело неподвижно стояло на коленях, привалившись к станине, из-под которой уже начала расползаться чёрная лужа.

Выбрались из дома удачно. Спокойно спустились с чердака в разгромленную квартиру и под прикрытием сирени выпрыгнули из окна. Никто нас не увидел, и мы умудрились ни на кого не нарваться. Нам повезло,

что труп Молейко не упал. Какое-то время на него вообще не обратят внимания – стоит себе на коленях человек и стоит, работает. Это даст фору во времени.

Обратно шли той же дорогой, улицы по-прежнему пустовали. Пару раз, правда, встретили парный патруль, который к обязанностям относился по-хамски. Первые не удосужились поинтересоваться, кто мы вообще такие. Скорее всего, решили, что если идём с их стороны, значит свои. Вторые оказались бдительнее, даже поинтересовались кто и откуда, но услышав всё про того же Черенка, заведовавшего снайперскими делами, махнули рукой и потопали дальше.

До магазинчика добрались без особых проблем. Забрались в уже знакомый палисадник и, осторожно поглядывая между заборных жердин, размышляли, где зайти в «серую» зону – здесь, напрямки или отмахать до конца в сторону и уже там податься к своим. Со вторым вариантом проблемы – нужно ждать темноты, что не есть хорошо, так как после убийства Молейко быстро сложат два плюс два и начнут шерстить территорию. Да и первый вариант паршивенький, здесь частенько ходили и мы, и они. Так что можно нарваться по-крупному.

– Степаныч! А если мы опять уедем? По-наглому сядем и уедем! – сказал вдруг Мишка и мотнул головой в сторону магазинчика. – Гляди, что-то советское прибывает.

– Едем! – не стал я долго раздумывать и, присмотревшись к старенькой шестёрке, остановившейся возле магазина, выбрался из кустов.

Подождал напарника и вразвалочку направился к машине, лениво поглядывая по сторонам.

– Здорово, батя! – поздоровался Мишка с выбравшимся из машины мужиком и, заглянув в её салон, спросил:

– Куда едешь-то?

– И вам не хворать, – настороженно ответил мужик, с опаской поглядывая то на меня, то на Мишку, – до дому я еду, вот решил внучкам конфеток прикупить...

Этот мужик не мог быть подставой! Подставу за столь короткое время не организовать. И потом, невозможно так сыграть обывателя, напуганного собственными защитниками. Будь он моложе, держался бы по-другому, увереннее, что ли. Молодые они не так ценят жизнь, как люди уже умудрённые годами. Этому было за шестьдесят с гаком, с приличным таким гаком. Одет просто: тёмные штаны, серая, покрытая пятнами пота футболка, и красное, замусоленное бейсбольное кепи. И ещё руки, таких рук не бывает у военного. Грубые большие ладони с узловатыми суставами. В поры кожи и на лице, и на руках навсегда въелась угольная пыль.

– А чё хотели-то? – тяжело вздохнув, спросил мужик и осмотрел пустую улицу.

– Ты, батя, не согласишься ли увезти нас на десяток километров во-о-о-н туда? – спросил Мишка и показал пальцем в ту сторону, откуда тот приехал.

– Коли по-хорошему просят, что ж не увезти-то, можно и увезти, – пробормотал мужик, обречённо пожав плечами.

Опять загрузился в машину, запустил двигатель, и, подождав пока я устроюсь на переднем сиденье, негромко сказал:

– Странные вы какие-то! У меня дважды машину просто забирали! Водитель им не нужен был. Благо хоть не сожгли!.. Благодетели... – и совсем уж тихо, себе под нос, думая, что я не услышу, добавил:

– Недобитые...

* * *

– Ну! И как прикажете всё это понимать? – спросил комбат, когда мы с Мишкой перестали возиться, удобнее устраиваясь за командирским столом.

– А что, собственно, Вы должны понять? – наивно осведомился я и, переглянувшись с напарником, в недоумении пожал плечами.

– А я сейчас объясню, – хмыкнул комбат и, опёршись могучими руками на жалобно застонавшую столешницу, наклонился к нам.

В такой позе командир походил на гориллу. Представив, как комбат бьёт в грудь кулачищами и ухаёт, я поспешно отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки. Он заметил.

– Какого чёрта ты ржёшь, как конь?! – рявкнул комбат и, выпрямившись, заложил руки за спину. – Ночью мне передали перехваченные переговоры, из которых следует, что кто-то, подбравшись к Молейко, с близкого расстояния снёс ему полбашки девятимиллиметровой пулей, выпущенной предположительно из «винтореза», так как выстрела никто не слышал!

И он покосился на Мишкину бесшумку, которую тот пристроил рядом с моей снайперкой в небольшой пирамиде, установленной возле входа.

– А насколько мне известно, – уже спокойнее добавил он, – выйти вы должны только сегодня вечером. Поэтому готов выслушать ваши версии этого, несомненно, радостного события.

– Может, он в карты большую сумму проиграл, а отдавать не захотел? Сами же знаете его... Гад! Вот его свои же и того... порешили. Карточный долг – это, знаете ли, серьёзно... – явно сдерживая смех, ответил Мишка и в поисках поддержки выразительно покосился в мою сторону.

– Ну а что, версия как версия, вполне имеет право на жизнь. Сами ведь знаете, какие нравы царят у бандеровцев. Тут тебе и пьянки, и азартные игры, и скандалы с драками! И даже, кто бы мог подумать, девицы легкомысленные! – согласно кивая, поддакнул я.

– Идите вы знаете куда со своим карточным долгом и девками! – вздохнув, сказал комбат и, сев на подозрительно заскрипевший под его тушей стул, добавил:

– Это всё очень хорошо, если бы эту операцию планировал и разрабатывал не лично наш... – комбат споткнулся и, покосившись на дверь, продолжил, – ...молодой звёздный друг из штаба.

– А что такого?! Какая разница, кто планировал? Дело-то сделано! И сделано чисто! – удивился Мишка и, совершенно не по-уставному поставив на стол локти, уставился на командира.

– Для него большая! – вздохнул комбат. – Это его детище, и пройти ликвидация должна была по его плану. Он прекрасно понимает, что не дорос ещё даже до звания подполковника, не говоря уж о трёх звёздах. Ему надо продемонстрировать руководству, что он в состоянии проводить сложные операции!.. А тут на тебе!.. Исполнители гладенько провернули все на свой страх и риск... по-своему, так сказать, плану, а он получается и не при делах. Значит, при таком раскладе лавровой ветки ему не положено.

– Другими словами, дитя обиделось, что вышло не по его? – спросил я и, усмехнувшись, посмотрел на комбата.

Ответить тот не успел: с грохотом распахнулась дверь, и в блиндаж стремительно зашёл полковник. Мы встали. Следом вошёл уже знакомый капитан разведки.

Сесть полковник не предложил, но и сам не сел. Стоял, переводил взгляд с меня на Мишку и обратно. Он был в ярости – челюсти сжаты, желваки так и перекатываются, будто он что-то пережёвывает, подбородок вздёрнут, ноздри раздуваются...

Я, грешным делом, подумал, что сейчас заорёт. К его чести, не заорал, сдержался. Посмотрел на комбата и задал совершенно идиотский, по моему мнению, вопрос:

– Скажи, майор, почему эти двое, – кивок в нашу сторону, – не выполнили приказ?

– Насколько я знаю, приказ выполнен... – начал было комбат, но полковник договорить ему не дал.

– Эти двое нарушили приказ, отступив от утверждённого плана, чем поставили под угрозу срыва всю операцию!

– А почему бы Вам у них не узнать? – спросил вдруг комбат, которого видимо этот цирк не устраивал. Не спрашивая разрешения у старшего по званию, он сел за стол и вызывающе стал разглядывать полковника.

Я тяжело вздохнул. Ситуация из-за пустяка пошла вразнос и, чего доброго, может навредить хорошему человеку.

– Вы позволите, товарищ полковник? – спросил я и, пододвинув стул к столу, сел.

Полковник удивлённо посмотрел на меня, словно увидел говорящий холодильник.

– Да, конечно, старшина, прошу Вас! – вмешался, не дожидаясь ответа полковника, капитан разведки, взмахом руки предлагая сесть и Мишке.

– Так почему же всё пошло не по плану? – спросил он и тоже сел за стол.

– Это элементарно, – пожал я плечами, – нам хотелось ещё пожить.

– В смысле пожить?

– В том смысле, что если мы знали об этом коллекторе, то о нём могли знать и там!.. Неужели никто не удосужился рассмотреть этот вариант?

– Ну почему же не удосужились, очень даже рассматривали, но всё же было принято решение, что на той стороне об этом коллекторе не знают, поэтому вам и предложили этот путь, – и он покосился на продолжавшего стоять полковника.

Заметив взгляд капитана, полковник сел и, побарабанив пальцами по столу, спросил:

– Так почему же вы не только не выполнили ясный и чёткий приказ, но и не вышли в назначенное вами же время? – подрагивающим от напряжения голосом спросил он.

Я вздохнул: «О чём говорить с человеком, который не слышит, что ты говоришь? Он разве не слышал ответа? Не понял его? Слышал. Понял. А если слышал и понял, тогда с ним надо по-другому, чтобы наверняка дошло».

– Мы пошли другим путём, так как подозревали, что нас там будут ждать, – чётко, по-уставному доложил я и, дождавшись, когда до собеседника дойдёт смысл сказанного, добавил, – как впоследствии выяснилось, наши опасения были не напрасны! Возвращаясь после выполнения задания, мы прошли возле выхода из коллектора и обнаружили засаду. Грамотную засаду. Если бы не подошли сзади, то и не засекали бы её. Нас ждали на выходе из коллектора.

– Что ты... несёшь!.. – прорычал полковник, и его лицо пошло красными пятнами.

– Товарищ полковник, – слегка повысил я голос и встал из-за стола, – я далёк от мысли, что нас отправили этим путём специально, чтобы мы нарвались на бандеровцев. Но, видя Ваше недовольство тем, что мы не придерживались плана, хотя задание выполнено, расстояние до этой мысли стремительно сокращается!..

Не дожидаясь, когда полковник перестанет как рыба открывать и закрывать рот, я, сделав знак Мишке, пошёл к выходу.

Когда мы отошли от штаба уже метров на двести, нас догнал капитан и, придерживая меня за руку, спросил:

– Сколько человек вы смогли обнаружить, и на каком расстоянии они находились от выхода из коллектора? Это важно!

– А чёрт его знает, сколько их было и на каком расстоянии они находились, – усмехнулся я, – мы ещё из ума не выжили, чтобы шарахаться возле возможной засады.

Капитан несколько секунд ошарашенно смотрел мне в лицо, а потом, посмотрев в сторону штаба, задумчиво произнёс:

–Значит, вы это придумали как бы в воспитательных целях, что ли?

Я молча пожал плечами. Проверить это никто не сможет, значит, правда то, что я сказал.

– Ну что же, может оно и к лучшему, – не дождавшись ответа, усмехнулся вдруг капитан, – пускай теперь помучается, в следующий раз будет слушать не только себя. Сам бы я тоже ни за что в эти катакомбы голову не сунул. Вы, ребята, не держите на него зла, он умный парень, просто молод ещё, самоуверенности в нём пока выше крыши. Обломается со временем!..

Он взмахом руки попрощался с нами и скорым шагом направился обратно в штаб.

– Обломаться то обломается, – пробормотал напарник, когда капитан отошёл на приличное расстояние, – хорошо, если за время собственного облома никого не угробит.

И, положив винторез, как ляльку, на руки, с мечтательным вздохом добавил:

– Э-э-э-э-х! Водочки бы сейчас холодненькой стаканчик!.. Да щец бы наваристых!.. Да дивчину сговорчивую!..

* * *

– Ну и что же ты хочешь от меня услышать?! – прошипел я, заметив, как напарник косится в мою сторону вместо того, чтобы наблюдать за окопавшимся в трёхстах метрах от нас противником. – Ты уже два дня вопросительно сопишь за спиной!.. Ничего я не почувствовал, Миша!.. Ничего!.. Оттого, что я прострелил череп этой сволочи, легче мне не стало!.. Если ты, конечно, об этом хочешь узнать!

– Об этом, – пробормотал Мишка и, шмыгнув носом, припал глазом к трубе, потом опять покосился на меня и негромко сказал:

– Знаешь, Степаныч, я надеялся, что тебе всё-таки полегчает... вроде как отомстил же!..

– Я тоже на это надеялся, ты уж поверь, очень надеялся... – вздохнул я и сел на невесть откуда взявшуюся в окопе табуретку.

Помолчал, разглядывая усиленную досками земляную стенку, и повторил:

– Очень!.. Но там, – ткнул я большим пальцем в небо, – видимо, всё по-другому расписано. Что-то должно быть ещё, вот только знать бы что...

– Ого! Смотри-ка, Степаныч, – хохотнул вдруг Мишка, не отрываясь от своей трубы, – а у нас оказывается новости! Походу, вместо бандерглогов ВСУшников пригнали! Глянь сам, форма у этих армейская.

Вздохнув, я поднялся, устроил винтовку на упоре поудобнее, посмотрел в прицел и еле сдержался, чтобы не отдёргнуть от него голову. Прямо мне в глаза смотрел молоденький пацан лет восемнадцати, не больше. Как и моему

сыну... Белобрысый, курносый, с явно просматривающимися веснушками. Из-под лихо сдвинутого на затылок кепи поблёскивают любопытные глаза, не ведающие ещё страха. Он смотрел в нашу сторону и, наверное, не понимал, почему нас надо бояться. Он не знал, кто мы такие, и высунулся в надежде увидеть, с кем ему предстоит иметь дело.

– Что же ты каску-то даже не надел? – пробормотал я и, прицелившись чуть выше и левее его головы, потянул за спусковой крючок.

Увидев, как возле его головы взвился фонтанчик земли, опустил на корточках, поставил винтовку между колен и закрыл глаза.

– Степаныч, ты что, промахнулся что ли?! С такого-то расстояния?.. – раздался удивлённый голос напарника.

– Нет, Миша, не промахнулся!.. – улыбнулся я, и, почти физически ощущая, как скатывается с души глыба несостоявшейся смерти этого голубоглазого мальчишки, добавил:

– Напротив, Миш, это мой самый удачный выстрел... самый удачный...

ТРЕТЬЯКОВА АНФИСА СЕРГЕЕВНА

Симферополь

Студентка Института филологии КФУ им. В. И. Вернадского, корреспондент газеты «МК в Крыму». Член литературно-бардовской мастерской «Галасса» и "Международного Союза писателей и мастеров искусств". Участница форума "Таврида" (2018) и фестиваля «Таврида. Арт» – 2022, школы писательского мастерства (2020 г, Ростов-на-Дону) и фестиваля «Берега дружбы» – 2022 (специальный диплом жюри имени Динеки), финалист Первого Международного литературного конкурса поэтических переводов «Сожскія берагі сяброўства. Сожские берега дружбы».

Публиковалась в Нижегородском альманахе "Земляки", в альманахе "Ковчег" (Тула) «Крылья» (Луганск); в журнале "Москва", "Российский колокол", "Бельские просторы", "Крымский сад метаморфоз", "Александръ", в "Литературной газете" (Москва) и в газете "Литературный Крым" (Симферополь) в сборнике поэтических переводов «Напьюсь воды из родника на небе». Живет в городе Симферополь.

ГОМЕР

Схоронены давно руины Трои
И ветер пыль в века разнес с дороги,
Но жили и живут как будто боги
Ахилл и Одиссей — мои герои.

Безжалостное время хоть творенье
Мое оставило, не сохранив портрет.
Вы знаете, что я слепой поэт,
Имевший от природы вдохновенье.

А где родился я — никто не знал.
Семь древних мест на то претендовали.
Но время стерло память и едва ли
Запомнит кто-то ваши имена.

Мой эпос как божественный чертог
Вознесся над прошедшими веками.
И я живу с античными богами
И сам полулегенда, полубог.

ФЕОДОСИЯ

Я позапрошлой осенью
Влюбилась в Феодосию,
Где море — зелень с просинью
И боги пьют амброзию.

Здесь псы с глазами грустными,
Кому-то став обузами,
Питаются подкустными
Объедками арбузными.

Здесь тучи виснут гроздьями,
Здесь небо плачет звездами,
Здесь клен увешан гнездами
И чагами-наростами.

А я ночами поздними
В саду люблюсь розами,
Что стали очень грозными,
Наученные грозами.

Потом иду, оставив их
(Ведь памятная дата)
В дворах домов Цветаевых,
Что жили здесь когда-то.

ТРОПОЮ ГРИНА

Идет тропой Грина
Цветаева Марина.
Ее золотая грива
Во ржи шуршит игриво.

С утра у Грина строго
Почтовая дорога.
Кругов он сделал много
От дьявола до бога.

Товарищам хорошим
Максимильян Волошин
Давал за медный грошик
Несносные калоши.

И я дорогой Грина
Бреду к тебе, Марина.
Веду с собой Марию
Влюбляться в Киммерию.

СОЛНЕЧНОГОРСКОЕ

В Солнечногорский летний рай,
Забуть о всех своих заботах,
Ты в отпуск летом приезжай,
За год изрядно поработав.
Ведь ты же знаешь, что Крым — наш,
А сам в Крыму ни разу не был.
Тебе постелен будет пляж
И встретит грот "Седьмое небо".

Течёт река Улу-Узень,
Дающая в жару прохладу,
И освежает в знойный день
Людей не хуже лимонада.
Зовёт урочище Джурла,
Манит Долина Привидений
И даже Сырная скала
Отведать просит впечатлений.

Ты взял семью, билеты, что ж?
Всё то, о чем зимой ты грезил,
В Крыму сбылось. И ты идешь
Счастливый к водопаду Гейзер.
И к каменным грибам Сатеры
Ты пробираешься проворно,
И кожи первый слой потерял,
На ЮБК, на море Черном.

НЕКРАСОВУ

Вопрос остался не решен:
Жить настоящим или мнимым?
О, Русь, кому же хорошо
Холопом быть, не дворянином?

Так среди равных был иным
Большой поэт немого века.
Ты, голос давший крепостным,
Увидел душу человека!
Россия вязла в нищете,
О демократии молчали,
Но появился ты и те,
Кто выразил ее печали.

Еще звучит в моей душе
Твоя страдальческая лира,
Как Герцен мне кричит уже:
– Не сотвори себе кумира!

Ты впрягся и надел хомут
Главы журнала "Современник".
Любовь к чужой жене поймут,
И страсть к игре, и жажду денег...

Крамской напишет твой портрет,
Корней Чуковский оправдает
Твои грехи, ведь ты — поэт,
О ком страна моя рыдает!

БАЛАКЛАВА

Под Севастополем одна
Из лучших бухт на Чёрном море
Есть — Балаклава. И она
У отдыхающих в фаворе:

Пейзажи живописных скал,
Прекрасное вино в бокале,
И люди едут в отпуска
Сюда, чтоб волны их ласкали.

И пляж Инжир, и мыс Айя —
Ландшафты Средиземноморья.
Куприн тут жил ещё. Не зря
Мечтает каждый жить у моря:

Ведь в этой бухте шторма нет,
И рыбы много. Это значит:
Не нужно выжидать момент,
Удачно чтобы порыбачить.

Вам зал "Холодная война"
Музейный комплекс "Балаклава"
Покажет, если в гости к нам
Приедете вы в город славы.

Красот природных всех не счесть
В местах, где было битв немало:
Свою отстаивали честь
Здесь стены крепости Чембало.

Какая в бухте красота!
Как на картинах в Эрмитаже.
И эти дивные места
Вам сами о себе расскажут.

ТАЛЬКОВ

О чем-то плачут ивы
Склонившись у реки.
На небо сиротливо
Взирают Васильки.

Письмо мое с приветом
Давно уже в пути
И вместе с бабьим летом
Как бабочка летит
Туда, где еще живы
Беззубые бойцы.
Текут непостижимым
Путем потоки Ци.

Мне не узнать свой город:
Обрушившийся град
Обвешал его короб
Наградами оград.

Пока еще не тронул
Снаряд короны крон,
Я к пню иду как к трону
Пересчитать ворон.

Воронок стало больше
И больше воронок.
Я понимаю: Боже,
Таков закон оков!

Так в бой же, пой же, вой же
Тальков!

ОСЕНЬ

Располагает осень к грусти,
И дождь гулять меня не пустит,
И сторожит промокший кустик
Речное устье.

Не может осень быть в ответе
За все несчастья на свете,
Но я грущу в минуты эти
О прошлом лете.

ДЕТСТВО

Мне снова захотелось в детство:
В тот летний вечер, навсегда,
Мальчишка, живший по соседству,
Поклялся в дружбе мне тогда.

Как детство вспоминать приятно!
Я помню лампы теплый свет...
Вот только в детство безвозвратно
Потерян сказочный билет.

Я помню запах яблок спелых,
И мамы милое лицо,
И череду поступков смелых,
Но не одобренных отцом.

И разговоры до рассвета,
В костре — свеченье угольков,
И запах яблочного лета,
И стук о лампу мотыльков.

Мне снова захотелось в детство,
Где мне все ясно и понятно.
Вот только нет такого средства,
Чтоб в детство нас вернуть обратно.

КОРОНАВИРУС

Ты мне звонишь и мы молчим.
На шахте был метана выброс.
Ты выбираешь гроб на вырост,
А я хочу купить кимчи.

Весь мир к смертям давно привык.
Поток скорбящих нескончаем.
И мы, захлебываясь чаем,
Читаем чемоданы книг.

Стихи уже запрещены,
Которых ты еще не слышал.
Лишь только дождь стучит по крыше
О том, что мы обречены.

Ты мне звонишь, и мы молчим.
И в этом есть свой плюс и минус,
Но у тебя коронавирус —
Сказали сонные врачи.

СЕРГЕЙ БЕЛАЯ

Брест

Печатался на страницах газет, журналов, альманахов, антологий и сборников Беларуси, России, Польши, США и Украины. Автор сборника фантастических рассказов «Щит Персея» (2018) и сборника научно-фантастических рассказов «Расследаванні інспектара Сарвы» (2018). Лауреат Брестского областного конкурса «Мы рождены для вдохновения», литературного конкурса фантастических рассказов издательства «Новая реальность», конкурса рассказов газеты «Звезда», литературной премии Брестского областного исполнительного комитета имени Владимира Колесника, литературного конкурса мистики, фэнтези и хоррора сайта «Юг-слово», республиканского конкурса фантастического рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси», конкурса фантастического рассказа «Удивительное рядом, но...» Новокузнецкого городского клуба любителей фантастики «Контакт», VI открытого республиканского литературного конкурса «Крымское приключение 2021», конкурса остросюжетного рассказа, организованного секцией приключенческой и детективной литературы ОО «Союз писателей Беларуси».

MAKE СКАЗКА GREAT AGAIN

Фантастический рассказ

– И как верно заметили ребята из ВИА «Depeche Mode»: «We're damaged people, praying for something, that doesn't come from somewhere deep inside us...». «Мы испорчены и молимся тому, чего нет в наших

душах», - с нотками трагичности сказал радио-диджей. – А теперь – к новостям культуры. Компания «Walt Disney Studios Home Entertainment» официально заявила, что переснимет классический мультфильм одна тысяча девятьсот тридцать седьмого года «Белоснежка и семь гномов». По новой моде главная героиня превратится в чернокожую эксгибиционистку...

– Кретины! – резюмировал Тимофей Стибрак, не отрываясь от карбюратора: ремонт следовало закончить к началу рабочего дня – битва за урожай только-только разгоралась. Никто не будет платить за простой. А вот премии лишить могут.

– Поменяют расовую и гендерную принадлежность также гномы... - радио-диджей захлебнулся, как будто студия в мгновение ока наполнилась водой. Динамики взорвались треском помех.

– Что за... – водитель СПК «Беловежский» шагнул к радиоприёмнику и... полетел в пропасть. Но даже не успел испугаться – падение закончилось приземлением в стогу сена. Самый разгар дня и реликтовый лес вокруг служили доказательством того, что водитель вновь очутился в сказке. Стибрак даже не выругался, хотя чаще ворона выдёргивала его по сущим пустякам.

На этот раз ворона что-то напутала с координатами: вместо привычной избушки на курных ножках в окружении насаженных на колья черепов водителя встретила звериная тропа. Помня о том, что в сказке любая деталь имеет исключительное значение, водитель сунул гаечный ключ в карман старых засаленных, однако разорванных только в паре мест джинсов, и неторопливо зашагал по тропе, чтобы спустя какое-то время наткнуться на гигантский билборд, подсвечиваемый ночью лампадами.

– Мать моя женщина! – из-под прямого козырька ярко-красной кепки на водителя смотрела ворона. Над ней аршинными буками шёл слоган «Make America Сказка great again!». Снизу было написано «Анжиолетту в президенты!».

Водитель подивился размаху вложенных в избирательную кампанию финансовых средств и продолжил путь. Как и следовало ожидать, звериная тропа привела водителя к избушке на курных ножках. Только теперь, если верить рукописной табличке на воротах, это был избирательный штаб кандидата в президенты Сказки Анжиолетты.

– Внучки Феникс, дочери Птицы-Рух, сестры Алконости... – по мере чтения глаза водителя округлялись всё больше. Об этой стороне вороны ему ничего не было известно. – ...Гамаюн и Сирин, лучшей подруги Жар-птицы... Защитницы Правды, утешительницы оскорблённых, поддерживательницы слабых, опоры и надежды мягковольных, адвоката невинных...

Список был длинным – устанешь читать.

Водитель толкнул створку. Вопреки обыкновению, ворона не кинулась к Стибраку с диким криком «Беда!». Водителя вообще никто не встречал: двор был пуст, а из печной трубы не вился дым. Лишь высокими тяжёлыми пачками лежали предвыборные плакаты.

Водителя охватили недобрые предчувствия, и он со всех ног кинулся в избушку, где застал Чёрного Кота. Хотя правильнее было бы называть его Радужным. И Чёрному Коту очевидно нездоровилось.

– Что случилось? Где все? – водитель подхватил Чёрного Кота с пола и уложил на кровать Бабы-Яги. Во взгляде Чёрного Кота было мало разумности, однако водителя он всё-таки узнал, чему поспособствовал влитый в рот Чёрного Кота ковш живой воды.

– Это я тебя позвал, Тимофей Васильевич, – слабым голосом произнёс Чёрный Кот. – Беда в Сказку пришла страшная. Мор рукотворный. Зомби-вирус: героев сказочных он переделывает и забвению предаёт. А для нас забвение полное – та же смерть. Скоро от старой Сказки ничего не останется – одни копии персонажей сказочных... Анжиолетта спасения путём президентства ищет, а Ягишна в Нигде самоизлечением занимается: у неё возраст и иммунитет ослабленный.

– Где? – не понял водитель.

– В нигде. Место такое особое. И есть, и нет его... Выручай, Тимофей Васильевич. На тебя только одна надежда. Жуть как помирать не хочется. И Сказку жалко – где ещё фантазиям Явью делаться? Коли не найдёт фантазия выхода – война братоубийственная начнётся, и от Яви камня на камне не останется.

– Я же не врач, – напомнил водитель, промакивая Чёрному Коту пот на лбу и лоя себя на мысли, что всё уже давно предрешено. И ведь никогда не думал, что он, простой водитель колхозного МАЗа, станет на защиту Добра.

– Ты – герой, Тимофей Васильевич, – указал Чёрный Кот. – А в Сказке герою всё подвластно. Сказка вокруг героя строится.

– Есть подозрения, кто был нулевым пациентом? – совесть не позволяла водителю отказать в помощи. В мире итак мало хорошего, чтобы потерять ещё и сказку. – И где он подцепил эту заразу?

– Поговаривают, будто ведьма в Сказке завелась. Злобы в ведьме этой столько, что Триглав миров трижды по три раза испепелить ядом её можно. Героев сказочных ведьма на дух не переносит и переделывает по-своему: превращает в анти-персонажей. Те злобой ведьмы питаются и из Сказки Клоаку зловонную ладят. А как умрёт последний персонаж, так и другие миры Древа Рода сгнивать начнут, пока в непотребство, сердцу ведьмы такое страстно желанное, не превратятся... А первыми Зигфрид Нибелунг, Капитан Америка и Илья Муромец заболели.

– И что с ними стало?

– Зигфрид женщиной сделался, до пола своего охочей, и против драконих не бьётся, хоть бы они и деревни разоряют, потому как шовинизм мужской это... Капитан Америка – аутист теперь, вегетарианец и анархический эко-активист... Илья Муромец превратился в китайца-асексуала... Тебе больше Анжиолетта расскажет. Только её поймать сложно – с митинга на митинг мотается: величие минувшее вернуть Сказке намеревается... и ведьму злобнозлую прогнать. Только сил у Анжиолетты недостаточно: отравы ведьмина глубоко проникла. Железо калёное только и поможет... Спешу, Тимофей Васильевич. Пока поздно не стало. Не успеешь – уже ничего исправить нельзя будет: такой шанс только единожды даётся.

– Так сказка ведь. Разве нельзя всё переиграть? Перезагрузить?

– И Сказку убить можно. Поспешу, Тимофей Васильевич. А я слишком объёмный, архаический образ – помирать долго буду.

Сказка не была бы сказкой, если бы Стибрак сразу получил готовый ответ. Однако подсказка должна присутствовать непременно.

– И что это может быть? – водитель почесал в затылке.

Во дворе, тяжело переваливаясь на рёбрах, появился Колобок. Большая часть его квадратного рыхлого тела напоминала реголит – трёх дней не прошло, как по телевизору рассказывали о миссии «Аполлона-11». Дотянуться до верха высокой пачки Колобку не удавалось, как он ни силился.

– Давай помогу, – под требовательным взглядом Колобка водитель снял три пачки. И с сочувствием спросил: – Где это тебя так угораздило, малый?

– Был я диском многосильным, движение светила жизнедарующего по небосклону олицетворяющим, а фантазией извращённой, алкоголем и дурманом травяным рождённой, стал кубом лунным. Символом обратного физического и умственного развития. И смерти, - на Колобке была точно такая же кепка, как у Анжиолетты. – Ведьма проклятая фантазию ту больную супротив меня обманом страшным обернула. Сказала, что образ мой только выигрывает.

– Так ты ведьму эту видел? – оживился водитель: вот она – та самая подсказка.

– Нет у неё обличья конкретного, герой.

– И как понимать твои слова, малый? – слесарь Жорж Гаврилыч, когда напивался, тоже начинал говорить загадками.

– Каждый видит ведьму по-своему, как развитие умственное позволяет. А встретить её можно где угодно и когда угодно. Но милей её сердцу желчному места гнилые, дурью безграничной, как земля весной, водой талой пропитанные. Кто ищет, тот разыщет. Make Сказка great again!

Яснее не стало, но тут порыв ветра донёс до водителя сильный запах тлена. И Стибрак взял курс на запад, слабо представляя, как он справится с ведьмой. Ни Чёрный Кот, ни Колобок волшебным оружием его не снабдили. А рыться в вещах Бабы-Яги в её отсутствие – не комильфо. За такое морду бьют.

Путь водителя лежал мимо могилы Джеймса Бонда, английского шпиона, который, если верить эпитафии, попытался внедриться в секретариат Председателя КГБ СССР и оказался разоблачён.

– Там же ни одного негра-шимейла никогда не было, – удручённо покачал головой водитель. – Они бы ещё мутанта какого-нибудь инопланетного шпионом сделали. Это же надо так ненавидеть Историю...

Сказка менялась: на глаза водителю попался Терем-теремок. Только теперь в нём жили не Муха-Горюха, Мышка-Норушка, Лягушка-Квакушка, Зайчик-Побегайчик и Петя-Петушок-Золотой Гребешок, а панки, анчутки и хиппи. Обитатели сквота покрыли Терем-теремок безобразными граффити и абсолютно не утруждали себя даже минимальным уходом за зданием, отчего оно приобрело совершенно сюрреалистический вид и грозило скорым аварийным обрушением.

В какофонии, окружавшей Терем-теремок, было невозможно выделить конкретных звуков, и била она по ушам посильнее гидравлического молота. Водитель поспешил уйти, но путь прошёл короткий: оставить без внимания штендер было невозможно.

– Зовём всех желающих на бракосочетание альтернативно одарённой вагинальной персоны Джека-метеориста и фемино-некро-киборгини, преодолевающей трудности из-за своих вертикальных и горизонтальных пропорций, сторонницы свободной политической и умственной ориентации Великанши. Вход по бобовому дереву...

– Эй, бро. Релакснуть не желаешь?

Водитель обернулся на старческий голос. Дон Кихот узнавался с большим трудом – испанский идальго превратился в тучного драг-диллера из трущоб Латинской Америки. Все зубы были золотыми. Из-за золотых перстней виднелись лишь кончики толстых пальцев. Золотая цепь обвивалась вокруг бычьей шеи подобно анаконде.

– Чё?

– Есть «башатумнай», «лизер», «крокодил», «детский митрофан», «Е», «герыч», «кокс», «витамин к», «винт», «кокнар», «ханка»... – принялся деловито перечислять драг-диллер, однако водитель перебил его:

– Ты что же это – «наркоту» мне предлагаешь?

– У нас сейчас акция... – озвучить подробности Дон Кихот не успел: водитель от души саданул его кулаком во вставные зубы. Вслед за тем ещё ногой добавил, когда драг-диллер растянулся в пыли, сожалея лишь о том,

что надел сланцы, а не рабочие кирзовые сапоги с победитовыми набойками.

Ожидать от толстяка такой прыти было сложно – Стибраку только и оставалось, что проводить «болид» ненавидящим взглядом.

Дальше раздражение лишь усилилось: на священной горе Меру были установлены громадные буквы «ВLM»; на месте источника с живой водой возвышался комбинат по розливу «Политкорректной колы»; башня Рапунцель превратилась в казино; из капища Перуна сделали блошиный рынок; плавучий остров «Standard-Island» оказался объявлен территорией коренного населения – бактерий, и для наискорейшего их размножения на высоту в полтора метра завален навозом...

Имелись и другие трансформации: чаще кардинальные, переворачивающие вещи с ног на голову.

– Хоть бы что-то на пользу пошло, – посетовал водитель. – Теперь понятно, отчего Анжиолетта взялась разгребать эти Авдиевы конюшни.

О том, что безобразный червь на цепи – Геракл, сообщали сотканые из розового облака имя и указатель в виде стрелки. Цепь держала шароподобная женщина с восемью грудями и четырьмя парами ягодиц. Настолько огромных, что водитель сразу вспомнил «палеолитических Венер» канала «Discovery».

– Что он бормочет... э... милейшая? – уточнил водитель, так как не разобрал в речи червя ни одного знакомого слова.

– Обращайся ко мне «Священное Женское Начало», смертный! – громоподобным голосом потребовала женщина.

«Могли бы и поэстетичнее придумать», – мысленно закатил глаза водитель. Однако вслух комментировать не стал. В последнее время все сделались жутко обидчивыми – на хер некого послать.

– Что он говорит, Священное Женское Начало? – оставалось только порадоваться, что обошлось без излишнего натурализма. С фантазёров станется изобразить вульву во всех анатомических подробностях.

– Кается за все грехи белых мужчин: женоненавистничество, расизм, религиозную нетерпимость, архитектурный гигантизм, борьбу за выживание, фашизм, патриархальное доминирование, империалистический колониализм, загрязнение окружающей среды, курение, гендерное ханжество, гедонизм, гонку вооружений, мораль внешнего полового члена, бюстгальтеры, конкурсы красоты...

– Конкурсы красоты? – опешил водитель.

– Тот же рынок рабов и скота!.. О, за мясоедство ещё не каялся!

Стибрак поспешил уйти, поскольку не был уверен, что сумасшествие не заразно. Однако уже спустя какую-то сотню шагов стал свидетелем ёлочного повала, сравнимого по масштабу с ураганом.

– Вы чего делаете? – осведомился у Двоих из ларца – одинаковых с лица водитель, опустив обращение «мужики»: сказочные герои не имели чётко выраженных признаков пола. Этакие оплывшие как свеча увальни.

– Ёлки рубим, – в один голос ответили Двое из ларца – одинаковых с лица. – Разве того не видишь?

– Вижу, только не пойму зачем. Молодые ведь ещё совсем – только на зубочистки и годятся.

– Ёлку на Рождество и Новый год ставят, – Двое из ларца – одинаковых с лица были рады сделать перекур. – Мало того, что это фаллический символ, так ещё и олицетворение доминанты Y-хромосомы.

– Чего доминанты? – брови водителя взлетели едва ли ни до волос.

– Неполиткорректно – обидеться могут.

– А обижались хоть раз? – уточнил Стибрак. Поваленные деревья – как ножом по сердцу: предки ведь среди лесов выросли. Считай, в хате стены рушат. – Хоть кто-нибудь?

Двое из ларца – одинаковых с лица лишь развели руками.

Дальше – больше: выкрашенные в розовый цвет бульдозеры срывали курганы, так как волоты, в них похороненные, отрицали пацифизм и не могли справиться с выбросами тестостерона; полыхали высокие костры из всех флагов, даже мало-мальски отличных от радужного; повсеместно устанавливались камеры видеонаблюдения; конфисковывали для коррекции книги – не только исторические труды, но и беллетристику; устанавливали новые вышки-излучатели правильного мышления...

– Сумасшедший дом какой-то, – решил водитель. Привычная сказка, даже с новыми персонажами и локациями, растворялась как сахар в кипятке. Против переосмысления культурного наследия водитель не имел ничего против. Но... Понятие «канон» ведь было придумано не зря.

– И не говорите.

– Кто здесь? – водитель подпрыгнул от испуга: голос прозвучал над самым ухом, а ведь поблизости никого не было.

– Позвольте представиться – Политкорректный Идеал.

– Где? – взгляд водителя заметался в поисках незнакомца, однако глаза встречали лишь пустоту.

– Здесь.

– Да где? – водитель испугался, что и сам сошёл с ума.

– Я перед вами.

– Что за ё... твою мать? – водитель и в небо посмотрел: не висит ли квадрокоптер или дрон.

– Исключительно в такой форме никого не оскорбляю, – пояснил Политкорректный Идеал. И тяжело вздохнул. – Ни материальной оболочки, ни запаха, ни цвета, ни идейного содержания, ни веса, ни энергии. Стопроцентная гипоаллергенность.

– Так вы пустота? – только и нашёл, что сказать, водитель.

– Пустота подразумевает, что в неё можно что-то вложить, вдохнуть, влить... Я – ничто, никто, ничего. Самодостаточность, прости Господи.

– Так не бывает.

– В новом мире всё бывает. Никаких условностей и рамок... Никакого смысла.

– И вас это не устраивает? – удивительно было слышать подобного рода признание от квинтэссенции всего положительного, что только могло быть в новом дивном мире.

– А вам бы понравилось?... Я вроде бы есть, но фактически меня нет. И умереть мне не суждено: фальшивые гуманисты никогда не переведутся – изменить себя мне также не по силам.

– Если я помогу? – неожиданно для самого себя выпалил водитель.

– Мне нечем вам заплатить.

– Вы ведь в курсе того, кто вас выстрадал?

Много времени на ответ Политкорректному Идеалу не понадобилось. На прощание он уверенным голосом произнёс:

– Make Сказка great again!

Не иначе, как везением, встречу с Политкорректным Идеалом назвать было нельзя: Стибрак мог бродить по сказке ещё долго – иной сюжет временами так закручен, что и на несколько томов хватает. Гонорар и общественное признание – далеко не последнее дело.

Чем мелкотравчатее злодей, тем зычнее название его логова: ведьма обозвала свою резиденцию Дворцом Всеобщего Равенства. От чужого любопытства его защищал морок и экранирующие щиты.

– И как мне попасть внутрь? – озадачился водитель.

– Гой еси, немец! – заверещала ворона, заставив Стибрака вновь подпрыгнуть и со страхом подумать о раннем инфаркте: если каждый станет так пугать, СПК понадобится новый водитель МАЗа.

– Анжиолетта? – водитель насилу вырвался из объятий вороны. – Откуда ты тут? Мне Чёрный Кот сказал, ты предвыборный марафон по сказке устроила.

– Я избирательную кампанию веду, – охотно взялась объяснять ворона. – К эльфам намылилась с речью, чтоб народец мелкий супротив ведьмы страшно-ужасной выступил. А тут ты, любимка мой ненаглядный... Каким ветром?

– Чёрный Кот вызвал.

– А должна я... – ворона помрачнела. – Видать, наложила на меня ведьма-злодейка заклятие оглупляющее – и как только подобралась? Меня Ягишна берегами мощными в дорогу дальнюю одарила, но Добро всегда побеждает Зло, оттого заклятье аспидское как туман развеялся, дабы встретились мы с тобой.

- Ты одна?
- Сторонников у меня полным-полно – супротив супостата лютого биться будем. Ни на живот, на радость Маране. Только логика повествования не требует их присутствия здесь.
- Нам бы помощь.
- Что у тебя за настрой пораженческий, немец?.. Ты – герой сказочный, пусть даже и оратай чумазый, сохазависимый. Тебе сса... трусить не положено. Герой должен биться. И, чем сильнее враг, тем почётнее от руки его злодейской пасть.
- Всё так, но... – перспектива быть убитым самым изошрённым способом водителю совсем не улыбалась. Пусть и с перспективой быть увековеченным в сказке.
- Случайность не случайна, немец. То, что мы тут с тобой повстречались, означает, что в помощники тебе назначен цельный кандидат в президенты!
- Сказки.
- Ворону совершенно не смутило уточнение:
- Немец, вот как ты умудрился таким тёмным уродиться?.. Имеется в твоём мире президент Земли?.. Нет. А у Сказки границы пошире будут – докудова фантазии хватит. Verstehen?.. Что предпринять надумал?
- Нет у меня плана, – с сожалением признал водитель.
- Вот что ты за человек, немец? Тебе голова на что дана? Треух носить? Или думы думать?.. Чего ты позоришь вид Homo sapiens? То, что ты оратай землеройный, ещё не значит, что мозгом головным пользоваться не должен... Так и быть – помогу тебе: сердце у меня доброе. Make Сказка great again!
- Спасибо.
- Стало быть, энто и есть убежище тайное ведьмы диверсиитворящей?
- Политкорректный Идеал так мне сказал. Дворец Всеобщего Равенства.
- Пафос аж прёт, как и от всякого нетрадиционного... – ворона завертела головой в попытке нарисовать в уме постройку.
- Как ты сказала, Анжиолетта?
- Конкретизируй, немец. Мудростью я полна, а изречения мои содержательные на камне вековечном высечь некому. Хоть бы на бересте кто-нибудь нацарапал для потомков на память долгую, уважительную...
- Нетрадиционный... Кажется, мне известно имя ведьмы.
- Реки.
- Толерантность... Ты обратила внимание, что в первую очередь пострадали белые мужчины без отклонений? Которые всегда были впереди? Здравомыслящие?

– Имеется всё-таки, несмотря на дремучесть твою запредельную, в тебе потенциал эволюционный, немец, – нехотя признала ворона. – Да только имени одного мало будет. Тут wunderwaffe надобно.

– Чё?

– Wunderwaffe. Оружие чудодейственное.

– И где ты только умудряешься слов таких нахвататься?

– Я же не одними только Новосёлками и СПК живу, немец, – укорила ворона. – И тебе, как подруга давняя, наилучшая, настоятельно рекомендую расширять свой кругозор, иначе так примитивноразвитым и помрёшь... Надобно себе писаря завести – чтобы мысли мои глубокие для последующего изучения мудрецами седобородыми записывал... Так что там с оружием?

– Откуда?

– Немец, это же Сказка, а не территория аспида твоего участково-милицейского, Судьёй Дреддом прозванного: тут любая вещь оружием выступить может. Если сюжет и мораль того потребуют.

– У меня есть гаечный ключ, – вспомнил водитель. – Правда, рожковый, двенадцать на тринадцать.

– Все герои как герои – мечами, секирами и булавами со Злом сражаются, камнями на крайний случай, а ты вечно со своим инвентарём сельскохозяйственным носишься... - ворона печально вздохнула. – Ничего не поделаешь. Будем давать пиз... биться за Правду чем есть. Make Сказка great again!

– Знать бы ещё, как внутрь попасть.

– Немец, ты издеваешься? – вспыхнула ворона. – Кто тут Сюжет определяет?.. Даже последний аспид пропойный догадается: взять и пройти. Морок для отведения глаз ставят. Очей, а не тела, оратай ты медленнодумательный.

Идти первой ворона, тем не менее, категорически отказалась. Водитель покрепче сжал гаечный ключ и, задержав дыхание, прошёл сквозь прозрачную стену, не встретив ни малейшего сопротивления.

– Ё! – выдохнули разом водитель и ворона: сказать, что гигантское сооружение было плодом горячего воображения, означало не сказать ровным счётом ничего. Шизофрения, возведённая в абсолюте.

– И всё у ведьминых единомышленников так, – ворона сплюнула, и тяжёлый тугой рулон с кратчайшими тезисами предвыборной программы едва не вывалилась из-под крыла. – Вот стану президентом, запрещу подобную пошлость.

Водитель поймал себя на решимости не позволить помешательству стать догмой. Всё хорошо в меру. Даже самогон тестя. Стремлением к разнообразию нельзя оправдать никакой абсурд

– Странно, что нас никто не встречает, – насторожился водитель, подозревая засаду. Уж очень гладко всё шло.

– Может, ведьма гнильгенерирующая, чтоб ей силосом всю жизнь кормиться, она мизантропиха редкостная? От желчи ядрёной, её переполняющей, ни с кем сблизиться не может?

– Злодею без свиты никак, – помотал головой водитель. – Не самому же перед собой пресмыкаться.

В этот самый миг из распахнувшихся настежь ворот Дворца Всеобщего Равенства хлынули слуги ведьмы. Искусственные уродства превращали их в нечто неопишное, объединённое ненавистью к инакомыслию и нежеланию утопической стандартизации. Толпа оказалась вооружена чем попало – от бейсбольных бит, утыканных гвоздями, до плазменных резаков.

– Жаль, Мьельнира нет, – посетовал водитель.

– Немец, ёшки-матрёшки, ты же в Сказке! – напомнила ворона. – Тут всё создаётся силой мысли. Фантазируй! И думай быстрее, пока ушлёпки энти седалищеголовые нас по земле слоём тонким не размазали.

Водитель зажмурился и подключил воображение. Сначала казалось, что ничего не получится, а затем рука Стибрака резко пошла вниз от тяжести: голографическая копия гаечного ключа выросла до размеров корабельной мачты и заискрилась аннигиляционной энергией.

– Респект оратаям! – ворона приготовилась биться кратчайшими тезисами: даже без мысленного воздействия любая предвыборная платформа способна взорвать мозг. – Make Сказка great again!

Водитель и ворона встали спина к спине за секунду до того, как на защитников Правды обрушился девятый вал эпигонов безумия. В лютой ненависти слуги ведьмы затаптывали насмерть даже своих.

Гаечный ключ заставил бы умереть от зависти режиссёров кинофильмов-боевиков: монстры валились как спелые колосья под серпом. Однако на место убитого тотчас же вставали двое живых. Хотя такой жизни Стибрак не пожелал бы и врагу: быть даже не статистом, манекеном – марионетки и те обладают большей свободой.

– Viva la Сказка! – ворона старалась не отставать от водителя. И даже пыталась превзойти его: избиратели должны оценить такое рвение. Одной победы над врагом – недостаточно.

В какой-то момент слуги ведьмы дрогнули и покатались назад, но расслабляться было рано: на беззвучный ор безумной хозяйки Дворца Всеобщего Равенства поспешили заражённые.

– Ведьма им семя разумопомрачающее в мозг головной высаживает, – объяснила ворона, уворачиваясь от кривой сабли фиолетового доблестного рыцаря Айвенго, который оседлал единорога с крыльями как у летучей мыши. – Семя паутиной густой отупляющей прорастает. Если не

выдернуть в срок, мозг головной в труху гнилую превращается. Копиям самое оно, а персонаж сказочный к Маране на побывку вековечную отправляется.

– Профилактикой заниматься надо, - рыкнул водитель, избавляясь от слизняка-Тамерлана. Профилактика, а ещё лучше – вакцина от идиотизма, не помешала бы и миру самого Стибрака. Там, где абсурд становится нормой, упадок неизбежно заканчивается гуманитарной катастрофой.

Численное превосходство рано или поздно должно было сыграть против водителя и вороны. Срочно требовалось перехватить стратегическую инициативу. Стибрак крикнул во всю мощь лёгких:

– Будь толерантен к толерантности!

Почему вырвалась именно эта фраза, водитель сказать затруднялся. Но сработало: все без исключения враги застыли соляными столбами.

– Силён, немец! – обессилено сказал ворона. Рулон превратился в натуральные лохмотья – такими даже муху не испугаешь.

Водитель ничего не успел ответить: появилась сама Толерантность. Дракониша о шести головах: Равнодушие, Презрение К Здравому Смыслу, Диктатура Нетерпимости К Инакомыслию, Террор, Словоблудие и Торжество Серости. Главным оружием ведьмы был яд виноватости: отравишься таким – почувствуешь себя обязанным расплачиваться за мнимые грехи. А если дракониша прижмёт когтистой лапой – потеряешь его.

Почему вдруг вспомнилась латынь, разбираться было некогда: Толерантность устремилась в атаку.

– Сказка навсегда! – завопила ворона.

– Сало рулит! – озвучил свой боевой клич водитель.

– Сало тут причём? – ворона даже остановилась.

– Мне нравится, – признался водитель. – Всяким альтернативно развитым можно вопить о своих вкусах, а мне поделиться любовью нельзя, что ли?

И началась битва, яростнее которой ещё не знала история. Уступать не хотела ни одна сторона. И, хотя Толерантность оказалась многократно сильнее, верх всё равно взяли водитель и ворона. Потому что, какой бы сильной ни была Сила, а Правды ей никогда не одолеть.

– Ну всё, ведьма пакостливая, готовься дуба врезать, – ворона грозно нависла над поверженной Толерантностью. – Сейчас герой геройский тебя стружкой мелкой нарезать будет. После мёртвой и живой водой польёт и уже на конфетти дробные пустит. Потом снова мёртвой и живой водой окропит и...

– Анжиолетта, прекрати! – потребовал водитель.

– А что не так, немец? – удивилась ворона. – Разве ж падла энта узколобая смерти не заслужила?

– Знаешь, чего никогда не будет у толерантности, Анжиолетта? – ворона пожала плечами. – Чувства юмора. Нужно не расковыривать рану, тыкая в нос всем и каждому тем, как тебе больно. Лучше посмейся над собой и живи себе дальше... И помогай. На деле, а не на словах.

Ведьме перевязали раны и заставили извлечь токсичные семена из всех сказочных персонажей, после чего оставили в срубке под надёжной охраной: ничто так не заставляет задуматься, как длительная изоляция.

– Так что ты обещал Политкорректному Идеалу, немец?

– То, что не позволяет ни одному идеалу стать подлинным идеалом. Изъян.

АНДРЕЙ ГРУНТОВСКИЙ

Санкт-Петербург

Родился и живёт в Санкт-Петербурге. Закончил конструкторский факультет ЛИСИ. Работал по специальности на строительстве оборонных объектов. В 1980 – 85 гг. учился в театральной студии и играл в театре «Четыре окошка». В начале восьмидесятых посещал семинар при Союзе писателей поэта Германа Гоппе. Много сил отдал фольклорному движению... Автор ряда книг о народной культуре, нескольких поэтических сборников и книг прозы. Создатель и руководитель (с 1993 года) «Театра народной драмы», а также – руководитель поэтического семинара при

Союзе писателей России.

ЗА НАШЕЙ СПИНОЮ РОССИЯ...

За нашей спиною Россия,
И некуда нам отступить...
Покровом Своим светло-синим
Укрой нас, Небесная Мать.
Мы Дом Твой Святой, Приснодева,
Порушили и – по углам...
И всё что имеем, – за дело,
И всё, что про нас, – по грехам.
А значит, мы мало месили
Твои Куликовы поля...
За нашей спиною Россия,
А это не просто земля...

Не пажити просто, не пашни,
Не недра, что проданы враз,
И даже не сонмы всех павших
За нас ведь – окститесь! – за нас.
Не храмы одни, не иконы,
Не плоть, что лежит не дыша,
Не песни, не слёзы, не кони,
А вечная наша душа.
Слезой Своей негасимой
Омой нас, Небесная Мать, –
За нашей спиной Россия,
И некуда ей отступать.
2001

РОССИЯ

Мне не уснуть... Никак нельзя...
Уснуть не можно, нет, не можно...
Куда ушли мои друзья,
Во тьму ступая осторожно...
Куда загинула любовь,
Где строчки я свои рассеял?
Не сплю и слышу – стынет кровь
В тебе, уставшая Рассея...
Ведь я кровиночка твоя,
Я плоть твоя - никак не боле...
Живёшь, собой меня творя,
Я часть твоя, как лес, как поле,
Как реки синие твои,
Как небеса, где птицы пели...
Твори меня, твори, твори!
Пока звенят твои капли,
Пока метель гудит в степи,
Пока жара плывет над плесом...
Но только лишь не спи, не спи,
Осевши пылью под колёса!
Перетерпи, перемели
Грехов немереные тыщи...
А то вернуться журавли...
И здесь России не отыщут!
2013

СТРОЧКИ

В этих строчках, как в речках
Заблудилась душа...
Где деревни при печках
Чуть дымятся, дыша...
В этих строчках, как в жилах,
Наша движется кровь,
В этих строчках мы - живы,
В этих строчках – любовь.
Я любил эти строки,
Эти нити миров.
В них не кончатся сроки,
В них – нетканый Покров...
В них придут во веки,
Что бы в вечности течь
Наши руки и реки,
Наша русская речь...
2013

* * *

Душно в июле... Ночами
Ходит, пока я не лёг,
Ангел небесной печали –
Лёгонький, как мотылёк.
Водит моею рукою...
Душу ли мает мою, -
Нету под небом покоя,
Стоя стиха на краю...
Судьбы мелькают и лица,
Близится названный срок...
Что-то незримо томиться
В коловращении строк.
– Мало своей мне печали
До гробовой до доски!
Что же ты ходишь ночами,
Ангел небесной тоски! –
Стих, поднимаясь по небу,
Падает, тлеет в золе...
Как мы тоскуем по небу –
Небо грустит по земле...
2014

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Я с детства её полюбил за упрямость,
За стройность и гибкость. За терпкость во рту...
В других есть и сладость, и мягость, и пряность...

Но я не прельщался на ту красоту...
А осень нагрянет, – ах, как ты любила! –
Волынку безмерной тоски сентября...

Но красною кровью украсит рябина
До сумерек полных на взгорьях горя...

Её исполощут – набег за набегом –
Косые дожди – тут пощады не проси!

Но долго... до снега и после – под снегом,
Как вышивки древних нарядов Руси...

А птичьему царству и дом, и отрада,
И хлебец насущный синиц, снегирей...

А если умру... то гвоздики не надо...

А дайте мне первой любви моей!

2014

В ДОНБАССЕ

Трактора запашут ямы...

И никто нас не найдёт.

Пионер под барабаны

С красным флагом не придёт.

Сердобольная старушка

«Святой Боже» не споёт

И солдат из медной кружки

Фронтовые не допьёт...

И не клином журавлиным,

Пролетающим окрест,

Ни калиной, ни рябиной

Не отметить этих мест...

Ляжем в общую могилу,

Чтоб метели замели...

Лишь забытые мобилы

Всё звенят из-под земли...

Позвенят ещё немного,

Дней пять-шесть, и замолчат –

И останется дорога,

Над дорогой – пыль и чад...

2015

СЧАСТЬЕ

Мы жили бедно и счастливо,
А нынче бедно и несчастно.
В саду у деда зрела слива
И дед был счастлив... небо - ясно.
А с ним – счастливая бабуля
И я был мал, но очень счастлив...
А дело было то в июле
На той шестой планеты части.
Война гремела во Вьетнаме...
Мы собирали им посылки,
Чтоб поделиться тем, что с нами
Гуляло в ситцевой косынке...
Оно взлетало на орбиту
С лицом Валюши Терешковой,
Звучало в песнях не забытых
И в строчках, что учили в школе...
И над садами, над домами
В вечерней радио-программе,
Переплетаясь с дымами
И отражаясь в каждой раме...
Спокойно плыли позывные
Прекрасной песни ежечасно...
И кралась времена иные,
Чтобы урвать былое счастье...
Мы жили бедно, но счастливо,
Мы жили честно – что там охать!
Давал Господь нам, чтоб хватило
На всю грядущую эпоху...

2016

* * *

Я ждал тебя, шёл долгий дождь,
А я всё ждал и ждал...
По мне стихов бежала дрожь –
Размер немного жал...
Я ямб исправил на хорей
И вновь – хорей на ямб.
Ты не пришла ко мне скорей,
Скорей - пришёл ноябрь...
Я ждал тебя уж целый век –
В четыре тыщи строк,

И вот уже не дождь, а снег
Засыпал твой порог...
Я унимал слепую дрожь
В течение рек и жил...
Я стал на этот век похож –
Я весь его прожил.
Я полюбил его насквозь
С бедою и с войной...
Я ждал тебя и даже врозь –
Я был всегда с тобой...
А надо мною новый век
Течёт, течёт, течёт...
И набегают из-под век –
Но это всё не в счёт...
2017

ПЕРВАЯ ГРОЗА

А жду я первую грозу –
Уже исходит май...
Там, на скамеечке внизу –
Читатель, понимай! –
Сидел когда-то я – ни я,
А кто-то рифмовал...
И вот – история моя...
А был я глуп и мал...
А город жил, а город ждал,
Черёмух сыпал цвет...
А город тоже рифмовал
Своих столетий бред...
А город ждал. Чего он ждал? –
Когда я подрасту...
Мелькнёт река, канал, вокзал...
И ту найду – не ту.
И та не-та – который век –
Такая маета...
И должен выжить человек,
А как – когда не та!
И тыща самых верных слов,
Надежд, любовей, вер –
Всё потрясётся до основ... -
Проезд, ограда, сквер...
А я брожу, а я хожу,

Как по ножу хожу...
И я себя не нахожу,
Как ту – не нахожу.
Я сочиню себе судьбу,
И ту – то есть не-ту.
А годы... Ангел во трубу:
Ту-ту, на Воркуту...
А он всё ждёт... Чего он ждёт?
Что ждёт суровый век?
Он не таких пережует
И выплюнет на снег...
А я жду первую грозу,
Бессонниц звёздный лёт...
А он своё – перегрызу
И выплону на лёд.
Но я-то знаю маю цвель
И птахам вешним – петь!
Лишь только дождь сумеет смести
Всю пыль и хмарь. И цветь...
И цветь пробьётся... По лучу
Закружит вешний дух.
Я приручу, я приучу...
Огонь бы не потух...
Который тлеет между строк,
Который манит в даль...
И вот уже подходит срок:
Не всё же май – февраль!
А город ждёт. Чего он ждёт –
А я уж на краю....
Меня ли он пережует,
Его ль – перепую?
И всё же первая гроза
Приходит – не уймёшь!
И век стоит глаза-в-глаза.
Как этих строчек дрожь.
И пенье птах и цветь и звень,
И дождь, что вновь и вновь...
И эта первая сирень,
Как первая любовь...
Нет-нет, я должен перепеть,
А та ли там – не та...
Я сам не тот и смерть не смерть,

А вздор и маета.
А жду я первую грозу, -
Пусть вам и всё равно! -
Ведь это я стою внизу:
Фасад, подъезд, окно...
2017

ЛИСТОЧЕК

Память мне душу источит,
Сердце насквозь изнобит...
Жухлый, последний листочек –
Обыкновенный, на вид.
Неотличимый среди прочих...
Сеточкой жил перевит...
Самый последний листочек
Что же он всё не летит?
Вот, журавлиные стаи –
Скоро мороз опалит...
Снег упадёт и растает –
Сердце живое – болит.
Шторм ли грохочет над пирсом,
Звень ли лесная в тиши...
Как же он так зацепился
За уголок души?
2017

КНИГА

Под вереском иль повиликой
В снегах ли, в дождях ли, в пыли...
Ложатся страницы великой
Истории нашей земли...
Над ними певучие птахи
Мелькают тудой и сюдой...
И август в холщевой рубаше,
И в шубе декабрь седой...
То орды проносятся с гиком,
Сминая копытом ковыль
То танки безумным блиц кригом
Сквозь чад и наползают и пыль...
Кольшется спелая нива
И реки несут ледолом...
Как будто кто чиркнул огнивом

И замер – звезда над прудом!
А сколько неведомых судеб –
В курганах, в оврагах, в степи...
Читай эти строки – пребудет!
Читай и не спи и не спи!
Читают их ветры и звезды,
Читают в полях журавли -
Не поздно, покуда не поздно! -
Те строки беды и любви...
Оставил их раннею ранью
В забытых преданьях отцов
Премудрый какой Епифаний,
Державин, а может Рубцов...
Оставил соседский мальчишка,
Как между страничек - листок...
И нет в этой песенной книжке,
Чего б прочитать я не смог...
Читаю: деревня Никола,
Где храм одиноко поник...
И поле, что осенью голо,
Но полон его чистовик.

Читаю страницы селений,
Лесов и больших городов...
Где Пушкин прошел и Есенин...
А мой чистовик не готов.
Вплетаю последнее лыко,
Последние строчки свои –
Дымятся страницы великой
Истории Русской земли...

14.08.2018

КОРАБЕЛЬНАЯ РОЩА

Я лежу. Наискосок
Наслаждаюсь вечным летом:
Чудный шишкинский лесок,
Напоенный сном и светом.
Где-то бродит серый волк,
Мне уже его не страшно...
Пусть себе «зубами щелк» -
Я теперь уж в группе старшей.
Вот и бабушка сидит,

Тянет нитку из клубочка,
Время движется в зенит,
Протекает над внучочком...
Так проходит целый век,
Распадается держава.
Чем гордился человек,
Обнажилось криво, ржаво...

Та же дача, тот же сон,
Та же вечная картина,
Тот же сосен перезвон,
На корягах мох да тина...
Человек желает спать,
Но уснуть-то невозможно.
Ходит мальчик: – Пап, а, пап! –
Руку дёргает тревожно:
– Просыпайся, не молчи,
Расскажи нам сказку... скоро... –
И колеблется в ночи
Тусклый свет в окне за шторой...

Вновь проходят времена,
Вот и выросли сыночки...
Сказка, вроде, не нужна:
– Спи уже, дошёл до точки!
Но не дремлет древний лес,
Кто-то ходит в темной чаще...
Кто мелькает меж деревьев,
Смотрит, что там, в настоящем!
Уж не мой ли голосок
Раздается между сосен?..
Чудный шишкинский лесок...
Я лежу. Наискосок
Пролетело уток восемь.

14.05.2019

ХОЛМ

Я помню этот холм. И я стою
Средь земляники, клевера, ромашек...
Они – по пояс. Мне лет пять иль шесть.
Я – маленький, - стою перед великим, -
И вижу в пеньке пчел, шмелей и птиц

Весь этот холм, как храм, покрытый небом,
Где сотни колокольчиков звенят,
Где вознеслись шатры могучих елей
И где ветра на клиросах поют,
Сложившие еще до человека,
Какую-то чудную литургию...
А в небе над шатрами – журавли –
Паломники, спешат в Святую землю,
Стихиры сочиняя по пути...
А по ночам приходит он в движение –
Небесный купол. Чудные созвездья
Вращаются по кругу и поют
Другую песню. И приходит утро...
Я помню этот холм и этот храм,
Построенный до моего рожденья
И до грехопаденья моего...
Я помню всё, в цветах по пояс стоя,
В гуденье пчел, шмелей, в порханье птиц,
Средь земляники, клевера, ромашек –
Я помню этот холм. И я стою,
Склонив седую голову на травы,
Спустя пол века... Ну а он – все тот же,
Как до меня и после, и – во век...
И я прошу - и верю в всепрощение! –
Того, Кто у Истока. Я стою
Средь этих трав, цветов, опавших листьев,
Спешащих на работу муравьев...
В них растворяясь, созидаясь частью
Всеобщей литургии Бытия...
2019

Из цикла «Донбасс»

МУЗЫКА

Я слушать музыку пришёл -
В лесу, на переломе марта.
Под птичий щебет, свист и шёлк,
Как будто это всё про Завтра.
А завтра началась война,
Война-вчера, война-сегодня...
Она как будто не видна
За этой ёлкой новогодней...

Но в сердце дёрнулась игла,
И март напоз, февраль сминая,
И через душу пролегла
От танков колея иная...
Звучал тревожно обертон
Какой-то потаённой птахи
И лес шумел-вздыхал о том,
И колыхались между крон
Глухие сполохи и страхи...
А выше – ворон, как во сне,
Кружил, бросая тень на лица...
Но свой акафист по весне
Служили ангелы и птицы...

18.03.22

* * *

Сколько было сражений –
Ничего не изменим.
«Я убит подо Ржевом»,
Ну а я – под Ирпенем.
Для кого эти ахи,
Про кого эта убыль?
Это я – с Волновахи,
Это я – Мариуполь...
Перед нами нацисты
Или всё-таки братья?..
- Дай, мамаша, напиться
Перед новой ратью.
Что бы братство вернулось,
Как в былую эпоху...
Чтобы дети вдоль улиц,
А не танковый грохот...

5.04.2022

ПЕРВОМАЙ

Мы праздник свободы забыли...
Мы предали праздник труда...
И вот уже волны событий
Несут нас совсем не туда.
Вы скажете: что понимали! -
Опять же - судить не берусь! –
Когда распинали, ломали

На части Советскую Русь!
А ныне молится кому нам, -
Девятый приблизился вал...
Продали Христа и коммуны
И всё подминает Ваал.
И в бывших союзных обрезках
Нечистый орудует всласть!..
Лишь бабушка с флагом советским
Всё ждёт, что Советская власть...
05.05.2022

ОЛЕГ КОРНИЕНКО

Сызрань

Родился 6 февраля 1954 года в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище с золотой медалью. Около 28 лет отдал Сызранскому высшему военному авиационному училищу летчиков, воевал в Республике Афганистан. Награждён пятнадцатью медалями, в т.ч., «За боевые заслуги». Печатался в ведущих изданиях России, в журналах «Новый Свет» (Канада), «Простор» (Казахстан), «Приветик!» (Латвия), «Склянка Часу» (Украина) и др. Член Академии «Русский слог». Член редколлегии литературных журналов «Волга – XXI-й век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Лауреат городской премии «Признание», лауреат Международной литературной премии им. Э.Хемингуэя (Канада). Автор шести книг прозы для детей и взрослых. Член Союза писателей России.

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Ирине Токмаковой

Стёпка жил в небольшом посёлке и давно мечтал сходить в зоопарк или цирк. Зоопарк был в другом городе. Там жил дядя Коля, ехать к которому на электричке часа три. Стёпку одного не отпускали – мог заблудиться в большом городе.

Всё решил телефонный разговор с дядей. Договорились, что здесь Стёпку посадят на электричку, а там дядя встретит его. Но дяди на станции не оказалось. Стёпка подождал некоторое время, и когда большая стрелка на вокзальных часах перескочила на другую цифру, подошёл к полицейскому:

– Вы не знаете, где улица Совнаркома, дом 8?

– Совнаркома? Это идёшь прямо и упираешься в кинотеатр. А первый дом слева – твой.

Стёпка шел по улице и рассматривал витрины магазинов. В одной из них он увидел чучела и клетки.

– ЗООмагазин, – прочитал Стёпка и без колебания открыл дверь.

Чего здесь только не было! Прозрачная стена из аквариумов с разными рыбками, хомячки, декоративные кролики, много скрипучих попугайчиков, о которых давно мечтал Стёпка. Одним словом, всё что угодно, кроме слона. Слон ждал Стёпку в зоопарке, а потому Стёпка поспешил на выход.

Он быстро отыскал дом дяди и его шестую квартиру. На звонок никто не вышел. Стёпка позвонил ещё раз, и ещё...

И вдруг Стёпке послышались шаги. За дверью дяди Колиной квартиры кто-то ходил. Стёпка перестал дышать и прислушался: шаги то удалялись, то снова осторожно приближались.

Он нажал на кнопку звонка.

– Дядя Коля, откройте! Это я, Стёпка!

Нет, ему не почудилось, по коридору кто – то ходил: быстро-быстро туда-сюда. Стёпка опять требовательно позвонил. Но никто не откликнулся, и дверь не открыл.

Он сел на ступеньки, прижал к себе рюкзак и прислонился к стенке...

Его разбудил дядя Коля.

– Ты давно сидишь? Я уже все электрички встретил – нет тебя. Хотел уже звонить родителям – узнавать: в чём дело.

– У вас кто – то за дверью ходит, – сказал Стёпка.

– А это мы сейчас посмотрим, – улыбнулся дядя Коля, открывая дверь.

Навстречу им из кухни выбежала газета.

Когда дядя включил свет, газета развернулась на месте и покосолапила в тёмную комнату.

– Это ёжик. Постель на ночь готовит, – пояснил дядя.

– Ёжик? – удивился Стёпка.

– Ну да, ёжик. Недавно у подъезда в кустах подобрал, Лапку, видно, поранил. Подлечу его маленько, а потом в зоомагазин сдам, а может, на чучело кому продам. Какие ни есть, а деньги.

Ночью Стёпка несколько раз просыпался и слышал как шуршит газетами ёжик.

Когда утром он проснулся, в комнате никого уже не было. На столе лежала записка: «Завтрак на плите. В зоопарк пойдем завтра». Рядом лежал ключ, скорее всего, от квартиры.

И тут он вспомнил про ёжика. Ёжика нигде не было. Неужели уже отнёс? – испугался Стёпка.

Он прошел в другую комнату и заглянул под шкаф. Там шевелились обрывки старых газет. Это сонно дышал ёжик. Рядом стояло пустое блюдо.

Стёпка быстро выложил из рюкзака привезенные дяде гостинцы. Одно яблоко он оставил на обратную дорогу. Достал носовой платок и положил в него сонного ёжика.

«Мы с ёжиком паехали дамой. Стёпка», – написал он на обратной стороне записки.

Дорога к станции шла направо. Стёпка повернул налево, в городской парк.

Он прошёл вглубь парка, вырыл под кустиком ямку, выстелил её травой и осторожно положил в неё спящего ёжика.

В животе заурчало от голода. Он вспомнил про яблоко. Наливное, душистое, оно еле помещалось в Стёпкиной ладони.

«Я только немножко...» – сам себе сказал Стёпка и, положив надкушенное яблоко рядом с ёжиком, зашагал в сторону железнодорожной станции.

Электронный литературно-художественный
альманах прозы и поэзии

e – mail: ag.mishenkov@gmail.com

НОВЫЙ Российский писатель

№ 4/2023

Выходит с ноября 2022 года

КОРРЕКТУРА, ВЁРСТКА:
Александр Мишенков

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ:
фото ансамбля «Русская берёзка»

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

121069, Москва, Поварская, 52/55, стр.1, офис 32.

Тел./факс (495) 691-03-45